

МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

НИНА
ЯГОЛЬНИЦЕР

ФЕЛЬДМАРШАЛ
В БУБЕНЦАХ

Мастера исторического детектива

Нина Ягольницер

Фельдмаршал в бубенцах

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ягольницер Н.

Фельдмаршал в бубенцах / Н. Ягольницер — «Издательство АСТ», 2023 — (Мастера исторического детектива)

ISBN 978-5-17-157079-8

Слепой оружейник-подмастерье Пеппо по нелепой случайности становится обладателем старинного колдовского артефакта. И без того несладкая жизнь подростка стремительно катится под откос, ведь за обладателем всемогущей вещицы охотятся сразу трое: парализованная герцогиня, жаждущая излечения, инквизитор, стремящийся насадить в мире новую веру, и полковник, ставший жертвой магического артефакта и твердо намеренный его уничтожить. Но Пеппо не спешит расставаться со своим проклятием. Ведь, возможно, это его единственный шанс вернуть давно утраченное зрение.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-157079-8

© Ягольницер Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	45
Глава 6	54
Глава 7	60
Глава 8	69
Глава 9	77
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Нина Ягольницер

Фельдмаршал в бубенцах

© Ягольницер Н. Е., текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1

Равновесие

Полковника Орсо непросто было удивить, тем более застать врасплох. Но сейчас он молча стоял, держа в вытянутой руке фонарь, медленно раскачивающийся на толстой цепи, и неотрывно глядел на силуэт на фоне лилового неба. Затем медленно опустил фонарь на каменный пол площадки и скрестил руки на груди.

– И вам доброго вечера, Джузеппе, – так же спокойно проговорил он. – Мне даже не грех признаться, что вы меня удивили.

Он сделал паузу, внимательно глядя на подростка. Но тот стоял так же неподвижно, не спеша вступать в разговор. Помолчав, Орсо сделал шаг вперед.

– Стойте на месте, полковник, – тут же раздалось в ответ.

Орсо остановился, зачем-то увещевающе вскидывая руку.

– Я не двигаюсь, – заверил он, а мальчишка одобрительно кивнул:

– Вот теперь нет. Имейте в виду, ветер в мою сторону, я слышу даже ваше дыхание, не говоря уж о шагах.

Тем временем кондотьер уже справился с первым замешательством и неожиданно ощутил любопытство:

– Послушайте, Джузеппе, прежде чем мы перейдем к нашему общему делу, позвольте спросить: как вы меня разоблачили?

– О, по чистой случайности, – ровно пояснил оружейник. – Мой... приятель недавно выучился грамоте и еще неопытен. Когда он читал мне письмо, которое вы мне подсунули, он не узнавал половину букв. Я сразу заподозрил, что оно писано другой рукой. А потом вы допустили оплошность. Там есть такие слова: «Все эти годы ты ошибался. У тебя совсем не та фамилия, что ты думаешь». Но я никогда не называл Гodelоту своей фамилии. Я попросту не помню ее. Да и Лотте никогда бы на второй этаж меня зазывать не стал. Побоялся бы, что я башку разобью, и у самых ворот бы встречу назначил. Ну, и в придачу от вас слегка пахнет анисом, а Лотте его терпеть не может.

– Но как вы узнали меня? Мы ведь с вами не знакомы.

Подросток отчетливо ухмыльнулся:

– Господь с вами, полковник! В Венеции есть тысячи укромных мест, где меня можно тихо придушить. Но вы заманили меня туда, где моих криков все равно никто не услышит, даже если кромсать меня на ремни. Значит, вы собираетесь задавать вопросы. Едва ли вы поручили бы это кому-то другому. – Пеппо на миг умолк, а потом добавил с чуть едкой доброжелательностью: – Полковник, почему вы молчите? Вы расстроились? Не нужно, право. Ваша ошибка простительна. К тому же я все равно здесь.

Орсо покачал головой, снова ощущая, как его охватывает непривычное и досадное чувство замешательства... Он наконец-то настиг неуловимого Гамальяно. Он раскрыл тайник, успел подменить письмо, блестяще заманил проныру в ловушку, но отчего-то вовсе не чувствовал себя победителем. Паршивец не только раскусил приманку. Он нахально пришел прямо на казнь, а теперь еще и утешает своего преследователя, балансируя на краю полуразрушенной стены. Что за странный поворот?

Но полковник отогнал эти бесполезные сомнения и снова воззрился на мальчишку:

– Что ж, вы правы, я опять недооценил вас и допустил уйму ошибок. Однако вы действительно здесь. Почему же вы явились на мое приглашение, если уже знали, что с письмом не все чисто?

Гамальяно пожал плечами, и шутливая искра исчезла из его тона:

– Я устал от вас бегать, полковник. Вы, с вашими деньгами, шпионами и солдатами, все равно бегаєте быстрее. Кроме того, я не люблю быть еще более слепым, чем обычно. У меня тоже есть вопросы, на которые я хочу ответов.

– Что ж, я не против, – невозмутимо кивнул Орсо, – задавайте.

Мальчишка сделал паузу и резко произнес, будто срывая с кожи раскаленную каплю смолы:

– Какова же все-таки моя настоящая фамилия?

Полковник покусал губы. Этого вопроса он не ожидал.

– Вот как, вы совсем не помните... – зачем-то отметил он. А затем медленно проговорил: – Ремиджи. Ваших родителей звали Рика и Жермано Ремиджи.

В ответ не донеслось ни звука. Полковник лишь смутно разглядел, как мальчишка отнял руку от выветренных башенных зубцов и рассеянно потер лоб.

– Слезайте оттуда, Джузеппе! – потребовал Орсо, надеясь, что в его голосе не прозвучало нервной ноты. – Не ровен час, оступитесь.

– Мне здесь удобно, полковник, – бесстрастно отозвался оружейник.

Орсо закатил глаза:

– Не думаете же вы, что я позвал вас сюда, чтоб незатейливо перерезать вам горло?

– У меня мало причин рассчитывать, что вы явились с узелком пирожков. – Из темноты снова блеснула ухмылка. Похоже, Гамальяно взял себя в руки и снова изготовился к бою.

Кондотьер непроизвольно дернул уголок рта: разговор начинал его забавлять.

– Что ж, Джузеппе, я вижу, вы не трус и не дурак, – вполне искренне сказал он. – Тем лучше. Терпеть не могу истерик. Довольно воспоминаний и давайте к делу. Полагаю, вы знаете, что мне от вас нужно.

Пеппо медленно покачал головой:

– Никаких шарад, полковник. Я буду говорить только начистоту.

Орсо прищурился и кивнул:

– Хорошо. Спрошу иначе. Где наследство пастора Альбиниони?

Пеппо сделал паузу, а потом спросил веско и отдельно:

– О чем вы говорите?

Кондотьер понял его:

– Я говорю о небольшом твердом продолговатом предмете, унесенном вами из графства Кампано два месяца назад.

Подросток скривился:

– Моркови я в Кампано не крал.

– Не валяйте дурака, Джузеппе, – холодно посоветовал полковник.

– А вы не юлите. Я хочу знать, что это такое и ради чего столько квохтанья.

Полковник помолчал.

– Вы с Мак-Рорком что же, так и не изучили ваш трофей?

– Да мы вообще к нему не притрагивались! – огрызнулся Пеппо. – Нам в голову не приходило, что он имеет какое-то значение!

Орсо оценивающе поглядел на едва видневшийся в темноте силуэт.

– Где же он?

– Там, где я его оставил, только вот позабыл кому-нибудь об этом рассказать.

Полковник опять на несколько секунд умолк, а затем жестко отрезал:

– Я хочу, чтоб вы отдали этот предмет мне, Джузеппе.

Из темноты донесся смешок:

– И что же я получу взамен?

– Вы не в том положении, чтоб торговаться, – осадил собеседника Орсо, но мальчишка не смутился:

– Разве? А если я не хочу его отдавать?

– Тогда я вынужден буду настаивать. Имейте в виду, юноша, – Орсо слегка понизил голос, – у меня тоже найдется что поставить на кон. Не забывайте, что за Гodelота некому заступиться. Я его кондотьер. Так сказать, отец и мать разом. И только я могу распоряжаться его жизнью.

Повисла недолгая тишина, и Пеппо вкрадчиво ответил:

– Полковник, вы забываете, что заступиться за ваш трофей тоже некому. И только я могу распоряжаться его целостью. За любой вред, нанесенный моему другу, я буду отрубать по куску и сжигать.

Орсо оскалился:

– Вы полагаете, Godelоту от этого станет легче?

– А вы полагаете, что станете ближе к цели?! – рявкнул мальчишка, и Орсо подобрался: похоже, он пробил брешь в холодном самообладании парня.

– Надо отдать вам должное, Джузеппе, вы снова оказались на шаг впереди. Но упускаете из виду, что быть впереди означает всегда ощущать за собой погоню. Я не отступлюсь, тут можете быть уверены. Более того, как вы верно подметили, я не один. Вы упрямы и самолюбивы, но вообразите, что за жизнь вас ждет. Долго ли вы протянете, мечась, будто загнанный собаками лис? – Орсо говорил все громче и быстрее, словно раздувая в горне огонь. – Уже сейчас вы не по годам недоверчивы, скоро же станете сходить с ума, всюду чуять предателей, бояться звука собственного дыхания. Вы останетесь без друзей, будете избегать людей, потереете заработок. Стоит ли эта жалкая участь вашего временного торжества надо мной?

Гамальяно молчал, и полковник уже предположил, что тот колеблется. Но тут подросток рассмеялся с беспшашностью подвыпившего дуэлянта:

– Вы чертовски правы, полковник! Мое дело дрянь. Но у меня есть и другой способ вам досадить. – Пеппо отнял ладонь от изгрызенных временем камней башенки и демонстративно скрестил руки на груди. – Ей-богу, чего я не дал бы, чтобы посмотреть на ваше лицо, когда кувырнусь вниз!

Орсо осекся, затаивая дыхание. Похоже, он едва не перегнул палку. Не надо дразнить Гамальяно, пока тот стоит над пропастью.

– Да будет вам, Джузеппе, – промолвил полковник уже мягче, – вы не понимаете меня. Мне нужен только находящийся у вас предмет. Я не испытываю ни малейшей личной вражды к вам. Но эта вещь все равно вам не пригодится. Использовать ее может лишь тот, кто это умеет. В ваших же руках это просто опасный артефакт, что принесет вам многие горести, и ни малейшей пользы.

– Зато, пока он в моих руках, наши с Godelотом шеи имеют кое-какую цену, – отсек Пеппо. – И вот еще что. Ваш, как вы говорите, «артефакт» спрятан в не самом уютном месте. Вероятно, убив меня, вы найдете его и сами, у вас достаточно людей. Только времени у вас негусто, полковник. Пока вы будете искать, свиток уже придет в негодность. Посему не вздумайте испугать меня или огорчить. Один неверный шаг – и свою тайну вы будете отскребать от плит.

Брови Орсо дрогнули. Он огляделся и, заметив лежащий на боку обломок башенного угла, сел на холодный камень. Теперь, когда фонарь стоял поодаль, силуэт Гамальяно виднелся яснее.

– Что ж, вы предусмотрительны, Джузеппе. Боюсь, отскобленная от камня, моя тайна потеряет товарный вид... – задумчиво проговорил полковник. Потрясенный внезапной мыслью, он вскинул голову: – Погодите! Скажите, где именно вы нашли... этот свиток? Где я не догадался его поискать?

Пеппо переступил ногами по зубцам, заставив Орсо сжать челюсти.

– Это тоже случайность. Свиток был в натальной ладанке убитого пастора.

Кондотьер окаменел. Облизнул губы.

– Что? В ладанке? Вы уверены, Джузеппе?..

Вопрос прозвучал почти растерянно, и голос Орсо сорвался. А потом полковник разразился смехом. Он смеялся все громче и громче, пока не захохотал в голос, стискивая кулаки.

– Вы великолепны, Эрнесто... – пробормотал Орсо сквозь смех. – Браво.

А перед внутренним взором уже вставала та озаренная пожарами, дымная, кровавая ночь...

* * *

...Дело было сделано, и отряд полковника прочесывал замок и прилегающую территорию в поисках тел нескольких убитых однополчан. Зарево пожаров над деревнями и посевами багровыми бликами расцвечивало ночное небо. Роща у крепостной стены все еще жарко пылала, с треском выбрасывая вверх снопы искр. Там и сям виднелись трупы защитников замка.

Сам полковник стоял на крыльце со скьявоной в руках. Пастор Альбинони прижимался спиной к резной створке двери, глядя на Орсо. Черные глаза казались неестественно большими на бледном лице.

– Господи, Орсо, это вы? – неожиданно спокойно промолвил священник. – Надо же, какая занятная штука судьба. Я ждал вовсе не вас.

– Увы, Эрнесто, придется есть что дают, – отрезал кондотьер. – Думаю, вы даже знаете, где меня научили этой мудрости. Просто отдайте мне Третью и умрете достойно.

Глаза пастора полыхнули в полутьме:

– С чего вы взяли, что я храню столь ценный предмет здесь?

– У меня есть на то основания. – ровно ответил Орсо. – Не упорствуйте, Эрнесто. Поверьте, существует огромная разница между тем, чтобы молча рухнуть наземь с пронзенной грудью, и тем, чтобы с воем и слезами подышать посреди вонючего каземата в луже собственной крови и нечистот.

На скулах Альбинони выступили пятна румянца, крылья носа дрогнули.

– Вы что же, Орсо, мните себя обиженным? После всего того, что вы учинили, вы изволите рядиться в тогу мстителя?

Даже в неверных багровых всполохах огней было видно, как взгляд полковника налился черным бешенством. Лезвие скьявоны тут же уперлось пастору в ребра:

– Наши с вами счеты позади, Эрнесто, – промолвил кондотьер, не меняя тона, – нас рассудят в другом суде. Здесь же и сейчас мне нужно только Наследие Гамальяно. Вы, конечно, не согласитесь со мной, но, по совести, вам следовало бы исправить то, что вы сделали.

– А кто исправит то, что сделали вы? – холодно парировал Альбинони.

– Не тревожьтесь, Эрнесто. Это Господь подчас предвзят, в аду же не ошибаются. – Лезвие проткнуло рясу. – Хватит софистики. Отдайте Третью, и вся эта история закончится.

Альбинони не ответил. Он молча опустил глаза и с почти рассеянным видом провел пальцем по лезвию скьявоны.

– Послушайте, Орсо, – начал он негромко, – зачем вам эта проклятая вещь? Она приносит несчастье всем, кто ею обладает, вам ли не знать. Она погубила меня – погубит и вас. Дьявол, принеший ее в мир, передумал. Он хочет ее назад и не отступится. Не стойте у него на пути. Скажите хозяйке, что я сжег Третью у вас на глазах и вы убили меня за это, как я того и заслуживал. Вот, Орсо, возьмите. – Пастор стянул с тонких пальцев два старинных перстня, потом торопливо снял с шеи ладанку и вынул из кармана часы. – Эти кольца и хронометр стоят огромных денег, они – последнее достояние моей семьи. Ладанка же эта дурно изготовлена, но я привез ее из Святой земли, она освящена у самого Гроба Господня и заключает весьма редкий текст из Библии. Ее завещал мне перед смертью некий испанский монах. Подумайте,

Орсо. Несколько сотен золотых цехинов и благословение католической церкви – или проклятие, нависающее над каждым, кому в недобрый час угодит в руки.

Пастор умолк, глядя Орсо в глаза и сжимая драгоценности в руках. На высоком лбу блестели капли пота, седые волосы казались медными в отблесках огня. Кондотьер брезгливо сплюнул:

– Не пытайтесь меня подкупить, Эрнесто. Только не меня. Мне ничего не нужно от скопища грязных ублюдков, называющих себя слугами святой церкви. Мне нужна Треть – а вам пригодится быстрая смерть. Я жду.

Альбинони помолчал, а потом сжал пальцы так крепко, что побелели суставы.

– Что ж. Ищите, Орсо, – твердо отрезал он и одним изящным, почти танцевальным движением нанизался грудью на клинок.

Полковник окаменел. С бранью рванул скьявону назад, и пастор Альбинони тяжело осел на ступеньки, все так же глядя в глаза кондотьеру. Несколько блестящих темных капель скользнуло с острия на камень крыльца.

– Тварь... – прошептал Орсо. – Тварь, тварь! – заревел он вдруг, остервенело вонзая клинок в живот умирающего, а затем снова и снова. – Будь ты проклят, проклят!

Но пастор уже не слышал, только тело равнодушно дергалось при каждом ударе да глухо постукивала о створку двери безвольно откиннутая голова. Орсо отшвырнул окровавленную скьявону и рухнул на ступеньку, тяжело дыша и все еще бессвязно что-то бормоча.

* * *

...Полковник оборвал смех, отирая пот со лба. Куда мне до вас, пастор. От вашего хохота сейчас должен сотрясаться ад. Правду говорят, что самый надежный тайник всегда на самом виду. Как настырно вы совали мне в руки ладанку, как пафосно толковали о Святой церкви! Вы знали, что этим лишь сильнее оттолкнете меня от своего подкупа. И плевать вы хотели на мои угрозы, когда я сам тыкал избавлением вам в грудь. Право, вы слишком изящно выставили меня олухом, чтобы я мог обидеться.

Поднявшись на ноги, Орсо вновь обратился к Пеппо:

– А знаете, Джузеппе, вы мне нравитесь. Я уважаю смелых людей. Однако оцените происходящее здраво: ни вам, ни Гodelоту не будет покоя. Сегодня вы обошли меня, но настанет завтра. Бросьтесь сейчас со стены – и я примусь за ваших друзей. Я вытрясу из Гodelота все, что он знает, до последнего слова. Я разыщу мальчугана, что носил для вас письма, наведаюсь снова к прелестной лавочнице. Я буду клевать по зерну, словно воробей, и все равно добыю своего. Вы же сами, будто малодушный дезертир, просто спрячетесь в земле, отдав своих близких мне на съедение. Да, вероятно, я могу опоздать. Но подумайте, сколько жизней будет без всякого толка сломано вашим упорством.

На сей раз Пеппо молчал около двух минут. Затем из темноты донесся прерывистый вздох.

– Черт бы вас подрал, полковник, – глухо проговорил подросток, – неужели этот поганный пергамент стоит таких жертв? – Голос его зазвучал устало. – Послушайте, я не скажу вам, где свиток. Все равно не скажу. Слишком много погибло людей, чтобы просто отдать вам его. Вы сами твердите, что свиток опасен и может причинить многие беды. Поэтому я сделаю все, чтобы вы не заполучили его. Но, полковник... Вы можете преследовать меня до самой смерти. Вы можете уничтожить Лотте. Да, мне больно это сознавать. Но я знаю его. Мы вместе встали на этот путь – вместе нам по нему и идти. Но... умоляю вас, не трогайте мальчика и лавочницу. Они ничего не знают, даже моего настоящего имени. Это девушка и ребенок, полковник. Должно же быть хоть что-то неприкосновенное. Даже для вас.

Орсо тоже долго не нарушал тишины. А потом проговорил медленно и взвешенно, будто ступал по шаткому мосту:

– Джузеппе. Все святое, что у меня было, давно похоронено в разных частях Европы. Но, допустим, кое-какие огрызки совести есть и у меня. Мы с вами уже около часа топчемся на месте. И, думаю, я знаю, как быть. Вы не хотите отдавать свиток? Хорошо. Как насчет того, чтобы продать его?

Пеппо усмехнулся:

– О, это совсем другое дело, полковник! Полагаю, вы даже дадите мне неплохую цену. А потом у меня будет целых полчаса, чтоб насладиться богатством, покуда ваши умельцы не пожалуют и не снесут мне голову. Хотя в шансе подохнуть состоятельным человеком есть своя прелесть.

Но кондотьер оставался серьезным:

– Вы неверно поняли меня, Джузеппе. Я не сулю вам денег. У меня есть для вас нечто более ценное.

– Не тяните, полковник, я умираю от любопытства! – тем же тоном откликнулся подросток.

Орсо сделал паузу.

– В обмен на находящуюся у вас ценность я предлагаю вам зрение.

* * *

В трагтории мессера Ренато всегда хватало постояльцев, а потому вечерами почти все подслеповатые окошки мерцали дрожащими огоньками свечей. Только в одной каморке, занимаемой слепым оружейником, обычно царила темнота. Но в ту ночь и это окно было слабо озарено. У стола, на котором горела тощая свечка, сидел Алонсо.

У самого подсвечника лежало письмо, с таким трудом прочитанное им для Риччо. Хотя шотландец Гodelot отчего-то называл его Пеппо. Теперь, перечитав письмо несколько раз, Алонсо уже знал его содержание:

«Друзище, я надеюсь, ты получишь это письмо без промедления. Произошло слишком много всего. Во-первых, я узнал, кто недавно пытался убить меня, и тебе тоже следует это знать. Называть здесь имен я не буду, об этом потолкуем с глазу на глаз.

Но это не главное, брат. Я узнал кое-что, намного более важное. Во всей этой карусели последних месяцев нет никаких случайностей. Все эти годы ты ошибался. У тебя совсем не та фамилия, что ты думаешь. То, что у нас так сильно хотят отыскать, действительно принадлежало твоей семье, и именно поэтому она и погибла. Это страшная вещь, Пеппо, и тебе нельзя хранить ее у себя. Ее будут искать, пока не найдут. А оттого прости меня за спешку и риск, но медлить нельзя.

На севере Каннареджо у самого моря есть развалины старинной крепости. О них все знают, но слава у них дурная, и туда никто из пустого любопытства не суется. Спроси в любой трагтории, и тебе укажут путь, дорога всего одна. Там, на площадке второго этажа, я буду ждать тебя сегодня около десяти часов вечера. Непременно возьми с собой пасторское наследство, я должен его рассмотреть. Поднимешься легко, лестница широкая и надежная. Я недавно узнал об этом месте, однополчане байки травили, жаль, что так поздно. Постарайся не запоздать, мне в

*караул на рассвете. Если сегодня не сумеешь – завтра буду ждать тебя снова.
Будь осторожен, брат. Л.».*

Читая эти строки впервые, Алонсо почти ничего не понял. Но от этого странного письма отчетливо веяло тревогой. Однако Риччо вовсе не испугался. Он лишь надолго о чем-то задумался, а потом сказал:

– Сегодня вечером мне нужно будет уйти. Если я не вернусь к утру... Словом, если дня за два я не вернусь, ты, дружище, сделай вот что. Перебери все мои пожитки. Возьми себе, что захочешь: у меня есть кое-какие инструменты, которые можно продать, а вам с матушкой деньги пригодятся. Ты чего всхлипываешь? Я же не в могилу собрался. Просто, быть может, вернуться будет не с руки. Все деньги, какие найдешь, тоже заberi.

И еще кое-что, самое главное. Под половицей у изножья койки есть свернутая рубашка. Не разворачивай ее ни в коем случае. Просто возьми как есть и сожги ко всем чертям в кухонном очаге, когда там огонь поярче. Пообещай, брат, что так все и сделаешь. – Голос Риччо чуть дрогнул. – Это важно. А мне больше некого об этом попросить, здесь нужен самый надежный человек. Да что ж ты снова в слезы, вот дурак!

Пеппо опустился на колени, неловко привлекая к себе ребенка, а Алонсо, забыв об извечной мальчишеской фанаберии, уткнулся другу в плечо и залился совсем не героическим детским плачем. Он ничего не знал о своем друге и, как все дети, вполне довольствовался настоящим днем. Но был не так уж мал, чтобы не знать: мир совсем не добр и легко забирает то, что подарил только вчера. А если взрослые говорят, что все отлично, это вовсе не означает правду. Отец тоже сказал, уходя, что непременно вернется, и мать уже полгода беззвучно плачет ночами. А сейчас и Риччо собрался уходить, тоже неся какую-то фальшиво-бодрую чушь...

...Алонсо вздохнул, снимая со свечи нагар. За окном колокола отбили половину двенадцатого ночи.

* * *

Ночь застыла вязким студнем, только где-то вдали слышался колокольный звон да одинокое уханье совы донеслось из развалин. А потом тьма выплюнула отрывистый голос:

– Катитесь к дьяволу, полковник. Он оценит ваши шутки.

Но Орсо вернулся к фонарю и снова поднял его.

– Я не завязанный шутник, Джузеппе. И сейчас я предлагаю вам сделку. Содержимое паспорной ладанки в обмен на зрение. И подумайте трижды, прежде чем послать меня к дьяволу повторно.

Пеппо молчал, только хриплое дыхание слышалось из темноты. А затем долетел бесцветный и нарочито-спокойный ответ:

– Ваша фамилия, оказывается, Христос. Я думал, он добрый.

Это показное бесстрашие не обмануло кондотьера. Он сделал шаг вперед:

– Речь не обо мне, Джузеппе. Артефакт, за который мы с вами так упорно торгуемся, обладает огромной силой. И сила эта способна как на страшное, разрушительное зло, так и на бесконечное благо. Все дело в том, как применить ее. Я знаю, я принес вам немало тревог. Но у меня нет никаких причин вас ненавидеть. Послушайте, проклятый малолетний упрямец, вы прячете за пазуху неказистый булыжник, из которого другой может сделать бриллиант...

– ...или метательный снаряд, – огрызнулся Пеппо.

– Да! – рявкнул Орсо. – Но что вам за дело до чертова снаряда? Вам семнадцать лет! Вы мальчишка, не познавший и десятой доли земных радостей! Вы можете врать Мак-Рорку, себе и кому угодно еще, но не обманете меня! Я знаю, как сильно в эти годы хочется жить! Но вы же реалист! Вы знаете свое место и не позволяете себе бесплодных грез, не так ли?

Так повзрослейте же, Джузеппе, хватит цепляться за химеры! Расстаньтесь с ненужным вам предметом и получите взамен все. *Все*, о чем вы не смеете мечтать.

Вы умны и энергичны. Вы легко найдете работу, а через десяток лет сможете открыть свое собственное дело и забыть о деспотичных хозяевах. Женщины будут сами искать вашего внимания. Хотите – женитесь и заведите ватагу ребятишек, а хотите – меняйте веселых вдовушек и разбитных девок каждую неделю. Впрочем... Вы вольны и отказаться. И день за днем жить во мраке, зная, что все могло быть иначе. Медленно чахнуть в одиночестве и нищете, слыша, как вокруг вас стягивается кольцо моих ищеек. Конец все равно один. И в тот миг, когда вам к горлу приставят нож, вы вспомните, что таков был ваш выбор. Что вы сами швырнули свою жизнь в придорожную грязь, ведомый грошовыми отроческими принципами!

– Хватит! – Из темноты донесся рваный смех. – Полковник... вы так рьяно тычете гвоздем в мои раны. Вы действительно думаете, что они все еще болят? Да в них не тыкал лишь безгильный. Поверьте, рубцы на них уже крепче подметок на ваших сапогах.

– Не лгите, – коротко отсек Орсо, – у вас дрожит голос.

– Залезайте на эту жердочку – задрожит и у вас, – парировал подросток.

Кондотьер сделал еще шаг вперед:

– Отчего ж нет? Если вы не хотите слезать – я взберусь к вам.

Прерывистое дыхание замерло, Орсо несколько раз шагнул, и свет фонаря очертил в ночной тьме неподвижную фигуру на крепостных зубцах.

– Не вздумайте, полковник! – в голосе Пеппо звякнула сталь, но Орсо не остановился:

– Вы боитесь меня?

– Не приближайтесь! – зарычал оружейник.

Полковник звонко ударил каблуком сапога в раздробленную кладку плит:

– Или вы боитесь показать, что ваше ледяное самообладание – тряпичная маска на тесемках?!

Он сделал последний шаг, высоко вскидывая тяжелый фонарь в трех футах от мальчишки...

Желто-багровый круг света вырвал из ночи блестящее испариной лицо, пересохшие губы, стылые омути неподвижных глаз, в которых плескалось пламя фонаря.

Сердце пропустило удар... затем второй... и заколотилось, будто задыхаясь в тисках груди. Ледяной выворачивающий ком поднялся изнутри, как от удара сапогом в живот. Цепенея от ужаса, Орсо качнул фонарь ближе, словно пытаясь отогнать призрак. А подросток вдруг вскинул руку и с силой толкнул фонарь от себя. Раскаленный угол кованого железа с размаху ударил полковника в челюсть, сдирая клочок кожи, и кондотьер рухнул назад, роняя фонарь. С грохотом брызнуло в стороны масло вперемешку с осколками стекла. А мальчишка спрыгнул с края стены и метнулся влево, стремясь к лестнице. Он несея не разбирая дороги, все ближе к черному провалу. Оглушенный, Орсо уже поднялся на колени и вскинул голову, зажимая глубокую ссадину окровавленной рукой.

– Стой, идиот! – заревел он. – Стой! Лестница правее, ты разобьешься! Ох, черт!

Джузеппе услышал. Он резко оборвал бег, скрежетнув подметками о древние плиты, подхватил камешек и швырнул в провал. Бездна отозвалась цокающим стуком – камешек скакал по ступенькам, – и оружейник бросился следом за ним.

Кондотьер, шатаясь, встал на ноги. Кровь лила по шее, пропитывая воротник камизы, ожог заходилась болью, в голове от удара гудел тяжелый гонг. Орсо на миг стиснул виски обеими руками, выравнивая дыхание. Чертыхнулся, выдирая из ладони осколок фонарного стекла, а потом тоже рванулся к лестнице.

Часовой все так же стоял в нише у ворот. Он встревоженно озирался, будто не зная, откуда ожидать опасности.

– Где парень? – рявкнул Орсо.

– Не выходил, мой полковник! – отчеканил тот, вытягиваясь.

– Как «не выходил»?! – полковник перешел на рык. – А где же он, черт тебя подери?!

– Не могу знать, ваше превосходительство. Наверное, еще в крепости.

– Здесь два выхода, не считая проломов в стенах! – Орсо грубо выругался и ринулся назад в темноту развалин. – Ищи его! Он нужен живым!

Часовой неохотно вошел в зияющий провал ворот и тут же остановился: внутри царил чернильный мрак, из которого неслась брань полковника.

Сам же Орсо, пробежав с десяток метров в темноте, оступись и едва не раскрыл голову о торчащий вверх обломок колонны. Остановившись, он отдышался: это было бесполезно. Совершенно незащитный в кромешной тьме, для слепого беглеца он был как на ладони, и в затылок в любой миг мог ударить полновесный булыжник. Где часовой?

Полковник пошел назад: солдат все так же стоял у входа, вглядываясь в темноту и что-то бормоча, вероятно молитву.

– Я велел искать парня, а не читать псалмы! – пророкотал Орсо, появляясь перед часовым. Тот вздрогнул и перекрестился:

– Ваше превосходительство... Оставьте, не гневите их... Нет уже парня. Об этих развалинах вся Венеция знает. Нехорошее место.

Орсо побледнел от бешенства:

– Что за чушь, рядовой! Выполнять!

– Нет! – Часовой шагнул назад и снова истово закрестился. – Не пойду. Запорите насмерть, все лучше, чем этим... в зубы угодить.

Полковник зарычал и наотмашь ударил солдата в лицо. Тот рухнул наземь, приподнялся, сплевывая кровь, и снова помотал головой:

– Хоть убейте. Не пойду.

Орсо шагнул к лежащему на земле человеку и пнул в живот. Тот утробно выдохнул и сложился вдвое, хрипло дыша. Полковник занес ногу для нового удара, а солдат охватил голову руками и снова забормотал. Секунду поглядев на скорчившегося подчиненного, кондотьер опустил ногу и сухо велел:

– Пошел с глаз! Свое получишь позже. Дезертируешь – убежишь не дальше виселицы.

Он отвернулся, слыша, как часовой поднимается с земли и стремглав бросается прочь. А сам снова посмотрел во тьму древнего бастиона. Чертов трус... Чертов фонарь... Но обшаривать этот беспросветный ад в одиночку бессмысленно. Парню нечего терять, он будет защищаться, не разбирая средств, а преимущество теперь на его стороне. Дурак-часовой упомянул, что мальчишка явился задолго до срока. Конечно, он успел разобраться, куда попал и как отсюда выбраться. Кроме того, он сам может погибнуть среди этих руин.

Ждать? Джузеппе ведь не сможет прятаться вечно. Можно методично обходить крепость по периметру. Парню не спуститься с холма незамеченным. Хотя черт его знает. В этой безлунной ночи нетрудно затеряться, достаточно снять рубашку, а погоня во тьме и для полковника чревата сломанной шеей.

Орсо вдруг ощутил, как безумно устал за этот вечер. Голова схватилась выворачивающей болью, а сорванный лоскут кожи на подбородке все продолжал понемногу кровоточить, пропитывая камизу. Полковник снова шагнул в ворота и прислушался: развалины молчали, только возня и писк летучих мышей слышались откуда-то сверху.

– Слышите, Пеппо? – громко окликнул кондотьер. – Черт с вами, ваша взяла! Только будьте мужчиной, переживите эту ночь, слышите? Мы с вами не договорили!

С этими словами полковник вышел из бастиона и тяжело зашагал по дороге к рыбацкому поселку.

Фонарь. Будь у него фонарь, он увидел бы, что прямо за лестницей в зев расколотой плиты уходят ступени, ведущие в подвал. Там, на этих замшелых ступенях, прижавшись всем

телом к ледяной стене и мелко дрожа, сидел Пеппо, вслушиваясь в шаги и отдаленные раскаты полковничьего голоса.

Глава 2

Не оглядываясь

Около трех часов ночи Пеппо подходил к трагтории. Он не удивился, что добрался до нее живым, даже не заблудившись. У него не было сил чему-либо удивляться. Даже идти сил уже не было, и вперед подростка гнал один только древний инстинкт самосохранения. Он брел по ночным улицам, будто подстреленный на охоте волк, ползущий к берлоге.

В нескольких кварталах от трагтории к подростку все же попытался привязаться подвыпивший субъект из тех, кто кормится, обирая ночных прохожих. Но стоило ему преградить одинокой жертве путь, как блеклый свет масляного фонаря отразился в слепых глазах, горячечно блестевших на перекошенном лице.

– Пошел к черту! – прошипел мальчишка с больной ненавистью. И незадачливый грабитель отшатнулся.

– Сам катись в ад, сумасшедший... – пробормотал он, машинально крестясь и плюя через плечо.

Остаток пути Пеппо проделал без приключений. На стук долго никто не отзывался, но наконец из приоткрывшегося оконца во входной двери послышалось зевание истопника, спавшего на сундуке в питейной и тем самым исполнявшего обязанности ночного сторожа.

– Нашел когда гулять, – проворчал тот, отпирая засов, – добрые христиане спят в эдакий час, а не лазают черт-те где.

– И тебе доброй ночи, – отозвался Пеппо, идя к лестнице.

Голова казалась залитой горячим свинцом, что-то неловко надсаживалось в груди при каждом вздохе, и подростку хотелось исчезнуть с людских глаз, сжаться в комок и просидеть без мыслей и чувств много часов подряд.

Тяжело идя вверх по скрипучим ступеням, он нашарил в кармане ключ. Тот упрямо не желал поворачиваться в скважине, и Пеппо с бессильным раздражением пнул хлипкую дверь. Та неожиданно легко поддалась, и подросток на миг замер, с трудом выныривая из трясины усталости. Комната была не заперта, а изнутри на Пеппо повеяло свечной гарью. Однако он не успел задуматься, кто хозяйничал в его камере. В комнате послышалась возня, грохот упавшего табурета, стремительные шажки, и вдруг маленькие руки крепко охватили оружейника вокруг пояса.

– Риччо, ты вернулся! – раздался восторженный полувопл-полушепот. – А я тут... того, задремал немного! Я так тревожился! Я думал... Я боялся, что с тобой что-то стряслось! А где ты был? А я тут это... письмо еще раз прочел, ты не сердись? Ты расскажешь, где ты был? Ты голоден? Почему ты молчишь? Ты сердишься, что я здесь?

Алонсо сыпал словами, как горохом, обнимая друга до хруста в ребрах. Пеппо молчал, положив ладони на худые детские плечи и не пытаясь вмешаться в этот неудержимый поток нервно-радостной болтовни. Он чувствовал, как изнутри поднимается душная волна: стремительно накатывает реакция на пережитое потрясение. Ей нужно дать выход, иначе мучительный вывих в груди никогда не встанет на место.

А Алонсо все лопотал что-то, уткнувшись лбом в запыленную весту Пеппо. И оружейник отчаянно хотел, чтобы малыш ушел, и в то же время боялся, что тот уйдет, унеся свою горячую и искреннюю радость, от которой невольно подтаивали самые острые углы застрявшего внутри ледяного осколка.

– Алонсо, – тихо и бессвязно начал он, мягко отстраняясь, – ну что ты, дружище, я не сержусь. Я рад, что ты здесь. У меня была препаршивая ночь. Я обязательно расскажу, где был, только утром.

В висках вибрировал оглушающий звон, руки мелко дрожали, и Пеппо пытался унять эту постыдную дрожь, пока мальчуган не заметил ее. Но тот вдруг выдохнул и вскинул голову, выпуская друга из объятий.

– Фух, теперь хоть усну! А то, как матушка говорит, аж сердце не на месте было. Только ты никуда больше не уходи, ладно? – вдруг добавил он строго, и Пеппо через силу усмехнулся:

– Не беспокойся, брат, меня сейчас и пинками никуда не выгнать. Иди отдыхай, тебя дядюшка спозаранку поднимет.

Алонсо убежал, еще что-то щебеча на ходу, а тетивщик повернул в замке ключ и остался стоять у двери, упираясь в доски дрожащими руками. «Ремиджи... Твоих родителей звали Рика и Жермано...»

Он гнал от себя день смерти родителей. Настойчиво старался его забыть, и милосердная память украдкой заматала осколки того дня под половицы. Он прятался за свою слепоту и почти убедил себя, что был слепым всегда. Даже сны его уже лишь изредка несли последние вспышки образов, давно утративших правдоподобие. А сегодня чертов полковник назвал ему имя отца, и тугая бечевка в мозгу разом лопнула, роняя наземь пропыленный занавес, прячущий за своими складками тот страшный осенний день.

* * *

Домик Ремиджи стоял на отшибе села у самого лодочного причала. Случайные прохожие сюда почти не забредали, деревенский шум долетал уже порядком поредевшим, и самыми привычными для Пеппо звуками были песни отца и плеск волн о причальные опоры. Поэтому его невероятно заинтересовал отдаленный рокот множества копыт, и он выбежал за ворота, чтоб посмотреть, откуда несется столько лошадей. Он так и не понял, кто были эти люди, вихрем налетевшие на их подворье.

Он помнил лишь, как рванулся обратно к дому, как жался к столбам, поддерживающим кровлю, оглушенный топотом и звоном, как заходился плачем и звал мать. Как человек в развешивающихся черных полотнищах напевно тянул невероятно красивые, но непонятные слова. Как двое солдат в блестящих, как мамины подсвечники, кирасах держали за локти отца, рвущегося из их рук и ревущего никогда не слышанные Пеппо ругательства. Как в доме что-то грохотало и звенело, как с гулким дребезгом разлеталась о дощатый пол посуда.

А потом вдруг цепкие руки схватили ребенка за плечи, утаскивая за сарай, и Пеппо оказался лицом к лицу с матерью. Он не сразу узнал свою нежную матушку, мягкую до робости, улыбочивую и при любом сомнении тут же ищущую глазами отца. Эта женщина в перепачканной сажей котте, с окровавленными руками и безумными глазами совсем на нее не походила.

– Пеппино, сынок, – прошептала она, задыхаясь и до боли сжимая плечи сына, – не плачь. Сейчас не время для слез. Не бойся ничего. Тебе просто нужно сейчас же бежать в Коллине к тете Амелии. Не бойся за нас с отцом, мы справимся. Но тебе нужно уходить! Бежать со всех ног, понимаешь?

Пеппо не понимал. Не понимал, почему должен убежать в соседнюю деревню, когда его родителям, похоже, хотят причинить зло, когда эти шумные и грубые люди портят их вещи и громят их дом. Но он чувствовал: происходит что-то очень страшное. Он знал это, слыша брань отца, треск выдираемых досок и распевные заклинания человека в черном.

Вдруг раздался какой-то другой треск, будто сухая пшеница сыпалась на дощатый пол, а мать резко выдохнула и прижала Пеппо к себе, взметнув подолом котты. И мальчик дрожал, прячась в полотняных складках, вышитых полевыми цветами, пахнущих домом и любовью, а сейчас испятнанных черными разводами. И отчего-то вид лютиков и маргариток, обезображенных этими жирными мазками, лучше всех слов убедил его: все будет очень плохо. Но если он не послушает сейчас мать, то сделает только хуже. В горле задыхающейся птицей снова

заколотился плач, камнем стоявший поперек груди. А мать упала на колени и сунула сыну в руки его любимого деревянного солдатика.

– Возьми, Пеппино, – отрывисто проговорила она, – он защитит тебя. Всегда и от кого угодно. А теперь беги, любимый. Не бойся. Ты сильный. Ты даже не знаешь насколько. Беги, что бы ни случилось. Не оглядывайся, не колеблись, упадешь – поднимайся, только беги!

Она шептала эти слова, словно молитву. И Пеппо оторвался от лютиков и маргариток, от запаха ушедшего вчерашнего дня, вскинул голову, вбирая образ матери, обрамленный огненным заревом и расплывающийся от подступающих слез. А потом бросился бежать. Позади раздавались крики, грохот и треск пламени, едкий смрад дыма вплеся в горьковатый осенний ветер, но мальчик не оборачивался. Он несся через залитую солнцем прибрежную равнину к опушке леса, прижимая к груди любимую игрушку. Он не знал, будет ли кто-нибудь его преследовать, но голос матери эхом отдавался в голове, и Пеппо мчался, как никогда прежде.

Лес захлестнул его шелестящей сенью, приглушив настигавшие ребенка звуки гибели его мира, но Пеппо не сбавлял прыти. Сердце колотилось, разрывая грудь, стволы и кустарники плясали перед глазами, словно нарисованные на колышущемся полотне. Тракт был совсем недалеко, там, впереди, только пробежать над ручьем по шаткому мостику...

А потом сзади накатил новый звук. Пеппо не сразу различил его среди стука собственного сердца и хриплого эха дыхания. Это была быстрая поступь бегущего следом человека. Никто не окликал мальчика, не требовал остановиться. Кто-то несся по его следу, молча, будто гонящий добычу волк. И Пеппо уже знал: нагонит. Но он не знал еще, слыша мерный и ритмичный топот преследователя, что это тиканье часов, отбивающих последние его зрячие минуты.

Он пытался прибавить ходу, но силы иссякали. Вскоре к топоту прибавился звук чужого дыхания – погоня была прямо за спиной. А потом тяжелый тычок меж лопаток швырнул ребенка наземь, и Пеппо рухнул на скользкую палую листву, роняя солдатика. Он увидел лишь, как из-за спины над ним нависает длинная тень, заносящая над его головой какой-то причудливо изогнутый предмет. Странно, но в этот миг Пеппо уже не чувствовал страха. Распластываясь по земле, он оглушительно рявкнул:

– Будь ты проклят!

И тут же прямо на затылок обрушился удар. Часы пробили.

* * *

Плохо оструганное дерево занозами впивалось в лоб и ладони, а Пеппо вжимался в доски двери, словно цепляясь за обломок мачты в открытом океане. Воспоминания, столько лет дремавшие взаперти, роем теснились в мозгу, в клочья разрывая разум. Разрозненные осколки отцовского облика вдруг сами собой сложились воедино, и Жермано вновь ожил перед незрячими глазами сына. Высокий, худой, дочерна загорелый лодочник с выдубленным солнцем лицом, лукавыми морщинками у лучистых глаз, вечной смолой на рубашке и грубыми мастеровитыми руками. Именно он когда-то научил Пеппо вырезать из дерева солдатиков, пусть и не таких красивых, как тот...

Матушка... Хлопотливая и застенчивая, будто девица на выданье. Умевшая рассказывать чудесные сказки и побаивавшаяся гусей.

Он принял их смерть как данность, раздавленный своим неожиданным увечьем и крахом прежней жизни. Родители словно канули в настигший его мрак. И он безоговорочно поверил в свою утрату, еще недостаточно взрослый, чтоб задумываться о возможных вариантах исхода того дня, запомнившегося ему лишь безнадежным, безысходным, непоправимым несчастьем. Алесса же упорно скрывала от всех, где именно подобрала сироту. И только много позже Пеппо понял, что белошвейка по его рассказам догадалась об участии церкви в той осенней драме и боялась, что ему по-прежнему грозит опасность.

Почему он ничего не пытался узнать о судьбе родителей? А вдруг что-то было иначе? Вдруг они искали его, прячущегося в Падуе и даже не помнящего своей фамилии?

Пеппо медленно сполз на пол, чувствуя, как ледяная глыба поднимается из груди, раздирая горло острыми краями, не давая ни вздохнуть, ни вскрикнуть. И в тот момент, когда подросток готов был захлебнуться этой болью, глыба раскололась, выпуская из-под своего гнета обжигающие потоки слез.

Он давно разучился так плакать. Лишь изредка, в самые черные минуты давился сухими мучительными рыданиями, когда душа не вмещала больше горечи. Но сейчас слезы неудержимо лились по щекам, разъедая ссадины, и тетивщик не утирал их, бессильно уронив руки.

Он не подвел мать... Пеппо всегда помнил, что он сильный, всегда бежал вперед, не оглядываясь и не колеблясь, а падая – всегда поднимался. А может, нужно было оглянуться? Как теперь узнать...

Подросток медленно поднял руки и коснулся глаз, как часто делал в те, первые месяцы. Сколько лет ему казалось, что он не помнит, каково быть зрячим. Не помнит, каков цвет неба, что означают слова «светлый» или «радуга» и почему больно смотреть на солнце. Не помнит, что красота означает не только гладкость и правильность формы, а безобразие не сводится к дурному запаху или плохо отшлифованным граням.

Лютики на материнской юбке. Узор желтых лепестков. Желтых. Не грязно-ярких, как осенние листья. Не солнечно-теплых, как двухдневный цыпленок. Тускло-сливочных, как домашний сыр.

Пеппо крепко прижал кулаки к глазам. Потер их, будто надеясь сорвать черную пелену, за которой вдруг окажется, что все эти годы он ошибался. Что его прежняя, уже забытая жизнь цела и ждет его там, за этим глухим мраком. А потом опустил руки, влажные от слез, и до крови закусил губу. Болван. Что за бестолковая детская блажь? Родители мертвы, сам он слеп, а по пятам снова идет погоня. Это реальность. А все прочее – зыбкие мечты потерявшегося малыша, которого давно пора в себе изжить.

Но руки уже воровато нащупывали края оторванной половицы, скрывавшей проклятый свиток. Полковник предложил ему выкуп. Конечно, он солгал. Он посулил бы Пеппо хоть Дворец дождей, так сильно ему нужна эта дрянная вещица.

Или все же не ему, а его хозяйке? Если можно исцелить парализованное тело – отчего же нельзя вернуть Пеппо глаза?.. А вдруг все же можно?.. Вдруг он действительно цепляется за свое отроческое упрямство, отталкивая единственный невероятный шанс?..

Подросток замер, очерчивая пальцами края половицы. И вдруг ощутил, что хочет жалобно завывать, как избитый пес, жмущийся к ногам жестокого хозяина. Встряхнул головой, грубо выругался и с размаху ударил в половицу кулаком. Чушь... Снова пустые фантазии, надежды из свечного чада. Полковник лжет. Дергает за самую верную нить. Надеется, что слепой мальчишка все же рискнет и ринется очертя голову в пропасть собственного отчаяния. Все. Этой ночи пора закончиться. А завтра он решит, что делать дальше.

Пеппо поднялся на ноги, срывая весту и растягивая тугие шнуры камизы. Не оглядываться и не колебаться.

* * *

Двор Каменной Королевы тоже переживал беспокойную ночь. Герцогиня, весь день сохранявшая видимость полного хладнокровия, вечером пожаловалась на головную боль. Доктор Бениньо хмурой тенью кружил возле господской постели – он опасался апоплексии и готовился отворить герцогине кровь. Двое лакеев ночевали у дверей, за которыми несли караул часовые. Полковник Орсо отсутствовал, и капитан Ромоло самолично дежурил у покоев синьоры.

Мрачный Дюваль, утративший обычное насмешливое лукавство, неподвижно высился на площадке у герцогских апартаментов. Ромоло же не стоялось на месте: полковник покинул особняк, даже не подписав составленного распорядка караулов. Пустяк, но педантичная душа капитана была неспокойна – Орсо ведь мог и не вспомнить потом, что сам ушел, не поставив в известность заместителя.

Помаявшись некоторое время, Ромоло сообщил:

– Дюваль, я отлучусь проверить посты.

– Так точно, мой капитан, – невыразительно отозвался швейцарец, однако Ромоло вполне полагался на Дюваля и уже стремительно спускался по лестнице, не дожидаясь ответа.

Добросовестно поприветовавшись к часовым, капитан собирался вернуться на пост, но, проходя по коридору второго этажа, заметил под дверью кабинета полковника проблеск огня. Орсо вернулся... Офицер замедлил шаги, машинально пощупав карман со злополучным документом. Недавно пробило половину третьего. Если полковник все еще сидит в кабинете – вероятно, он занят. Стоит ли морочить ему сейчас голову какими-то реестрами?

Ромоло потоптался на месте в раздумьях. Однако он хорошо знал своего командира и предпочитал получить разнос за назойливость, но не за разгильдяйство. А поэтому собрался с духом и постучал в дверь.

– Войдите, – раздался изнутри приглушенный голос, и капитан потянул за кольцо. Войдя, он остоленел: Орсо сидел в кресле у стола в расстегнутом дублете и смотрел на подчиненного с бессмысленным раздражением. Слева на челюсти белела полотняная повязка. Это было невероятно, но Ромоло сразу понял, что непогрешимый полковник мертвецки пьян.

Однако глупо хлопать глазами было не ко времени, и капитан откашлялся:

– Виноват, мой полковник, мне лишь потребна ваша подпись.

– Давайте, – устало обронил Орсо, небрежно подмахнул реестр и откинулся на спинку кресла, потеряв висок странно беспомощным движением. Ромоло поклонился, отступая к двери. Остановился, уже зная, что совершает ошибку, но все же негромко проговорил:

– Мой полковник. Не могу ли я быть вам чем-то полезен?

Он уже был готов к взрыву, но Орсо молчал. А потом обратил на подчиненного мутноватый взгляд:

– Силвано... Тебе доводилось когда-нибудь осознавать, что ты годами, как кот, гонялся за солнечным зайчиком на стене амбара, зря потратив кусок жизни, который уже не вернуть?

Под ложечкой у Ромоло что-то неприятно ворохнулось. Полковник никогда, ни разу не обращался к нему по имени, и капитан даже не был уверен, что оно известно командиру... Орсо качнул головой:

– Не молчи, Силвано... Мне интересно.

Ромоло нахмурился. Чувство неловкости вдруг пропало, сменившись подспудной тревогой.

– Я из очень знатной семьи, мой полковник, – отрывисто проговорил он. – В юности я был игроком и волокитой, за что отец лишил меня наследства и выгнал из дома, отписав все имущество монастырскому приюту. В ярости я покинул отчий дом и завербовался в армию. Восемнадцать лет я люто ненавидел отца. Сначала мечтал погибнуть, чтобы причинить отцу боль. Затем рвался к подвигам, чтоб доказать ему, что он был несправедлив. А потом пришел день, когда я понял, что отец поступил единственно правильно. Оставшись дома, я опозорил бы родителей и разорил семью. Два года назад я отправился с женой и сыном на родину, в Ломбардию. Я хотел вымолить у отца прощение и показать ему внука. Приехав, я узнал, что отец умер полгода назад. Восемнадцать лет, мой полковник. Я ровно полжизни лелеял свои обиды. И опоздал всего на полгода. Но уже ничего не вернуть.

Он замолчал, еще сильнее хмурясь и уже не зная, зачем вдруг начал эту бесполезную исповедь. Но Орсо после короткой паузы выпрямился, снова отирая висок, и проговорил чуть тверже:

– Восемнадцать лет. Немало, черт бы их подрал. Ступайте, Ромоло. Я и так задержал вас.

И капитан тут же понял, что ему дают вовремя уйти, забыв о мимолетном помрачении рассудка полковника. Поклонившись и захлопывая за собой дверь, Ромоло услышал вкрадчивый звон хрусталя.

...На утреннее построение капитан явился, поспав от силы полтора часа, поэтому сообщал туманно. Первым, кого увидел Ромоло во дворе, был полковник: как всегда, подтянутый, безупречно одетый и холодно-собранный. Капитан поморщился: если бы не свежая повязка, ему бы показалось, что вчерашний расхристаный субъект, называвший его Силвано, просто пригрезился ему с усталых глаз. Орсо же кивнул в ответ на поклон подчиненного и коротко бросил:

– Капитан, жду вас после построения у себя.

Явившись на зов, Ромоло застал командира в плаще и со шляпой в руке.

– Сразу после погребения Марцино мне надобно отлучиться из города по делу чрезвычайной важности, – сухо и деловито отчеканил тот. – Вы, как всегда, возглавите отряд в мое отсутствие. Подробный отчет каждые сутки. Запрет на отлучки снят. Дополнительные распоряжения на столе.

Орсо унесся, словно за ним гналась свора собак, оставив Ромоло в некотором ошеломлении. Но этот, сегодняшний полковник был привычен ему и понятен, и капитан, ощутив, что мир встал на место, с легким сердцем отправился в караулку, украдкой потирая глаза.

* * *

Особняк притих: все солдаты, не занятые в карауле, офицеры и кое-кто из слуг отправились отдать последнюю дань уважения погибшему Марцино. Капрал Фарро, вынужденный остаться в качестве дежурного командира, был чернее тучи, выставляя утренние посты. Он отрывисто раздал распоряжения, морща низкий смуглый лоб, и грузнее обычного затопал прочь. Гodelot хмуро посмотрел ему вслед: капрал всерьез горевал, и шотландец очередной раз ощутил тянущее тоскливое стеснение в груди. Все однополчане в последние сутки были подавлены, и Гodelot отчего-то точно знал, что это скорее не скорбь, а стыд. Запоздалый стыд перед всех раздражавшим соратником, которому потребовалось умереть, чтобы о нем вдруг вспомнили, вдруг узнали, что он был кому-то важен и кем-то любим.

Шотландец вздохнул и зашагал к своему посту у парадного входа в переулке. К тоске при мешалось отвращение. Как легко сейчас виниться перед Марцино... Мертвых вообще легко любить. Они же больше не язвят, не кланчат займы денег, не лезут в драку и вообще не морочат голову. Самое время для дружбы.

Пост в переулке Гodelot не любил. Там даже утром было душно. Солнце еще пряталось за изящными изломами крыш, и даже тень здесь казалась липкой и горячей.

Караул был в тягость как никогда. Что бы ни говорил полковник, а Гodelot не сомневался, что косвенно причастен к смерти Марцино. Что же будет дальше? Убийца Марцино свободен. Неизвестно, получил ли Пеппо предостережение друга и понял ли, насколько все серьезно. А Гodelot снова заперт в этих осточертевших ему хорах, хотя его уже может ожидать ответная весточка.

Он начал тщательно припоминать свое последнее письмо. Вчера оно казалось ему емким и деловым, а сегодня – сумбурным и истеричным. Оно пестрело паническими «будь осторожен» и сводилось к тому, что тот, кто хотел убить Гodelota, убил его однополчанина и сейчас наверняка идет убивать самого Пеппо. Одно заполошное кудахтанье...

Некоторое время шотландец то так, то эдак выворачивал эти неутешительные мысли и вскоре уже был люто зол на себя, на полковника, на Марцино. Мир казался ему отвратительным и несправедливым местом.

* * *

Доктор Бениньо читал вслух французский роман. Третья часть препрошлейшей, но при этом забавной книги о великане Гаргантюа ¹ была привезена только позавчера и очень увлекла герцогиню.

Однако сейчас доктор подозревал, что синьора вот-вот задремлет. Ночью Фонци почти не спала. Но врач невозмутимо продолжал, невольно сам заинтересовавшись живым и злоязыким сюжетом.

Переворачивая страницу, Бениньо поднял глаза и заметил, что герцогиня опустила веки. Он сделал паузу, а Фонци вдруг разомкнула губы:

– Бени... ньо... Отложи... те книгу... – прошелестела больная. Врач встал, склоняясь к хозяйке:

– Я утомил вас, ваше сиятельство? Вам стоит отдохнуть, – произнес он деловито, но герцогиня открыла глаза:

– Нет, Лау... ро, велите подать паланкин.

Врач нахмурился. Лазария очень редко покидала особняк, и одной из причин тому была узость венецианских улиц, по которым даже редкие всадники пробирались не без труда. Но удивляться было бы нелепо.

– Куда вам угодно отправиться, сударыня? – спросил он, стараясь отцедить из голоса недоумение.

– В цер... ковь... – последовал ошеломляющий ответ. – Я хочу... посетить мессу.

– Моя герцогиня, – осторожно начал Бениньо, – ваша домашняя часовня...

– Я знаю, что у меня... есть часовня... – Голос Лазарии зазвучал нетерпеливо, в глазах вспыхнул гнев. – Я пока не выжила... из ума. И да, я знаю, что это лицемерие. Посылать людей на смерть. Потом ехать в цер... ковь. А потом... снова приниматься за прежнее. Но сегодня хоронят... этого солдата... Мар... цино. Мне не по себе.

Герцогиня Фонци никогда не отличалась религиозностью, но врач привык к ее причудам и не позволил себе нахмуриться. Он знал свое дело. Поэтому поклонился синьоре и отправился отдавать многочисленные распоряжения: выезд из дома для Фонци был подобен настоящей экспедиции.

...Готовилась синьора долго. Сначала над ней хлопотал цирюльник, затем Лазарию облачили в подобающее случаю одеяние, кресло свезли на первый этаж по специально предусмотренному на лестнице пандусу, а в холле уже поджидал паланкин и шестеро дюжих носильщиков. Некоторые другие венецианские аристократы держали лошадей и экипажи, но герцогиня предпочитала более маневренные носилки. Гондоле Фонци не доверяла, сознавая, что любая случайность на воде станет для нее роковой.

По давно установленному ритуалу носильщики ловко и умело усадили герцогиню в кресло паланкина, так же слаженно подняли носилки, привычно устроили перекладины на плечах и двинулись к выходу. Бениньо, вооруженный угрожающе позвякивающей сумкой, последовал за процессией.

Процессия вышла из парадных дверей мимо вставшего навытяжку солдата и мерным шагом двинулась по переулку к собору. Бениньо, хмурый и озабоченный, шагал по правую

¹ «Гаргантюа и Пантагрюэль». Роман Франсуа Рабле, вышедший в 1546 году.

руку от паланкина, внимательно глядя на восковое лицо в тени занавесей. Он не заметил, что в спину ему пристально смотрят задумчивые глаза часового...

* * *

За все время службы Годелот не помнил ни единого случая, чтобы герцогиня покидала особняк. Впрочем, саму герцогиню он тоже ни разу не видел, поэтому сейчас заворуженно смотрел на колыхание темно-синих парчовых занавесей, за которыми мельком успел разглядеть тонкие черты изможденного лица и блеск шитья на черном бархате. Куда это ее сиятельство изволили направиться?.. Дело к полудню, носильщики одеты в строгие лиловые плащи. Неужели герцогиня едет к мессе? А доктор, похоже, вовсе не воодушевлен этой поездкой. В морщинах на его лбу можно до половины утопить медную монету.

Годелот переступил на месте, перехватывая ложу мушкета. Ну же, до смены караулов всего-то полчаса и осталось. А герцогская свита тем временем скрылась за изгибом переулочка. Несколько минут шотландец бездумно следил за черным штрихом стрелки башенных часов, видневшихся невдалеке. Двадцать минут... Как медленно всегда тянется последний час...

И вдруг мысль эта звякнула где-то внутри глуховатым бубенцом. Он скоро будет свободен. А особняк упоительно пуст. Офицеры еще не вернулись с погребения, герцогиня в отлучке, а это значит, что доктора тоже не будет в доме как минимум два часа. Годелот стиснул ложу мушкета так, что дерево мерзко скрипнуло о ладонь. Это шанс, упустить который просто немыслимо.

Внезапно вспыхнувшее решение сидело внутри раскаленным гвоздем, а время текло еще более медленно и уныло. Совершенно изнеможенный от нескончаемого ожидания, шотландец едва не подскочил от удара колокола. Наконец сменившись с караула, Годелот с разморенным видом зашагал к солдатским квартирам, но уже через десять минут, убедившись, что вокруг ни души, деловито и озабоченно поднимался по лестнице: случайный свидетель решил бы, что он спешит куда-то по делам служебным. Звучного голоса Ромоло по-прежнему нигде не слышалось. Похоже, после похорон старшее командование удачно заглянуло в трактир...

Пройдя мимо деревянных статуй, Годелот огляделся и вошел в выстланный темными плитами коридор, где поблескивала медной ручкой массивная дверь докторского кабинета. Здесь пришлось незамысловато притаиться за стоящими у стены доспехами и ждать. Истопник всегда являлся около полудня, чтобы выгрести из докторского камина пепел сожженных бумаг.

Поскольку доктор отсутствовал, истопник не спешил. Однако не успел Годелот всерьез разозлиться, как послышалось фальшивое насвистывание и коренастый здоровяк вынырнул из-под лестничной арки. Неспешно отперев кабинет, он внес свою корзину внутрь, и вскоре к свисту добавилось скрежетание медного совка. Но тут свист оборвался, и раздались громовое чихание и брань. Самое время.

Годелот выскользнул из своего укрытия и осторожно заглянул в кабинет Истопник почти до пояса влез в зев камина, и ругательства его, уносимые в дымоход гулким эхо, звучали с жутковатыми раскатами. Шотландец прошмыгнул за спиной у работника и спрятался за открытой дверью трапезной. Он больше рассчитывал на ширму для осмотров, но та стояла вплотную к стене.

Еще через долгих полчаса истопник закончил свои мытарства, уложил в камин свежие дрова, поднял корзину с золой и отправился восвояси. В замке громко щелкнул ключ – шотландец был заперт в кабинете. Но это его мало беспокоило. Он уже знал здешние порядки: истопник сдаст ключ старшему лакею, а тому сюда соваться незачем. В узорном шкафчике напротив двери висели на крючках ключи от книжных шкафов и сундуков с лекарскими пожитками Бениньо. Среди них был и запасной ключ от двери. Его, конечно, предстоит потом как-то вернуть... Однако сейчас Годелота заботило другое.

Убедившись, что шаги истопника затихли и возвращаться он, похоже, не собирается, Годелот вышел из-за двери и направился к столу. Бумаги все так же высились на матово поблескивающей столешнице.

На сей раз он не суетился. Уверенно пролистав стопу, он сдвинул ее на два дюйма вбок, чтоб сразу безошибочно вернуть нужные документы на прежнее место. Затем вынул вожденную подшивку и, устроившись на краю стола, погрузился в чтение.

* * *

Доктору Бениньо выезды герцогини всегда давались нелегко. Конечно, проще всего это объяснялось опасением за знатную пациентку. Но дело было, скорее, в другом: жадные взгляды зевак приводили его в бешенство. Ему нередко казалось, что пышный паланкин вызывает такое любопытство не столько из интереса толпы к таинственной личности больной герцогини, сколько из злорадного наслаждения бессилием чужого богатства перед жизненными невзгодами. Это было омерзительно, и доктор, шагая за паланкином, молчаливо ненавидел все эти блестящие алчным восторгом глаза и торопливо шевелящиеся губы.

Нынешний день не был исключением. Чернь в собор Святого Марка не допускали, однако тамошняя разодетая публика, хоть и вела себя не в пример приличнее, все равно источала душные волны любопытства. Герцогиня же была совершенно спокойна, даже глаза, обычно полные огня, стали отрешенными и задумчивыми. Ей было не до окружающих, и Бениньо подсадовал, что не умеет так же невозмутимо воздвигать стену отчуждения.

Но вскоре кипящее внутри раздражение начало утихать. Собор был способен утолить любые тревоги... Бениньо, почти не вслушиваясь в слова пастора, отдался вычурной красоте византийских мозаик, колонн и статуй, на время отбросив все прочее, оставшееся за стенами волшебной базилики. Он так глубоко погрузился в какие-то потаенные омуты собственной души, что не сразу услышал глухой скрежещущий звук, раздавшийся слева. Вздрыгнув, врач вынырнул из своих грез и вдруг увидел, как лицо герцогини, только что бывшее умиротворенным, налилось кровью, губы кривятся в молчаливой муке, а на лбу стремительно набухает тугая вена. Пояснения Бениньо не требовались. Он коротко щелкнул пальцами, и у плеча тут же возник лакей.

– У ее сиятельства приступ, – шепотом отчеканил врач. – Немедленно наружу!

Слуге тоже не надо было ничего толковать дважды. Носильщики бесшумно подхватили кресло и вынесли синьору на площадь. Здесь, под защитой занавесей паланкина, Бениньо торопливо поднес к синеватым искаженным губам склянку и резко скомандовал:

– В особняк! Живо!

Обратный путь занял не более двадцати минут, носильщики почти бежали. Врач, торопясь следом, мысленно клял себя за слабохарактерность, герцогиню – за упрямство, а нутро сжимал ледяной ужас, что они могут не успеть.

В доме незамедлительно поднялся переполох. Герцогиню, хрипящую и тяжело дышащую, уложили на кровать, и две горничные споро освобождали синьору от бремени тяжелых одежд. Бениньо колдовал у изголовья: он готовился снова отворить кровь. Прокалив узкое лезвие, он склонился над герцогиней, и темная густая жидкость неохотно полилась на подстеленное полотно. Полминуты. Минута. Дыхание Лазарии понемногу начало выравниваться, а мучительная гримаса губ сошла на нет. Бениньо разжал зубы, только сейчас ощутив, как ломит челюсти от сведшей их судороги. Четверть часа спустя Фонци медленно открыла глаза.

– Что... случилось? – прошелестела она. – Снова... это?

– Да, сударыня. – Врач сосредоточенно считал пульс. – Как вы себя чувствуете?

– Устала, – слегка поморщилась Фонци, – и голова... все еще болит.

Бениньо кивнул:

– Неудивительно. Вам необходимо поспать, ваше сиятельство. И впредь... – Врач осекся, но Лазария уже скривила уголки рта:

– Да, я понимаю. У меня есть... домашняя... часовня. Как я устала, Лауро...

... Через двадцать минут Бениньо вышел из покоев герцогини, чувствуя себя так, словно в полуденный зной бегом пробежал вдоль всего Каналаццо и обратно. Отчаянно хотелось выпить. Синьора, принявшая опиумную настойку, проспит не меньше шести часов. Дежурный лакей настороже. А он сам заслужил несколько минут тишины. Тишины, черт бы все подрал. Даже сейчас мимо него по коридору туда и сюда с квохтаньем бегали взбудораженные слуги: припадок хозяйки прямо в день похорон солдата, погибшего у самых дверей дома, поверг челядь в суетливый ажиотаж.

Дойдя до дверей кабинета, он нашарил в кармане ключ. В секретере, кажется, есть неплохое вино. Врач повернул ключ в скважине, рывком распахнул дверь и замер. В его кабинете у самого стола стоял бледный, как мрамор, рядовой Мак-Рорк.

Глава 3

Мелкие услуги дьявола

Доктор стоял в проеме двери, держась за филигранное кольцо, будто не решаясь отпустить его. А Годелот, все так же стискивая в заледеневших руках толстую подшивку бумаг, неотрывно глядел Бениньо в глаза, словно боясь разорвать эту нить, пока еще удерживающую последний миг хрупкого равновесия. Сердце гулко и размеренно било в ребра, будто готовое пробить их насквозь. А доктор все молчал, и шотландец не знал, чего больше боится сейчас: неминуемой расплаты за этот немыслимый проступок или нескончаемого, как задержанный вдох, молчания.

Но врач вдруг вздрогнул, словно очнувшись, и вошел в кабинет, захлопывая за собой дверь. Повернул ключ, отрезая безмолвие кабинета от вечерней суеты особняка, и медленно двинулся к Годелоту. Шотландец ощутил, как сердце пропускает удар, и на какой-то нелепый момент был готов к тому, что врач сейчас выхватит оружие. Сердце опоздало еще на один удар, а все жалкие оправдания и бесполезные объяснения разом забылись, оставив только кристальное осознание: выкручиваться он не будет. Его поймали прямо на месте преступления, и сейчас придется держать ответ. Бениньо же, встав в нескольких шагах от него, вымолвил тоном спокойной констатации:

– Рядовой Мак-Рорк. Умоляю, скажите, что вы вломились в мой кабинет и роетесь в моих архивах в поисках учебника латыни.

Годелот прикусил губу, а сердце забилося мелко и часто.

– Нет, доктор. Я вломился к вам не за этим, – ровно ответил он.

Бениньо усмехнулся, и шотландец ощутил, как эта едкая усмешка лезвием прошлась по нервам.

– Годелот... – Имя прозвучало со странной смесью горечи и удивления, будто изысканное ругательство. – Как же так, друг мой? Я открыл для вас свою библиотеку, пытаюсь открыть вам новый мир. Я увидел в вас нечто большее, чем очередного провинциального новобранца. Я, старый дурак, радовался вашим вопросам и вашей жажде знаний, только этим утром я выбрал для вас еще несколько книг. А вы... Черт подери, Годелот, зачем вы так поступаете?

В этом простом вопросе было не столько яда, сколько замешательства и неверия, и все нутро шотландца свела судорога нестерпимого стыда. Но юноша только медленно покачал головой:

– Да, господин доктор, все верно. И я не стану оправдываться. Только я здесь не за тем, чтоб обчистить ваш секретер. Но это неважно. Зовите солдат.

Бениньо еще несколько мгновений смотрел в глаза Годелота, шагнул вплотную к нему, протягивая руку к колокольчику... и вдруг замер, увидев рукопись, по-прежнему раскрытую на отчете полковника. Секунду он стоял с нелепо растопыренными пальцами, глядя на документ как-то растерянно и недоуменно. Потянулся к бумагам, стиснутым во взмокших ладонях Годелота, и вдруг охватил его запястья сильными холодными руками.

– Что ты делаешь, безумное дитя. Куда ты суешься... – проговорил он глухим усталым голосом, совершенно незнакомым Годелоту.

Шотландец выдохнул, осознав, что не дышал минуты две. Пальцы сами сжались, и листы жалобно затрещали в этой судорожной хватке. Бениньо поморщился, вырвал подшивку у Годелота и почти брезгливо швырнул на стол. Отвернулся, и шотландец увидел, как доктор рывками распускает у горла воротник.

А тишина натягивалась тугой струной, даже тиканье часов становилось все более гулким, и Годелоту уже отчаянно хотелось, чтобы Бениньо попросту отхлестал его по щекам, назвал

вором и вышвырнул вон. Тогда он нашел бы что сказать, и весь мир мог бы катиться к чертям. Но молчание доктора и неловкие движения, какими он ослаблял на шее душащую петлю тесмы, уже внушали юноше обыкновенный страх. А Бениньо вдруг снова повернулся к юноше и нахмурил густые седеющие брови.

– Что ж, Годелот, – проговорил он на свой обычный спокойный лад, – полагаю, дело действительно не в секретере. Я погожу с капитаном Ромоло. Но только при условии: вы скажете мне, что искали. Подробности гибели графа Кампано, не так ли?

Он овладел собой, опутив забрало неизменного суховатого хладнокровия, но в ушах Годелота все еще затихал тот глухой и полный смятения голос. Шотландец захлебнулся уже готовыми было словами, но Бениньо только покачал головой:

– Не бледнейте, как девица в погребке. Вы ведь прекрасно знаете: я не только врач, я секретарь ее сиятельства. И от меня в этом доме нет тайн... Увы... Хотя я предпочел бы куда меньшую осведомленность. – Он помолчал и, не дожидаясь ответов на предыдущие вопросы, без нажима спросил: – Как вы узнали, где именно искать?

Годелот откашлялся:

– Однажды, придя к вам на перевязку, я по неловкости рассыпал ваши записи. Укладывая их на место, я наткнулся на эту. Не стану отрицать, я мало успел прочесть в тот раз и вернулся, чтоб продолжить.

Врач приподнял брови:

– Похвальная прямота, Годелот. А вот о вашем благоразумии я был лучшего мнения... как и о ваших моральных принципах.

– Мне жаль, что я ввел вас в заблуждение, господин доктор, – вполне искренне ответил юноша.

Уголок рта Бениньо болезненно дернулся:

– Мне бы попенять вам на дерзость. Но это ваше свойство всегда меня подкупало.

Он отошел к окну, задерживая портьеру, словно пытаясь затянуть паузу, и Годелот уже был готов к тому, что сейчас доктор наконец позовет часового. Но Бениньо неспешно подошел к секретеру, вынул бутылку вина, долго возился с пробкой. А затем залпом осушил бокал, обернулся и отрубил:

– Что вы хотели узнать, Годелот? Спрашивайте сейчас, другого случая у вас не будет.

До этой минуты шотландец все так же молча стоял на месте, будто вмерзнув в пол и едва дыша. Но сейчас он понял: этот миг нельзя упустить, даже если ему предстоит отправиться в карцер на ближайший год.

– Мне не нужно подробностей той бойни, – твердо проговорил он, – их я видел своими глазами. Я хочу знать причину.

Бениньо неспешно отставил бокал и вновь несколько секунд помолчал.

– Что ж, здесь нет никакой жгучей тайны. Это была месть, Годелот. Месть ее сиятельства герцогини вашему синьору. – Юноша резко вдохнул, бледнея, но врач лишь поднял ладонь. – Ваше негодование сейчас пропадет в ковре дыру. Но погодите судить. Герцогиня тринадцать лет томится в плену неподвижного тела. Тринадцать лет в тюрьме своей плоти, Годелот, без права даже смахнуть прядь с собственного лица. Поверьте, друг мой, бывает такая минута, когда любой соглашается продать душу дьяволу.

– Дьяволу? – шотландец не сумел отцедить из голоса ноту сарказма. – Стало быть, во всем, как и всегда, виноват дьявол? Право, как это удобно – иметь под рукой такого безотказного виновника!

– Ошибаетесь, – не принял вызова врач, – дьявол лишь исполняет желания... или приказы, если угодно. Отвечать же за них каждому в свой срок придется самому.

Годелот осекся, уже в который раз чувствуя себя перед этим человеком бестолковым и запальчивым мальчишкой.

– Быть может, – отрывисто произнес он. – Но какая же обида могла повлечь за собой такую страшную месть? Я был там, черт подери. Я все еще слышу во сне голоса ворон.

В чертах врача что-то дрогнуло. Он сдвинул брови, и тень легла на лицо, сразу сделав его старым и измученным.

– Сядьте, Годелот, – негромко проговорил он, – налейте себе вина.

Шотландец машинально повиновался, в замешательстве глядя, как всегда безупречный Бениньо рассеянно ворошит густо посоленные сединой волосы. Тот снова придвинул отставленный бокал, рассеянно глядя, как по тонким стенкам скользят остатки янтарных потеков, и вдруг молниеносным движением швырнул бокал о стену. Хрусталь с ликующим взвизгом брызнул на ковер, а врач оглушительно рывкнул:

– Какого черта вы полезли в эти бумаги, юный идиот?! Вам пока еще дано жить и дышать, так что ж вам не живется?!

Он упал в кресло напротив Годелота и яростно раздавил несколько осколков ногой. Переведя дыхание, Бениньо вперил мрачный взгляд в шотландца, безмолвно съжившегося в полумраке.

– Я не звал вас сюда, Годелот, и именно поэтому расскажу вам о той ночи. Многие знания – многие скорби, и вам стоит усвоить этот урок раз и навсегда. Кроме того, вы на свой лад вправе узнать то, чего хотели. – Доктор сделал паузу. – Я знаю, вы не все поймете. И главные ваши выводы будут неверны. Вы все же безобразно молоды.

– Это пройдет, – отрезал шотландец.

Врач взглянул на него, и в глазах его промелькнула тень прежней сдержанной усмешки. Он сложил ладони, будто осязая в них обложку незримой летописи, и негромко продолжил:

– Вы наверняка слышали, Годелот, о прежнем графе, самоубийце Витторе... Герцогиня Фонци, наша с вами общая синьора, еще в юности знавала обоих братьев Кампано и была весьма... близка со старшим... – Бениньо запнулся и хмуро покусал губы. – Впрочем, стоит назвать вещи своими именами. Ее сиятельство и граф Кампано были любовниками. Ни о каком браке речь не шла, это был союз плоти и души, полный огня, но не нуждавшийся в благословении церкви. Однако не буду сплетничать.

Синьора порой рассказывала мне о Витторе. Это был человек широких и оригинальных взглядов. Он интересовался магией и алхимией, уверенный, что сии материи суть настоящие науки, не имеющие ничего общего с бесовщиной. Именно он привил герцогине жажду познания запретных таинств.

Бениньо потер подбородок, и взгляд его стал слегка отрешенным.

– Герцогиня редко говорит о погибшем Витторе, оберегает память о нем, как открытую рану. Его портрет висит в малой библиотеке, и ее сиятельство болезненно привязана к нему. Я каждый раз вижу: ей отчаянно больно, несмотря на прошедшее время. Сейчас она почти не упоминает о Витторе, но эта потеря так и не утратила для нее своей остроты. Она даже порой разговаривает с ним. М-да...

Оттавио же был человеком другого склада. Сорвиголова и искатель приключений. Витторе очень тревожился о нем, поскольку Оттавио, уехав после смерти отца за границу, много лет не подавал о себе вестей. Он вернулся неожиданно, чем несказанно осчастливил брата. Но оказался вестником беды. Через три дня после его приезда Витторе покончил с собой.

Врач машинально поправил в канделябре свечу и вновь покусал губы, словно подходя к сложной части своего рассказа.

– Герцогиня Фонци был потрясена смертью Витторе. Впрочем, потрясены были все. Но ее сиятельство одолевала не одна лишь скорбь. Она хорошо знала Витторе, и его самоубийство казалось ей совершенно необъяснимым. Граф не выглядел человеком, готовым свести счеты с жизнью. Последние месяцы он кипел энергией и воодушевлением. Он собирался в Германию, засыпал синьору длинными письмами, звал ее с собой, словом, жизнь в нем была клю-

чом. Однако сомнений быть не могло – Витторе бросился с башни сам, чему имелись десятки свидетелей.

Синьора решила разобраться в обстоятельствах этой неожиданной и трагической смерти. И вскоре она нашла то, что искала. Дело в том, что Оттавио приехал не один. Его сопровождал молодой монах. Изнуренный сухой человек с мрачными глазами. Оттавио представил его как своего друга, полкового капеллана. Тот вел себя очень сдержанно, ни с кем не заводил бесед, хотя прочел поразительную проповедь, исполненную невероятной силы и чувства. В последний вечер монах долго беседовал с графом Витторе наедине – а на завтра случилось несчастье.

Годелот подался вперед:

– Я слышал об этом монахе, доктор. В гарнизоне шептались, что проповедь открыла графу глубину его греха и он не перенес испытанного позора.

– Да, – выплюнул Бениньо, – это принятое среди челяди мнение. Но герцогиня думала иначе. Она-то знала, что Витторе вовсе не стыдился своих оккультных изысканий и нимало не считал их грехом. Напротив, он полагал, что религия – это своего рода игрушечная магия для непосвященных и малообразованных. Как бы ни впечатлили его чьи-то слова, он не стал бы ничтоже сумняшеся бросаться головой вниз с кавальера. Все было куда проще... – Врач скривился, будто надкусив гнилое яблоко. – Монах был вовсе не капелланом. Это субъект был не кем иным, как агентом инквизиции, которого Оттавио приволок на родной порог. У ублюдка были долги. Крупные долги. И раздел наследства перестал его устраивать. Не знаю, чем именно монах грозил Витторе. Но одно несомненно – все было очень серьезно. Слишком серьезно, чтобы граф бросился обивать пороги канцелярий и искать защиты. Хотя... быть может, герцогиня знает больше. Мне же известно лишь это.

Годелот встряхнул головой.

– И все? Из-за предательства младшего брата нужно было сжечь мирные деревни? Перебить весь гарнизон замка? Отплатить за смерть графа Витторе гибелью его собственных земель? Не слишком ли добросовестная месть?

Но врач только нетерпеливо постучал пальцами по подлокотнику:

– Не спешите, друг мой. Это лишь начало истории... Герцогиня и сейчас особа весьма энергичная, насколько это возможно в ее состоянии. Прежде же она была деятельна, скоро на решения и, полагая, изрядно вспыльчива. Недолго думая, она ринулась по следу своих подозрений. Задача оказалась не из простых, но за полтора года синьора отыскала всех кредиторов Оттавио, собрала по нитке внушительный список его грехов, а затем устремилась к мерзавцу, дабы разоблачить его предательство и, вероятно, посулить расплату. Новоиспеченный граф Кампано все отрицал, негодовал, но был заметно напуган, что еще более укрепило герцогиню в ее убежденности. Одним словом, случилась громкая ссора.

Только что сжимавший кулаки и пытавшийся перебить врача, юноша замер.

– Вот оно что... – пробормотал он. – Гость, приехавший той ночью, о которой рассказывали слуги... Это была герцогиня Фонци...

Бениньо не обратил внимания на эту реплику, он задумчиво смотрел куда-то в стену мимо собеседника.

– Оттавио всполошился не зря – у герцогини хватило бы влияния разрушить его жизнь под самый корень. Только все было пустыми угрозами, Годелот. Несколько месяцев спустя с герцогиней случился удар. Тот самый, что приковал ее к креслу. Казалось бы, на этом все должно было закончиться. Однако только началось.

Врач сжал двумя пальцами переносицу, как делал порой, стараясь сосредоточиться. А потом встал и мерно зашагал по ковру.

– Видите ли, друг мой. Чем сильнее человек, тем труднее ему мириться с недугом вроде паралича. И тем неистовее он борется.

Когда госпожа наняла меня, я изучил ее болезнь во всех возможных подробностях, перерыл горы литературы, провел десятки консилиумов с коллегами – но все тщетно. Не стану пересказывать вам, каким мучительным процедурам я подвергал мою несчастную пациентку. Герцогиня безропотно сносила что угодно. Однако ее сиятельство – не деревенская молодуха, что станет глядеть на врача словно на чародея. За время наших с ней общих мытарств герцогиня не хуже меня разобралась в природе своей болезни. Она быстро поняла, что я бессилен ей помочь. Ее сиятельство привыкла доверять мне как наперснику и секретарю, а порой и просто другу, она ценит мое умение облегчить ее припадки и случающиеся у нее боли, но исцеления она от меня не ждет...

Бениньо остановился у стола и нервно стряхнул со скатерти невидимый сор. Гodelot молчал, будто слившись с креслом. Он видел, что тема эта врачу неприятна, и подспудно опасался несвоевременно напомнить о себе и спугнуть неожиданную откровенность эскулапа. А тот заговорил опять:

– Однако это не значит, что герцогиня смирилась. Она всегда верила, что мир устроен сложнее, чем кажется, поэтому заподозрила, что у ее несчастья совсем другие корни. Пока я искал лекарства для растворения кровяных сгустков, она обращалась к астрологам и хиромантам, надеясь понять, чем прогневила судьбу. Сама составляла нумерологические таблицы и гороскопы. Поверьте, Godelot, в этом доме хранится столько еретических книг, что господина нунция прямо на пороге расшиб бы сердечный удар.

Бениньо тяжело вздохнул и сел в кресло.

– Кто ищет, тот найдет. Слыхали вы такую банальность? Так вот. Двенадцать лет назад среди очередной порции купленных книжных редкостей ее сиятельству попался некий документ. Свиток в чехле. Лет двести назад на таких записывали все подряд, от молитв до рецептов домашнего варенья.

В этом же документе была легенда. Скорее, сказка. Она гласила, что в незапамятные времена существовал некий таинственный Клан, владевший удивительным артефактом, данным ему то ли в награду от древних богов, то ли в качестве подкупа от Сатаны.

Суть его такова, что он дает неограниченную власть над всем, что живет и дышит.

Godelot скептически пожал плечами:

– Направленный в чужую голову мушкет ничуть не хуже дает неограниченную власть без всяких цацек от нечистого.

Бениньо криво усмехнулся:

– Возможно. Но мушкет, направленный на гангренозную конечность, не в силах приказывать ей излечиться. Никакой мушкет не сумеет поселить в теле чахотку. Даже лучшим из мушкетов человека не заставить всем сердцем полюбить своего кредитора или возненавидеть мать. И даже тысяча мушкетов не прикажет целой нации бросить свои дома и рвануться в оголтелой ярости загрызать зубами соседей.

Шотландец медленно облизнул губы.

– Этот... артефакт такой могущественный?

Бениньо задумчиво кивнул:

– Если верить преданию – почти всесильный. Веками члены этой загадочной семьи применяли свой тайный дар то во благо, то во страшное зло. Одни исцеляли умирающих, над которыми готовы были сжалиться. Другие разжигали эпидемии в осажденных городах и устраивали неугодных. Согласно легенде, даже чума, бушевавшая в Европе пару столетий назад, – их рук дело. Они посеяли ее по... хм... заказу одного восточного монарха, желавшего очистить окрестные земли от населявших их племен. Кто же мог знать, что все обернется такой катастрофой? Члены Клана быстро одумались и попытались остановить свое ужасное детище, но болезнь распространялась слишком быстро. Задушенная в одной земле, она свирепствовала в другой. Они попросту не успевали за нею. К тому времени, когда Клан все же сумел совла-

дать с эпидемией, от самого рода уже почти ничего не осталось. Болезнь не пощадила и своих собственных создателей.

Врач сделал паузу и потер лоб:

– Жутковатая сказка. Но среди легенд прежних веков полно страшных баек, которые особенно хороши вечером у очага. В этих историях нет ничего дурного. Худо становится тогда, когда находится могущественный человек, который верит в них. А герцогиня Фонци сразу поверила в это предание.

Годелот подавил желание поежиться:

– Доктор... Это действительно чертовски жутко, но мы отвлеклись. Вы рассказывали мне о графе Кампано и его вражде с ее сиятельством.

– Мы ничуть не отвлеклись, друг мой, – покачал головой Бениньо. – После знакомства с этой легендой герцогиня считает, что ее паралич – не случайное несчастье, а злонамеренье графа Оттавио, который каким-то образом завладел тайной этого страшного дара.

Юноша вскочил:

– Что?! Господи, но это же нелепо! Это болезненная фантазия безумца! – Он осекся, вспомнив, что говорит о собственной синьоре в присутствии ее личного врача. Но Бениньо устало потер веки:

– Именно так, Годелот. Для вас это звучит нелепой и болезненной фантазией. И упаси вас бог оказаться в положении, когда вы будете готовы понять герцогиню.

Шотландец осел в кресло, чувствуя, как странные и малообъяснимые события прошедших месяцев, словно куски разбитого витража, готовы сложиться в единую, совершенно невообразимую картину. Он стиснул зубы, силясь удержать рвущиеся с уст вопросы и догадки. Поднял глаза на врача и тихо процедил:

– Доктор... Но почему герцогиня так думает? Какая связь между ее болезнью и... этой историей?

Врач поморщился:

– Произошло одно... совпадение. А уж додумать недолго, было бы желание.

Годелот секунду помолчал и осторожно спросил:

– Господин доктор, а что это за артефакт?

Глаза Бениньо вдруг померкли, будто внутри захлопнулись ставни:

– А вот это не ваше дело. И надеюсь, что после вашей выходки вы воздержитесь от идиотского вопроса, почему я вам не доверяю.

Подросток вздохнул, молча отводя глаза, – врач был прав. Однако через секунду снова вскинул взгляд:

– Хорошо. А какую фамилию носил этот колдовской род?

Бениньо в очередной раз покусал губы и неохотно пояснил:

– В прежние века люди вовсе не носили фамилий, полагаю, вы знаете об этом. Но с тех пор, как роды стали объединяться общими именами, эта легендарная семья звалась кланом Гамальяно.

– Погодите, доктор. Стало быть...

– Да. Герцогиня убеждена, что ваш друг, с которым вы приехали в Венецию, – последний живой представитель этого старинного рода могущественных целителей и хладнокровных убийц. И если с помощью их страшного наследия можно было поразить ее параличом, то с его же помощью проклятие можно и снять.

Шотландец со звоном поставил бокал на стол:

– Доктор, но это смешно! Герцогиня хоть что-то знает о Пеппо? Не странно ли для обладателя такой силы ходить в драной рубашке и считать медяки?

– Герцогиня знает куда больше, чем вы думаете, – отрезал врач. – И она в курсе, что ваш друг – сирота без гроша за душой. Наследие затерялось, и ее сиятельство настойчиво ищет его

уже много лет. Однако, если верить преданию, артефакт обладает своей страшной силой только в руках Гамальяно и лишь со смертью последнего из них он подчинится другому хозяину. Как вы считаете, какой самый простой способ избавиться от притязаний последнего из Клана?

– Но...

– Нет! Молчите и слушайте! – рявкнул Бениньо, подаваясь вперед и глядя подростку в глаза. – Я уже предупреждал, что вы все поймете неправильно. Бледны, как осенняя луна, взгляд полыхает, вас уже захватила эта легенда. Но Гodelot... Вам нужно думать не о народных побасенках. Все намного серьезнее. Герцогиня Фонци не остановится ни перед чем. Я не верю в сказки и опасюсь, что мою несчастную госпожу ждет страшное разочарование, однако судьба вашего друга уже предрешена.

Но вы... Вы иное дело. Вы просто случайная жертва обстоятельств. И лично от вас герцогине ничего не нужно. Не лезьте на рожон. Так или иначе, но эта история закончится. Вашего друга затравят и убьют, в этом нет сомнений. Но вы вовсе не обязаны разделить его участь.

Секунду Гodelot молчал, и Бениньо видел, как лицо шотландца заливают свинцовая бледность, глаза сужаются, а нижняя челюсть обрисовывается жесткими углами. Он примирительно поднял ладонь:

– Гodelot, погодите. Вы излишне буквально меня поняли. Позвольте, я объясню, – произнес он мягче, но юноша медленно встал из кресла, нависая над эскулапом:

– Не стоит, доктор, – вкрадчиво заговорил он подрагивающим от бешенства голосом, – я понял вас. Как же я, деревенский дурень, сразу не раскусил подвоха? Еще тогда, когда нашел в ваших записях портрет моего друга. Вы тоже заодно со всей этой волчьей стаей. У вас даже роль в загоне дичи своя. Чертов доминиканский паук пытал меня, а полковник спас и взял под крыло. Но от меня оказалось мало толку. И за дело принялись вы. Если полковника Орсо я опасался, то перед вами благоговел.

И вот вы успешно ловите меня на горячем. Признайтесь, вы наверняка уже подозревали, что я порылся в ваших бумагах? Вы слишком аккуратны, чтоб не заметить учиненного мной беспорядка. И все же любезно оставили сыр в мышеловке, не удосужившись припрятать его понадежней.

Посмотрев на мое перекошенное от ужаса лицо, вы не вызвали часовых. Вы угостили дурака вином и теперь рвете на груди кольчугу, открывая мне тайны одну занятнее другой. Убедившись же, что я сражен вашей откровенностью, самым отеческим тоном предлагаете мне все то же, что монах вымогал у меня пытками, а полковник хитростями, – вы хотите, чтоб я выдал вам Пеппо. Он ведь все равно обречен, верно? А я так молод, умен и хорош собой, у меня вся жизнь впереди, и грех похабить ее ради слепого ублюдка. – Гodelot оскалился и ядовито процедил: – Я так доверял вам... А вы... Зачем вы так поступаете, доктор?

Бениньо молчал, задумчиво и бестрепетно глядя на возвышавшегося над ним солдата. Наконец он тихо проронил:

– Не глупите, Гodelot.

Шотландец лишь усмехнулся:

– О, не беспокойтесь! Я знаю, что в этом доме полно охраны. Но, если я сейчас ненароком сломаю вам шею, приход часового лично для вас уже ничего не изменит.

Врач чуть прикрыл глаза:

– Сядьте, мальчишка. У меня уже ломит затылок смотреть на вас снизу. Вы снова ни черта не дослушали и сделали какие-то идиотские... ну, хорошо, вполне логичные, но все же ошибочные выводы. Я и не думал предлагать вам предательство. Я слишком хорошо знаю, что значит держать на руках тело единственного друга.

Гodelot сделал шаг назад и оперся о спинку кресла, глядя на Бениньо с той же смесью злобы и подозрения. Доктор вздохнул:

– Я сдуру разбил свой бокал. Погодите... – Он потянулся к буфету, вынул новый бокал и налил себе вина. – Вот что, – спокойно продолжил врач, – ваш друг очень удачлив. Но силы неравны. У вас, Гodelот, хороший заработок, в котором у вас нет насущной необходимости. Так пусть Джузеппе попросту затаится еще на некоторое время. Подкопите жалованье, отдайте ему, и пусть уезжает из Венеции ко всем чертям. В этой стране царит неразбериха. Достаточно покинуть Венето – и можно затеряться в соседних областях так, что отыскать следы будет невероятно трудно. Вы же... Что вам мешает продолжать службу?

Несмотря на напряжение, Гodelот невольно рассмеялся:

– Взять у меня деньги и сбежать, оставив меня на растерзание?.. Вы совершенно не знаете Пеппо. В нем поразительным образом уживаются рыцарь и идиот. – Он резко оборвал фразу, уколотый неожиданной мыслью: – Пойдите! Вы говорили, что герцогиня подозревает в своем увечье графа Оттавио. И что же, тот самый артефакт каким-то образом попал в его руки? А как же...

Юноша запнулся, ощутив, что сейчас наконец приблизился к ответу на те загадки, что пытался загадывать ему доминиканец Руджеро. Но врач молчал.

– Если это правда, – пробормотал шотландец, хмурясь, – то получается, что кто-то из этого Клана был весьма близок с графом Оттавио, раз согласился оказать ему подобную... ужасную услугу.

Бениньо только поморщился:

– Я смотрю, вы окончательно встали на сторону собирателей легенд. Что же до «услуги», полагаю, речь шла о деньгах, а вовсе не о дружеских чувствах.

Но Гodelота ничуть не задела ирония, прозвучавшая в голосе врача. Он оттолкнулся от спинки кресла и заметался по комнате. Все это было слишком. Слишком зыбко, слишком маловероятно, слишком отвратительно, слишком цинично. Душа брезгливо сжималась, сиюсья отстраниться от края зловонной ямы чужих интриг, но разум ей наперекор жадно поглощал услышанное.

Наконец подросток в изнеможении ударил в стену кулаком:

– Черт бы все подрал! Я не знаю уже, чему верить! И есть ли вообще кто-то, кому хоть немного можно доверять! – Он рванулся к доктору и схватился за подлокотники его кресла, глядя Бениньо в лицо: – Хорошо. Допустим, что вся эта несусветная околесица – правда. Но доктор... Вы же самый влиятельный человек в этом доме! Вы ангел-хранитель герцогини, вы облечены безграничным доверием, на вас молятся все и каждый! Почему вы допускаете это? Вы уверены, что герцогиня носится с иллюзией, но невозмутимо следите, как ради этой иллюзии гибнут ничем не провинившиеся люди! Так чем вы лучше своей хозяйки?

Но врач не отвел взгляда:

– Я никогда не утверждал, что я лучше синьоры. И да, я хладнокровно слежу за твоими ее безумствами. А если я начну отравлять себя сожалениями и терзаниями да еще полезу в герои и начну мешать герцогине, то никого не спасу. Только потеряю остатки контроля за ситуацией, и все станет еще хуже.

– Какие, к дьяволу, «остатки контроля»?! – прошипел Гodelот, а Бениньо криво усмехнулся:

– Вы олух, Мак-Рорк. Вы полагаетесь на внешний облик вещей и негодуете, когда они выглядят не так, как вам хотелось бы. Вы что же, и правда уверены, что мое слово в этом доме имеет решающее значение? Да, меня уважают. Да, я близок ее сиятельству, как никто. Но, милый мой друг, не путайте власть и доверие. Бог и король этого дома вовсе не я.

– А кто же? – Шотландец отчаянно боролся с вновь подступающей ледяной яростью.

Вдруг доктор мягко улыбнулся:

– Не притворяйтесь. Вся жизнь этого особняка подчинена лишь одному человеку. Достаточно хладнокровному, чтобы устранять тех, кого он считает помехой. Достаточно храброму,

чтоб идти к поставленной цели, невзирая ни на возможное преследование властей, ни на собственное суеверие. Достаточно умному, чтоб найти нити управления каждым, кто ему понадобится.

Годелот медленно выпустил подлокотники и выпрямился.

– Полковник Орсо... – пробормотал он. И вдруг остро ощутил, что подспудно ждал этого имени. Но в ответ на это чувство тут же вспыхнуло раздражение. – С каким, однако, восхищением вы говорите о нем, доктор! Меж тем если рассказы об ужасных Гамальяно писаны вилами по воде, то некоторых жертв его превосходительства я могу сию минуту перечислить вам по именам.

Бениньо внимательно поглядел на шотландца.

– Годелот, – все так же мягко проговорил он, – как давно вы знаете, что полковник Орсо возглавлял атаку на Кампано?

Только что преисполненный негодования, юноша слегка недоуменно нахмурился:

– Несколько недель...

– Вот. И тем не менее берете уроки фехтования, кланяетесь полковнику при встрече и то и дело ссылаетесь на него в разговоре. А ведь полковник отчасти виноват в гибели вашего отца, а я достаточно знаю о шотландской неумолимости в вопросах родовой чести. Что же вы ни разу не попытались отомстить Орсо?

Юноша скрипнул зубами: этот простой вопрос вдруг ткнул куда-то под дых, словно жесткий палец.

Бениньо же склонил голову набок, глядя на изменившееся лицо собеседника:

– Похоже, не в бровь, а в глаз. Но я не насмехаюсь, Годелот. Просто задайтесь этим вопросом и будьте честны с собой.

Глубоко вздохнув, шотландец обеими руками отер лицо.

– Вы правы, доктор, – сухо отрубил он, – но тут ответ простой. Отец в жизни не согласился бы на иной конец. Пасть в бою, защищая своего лэрда, в его представлении было лучшим уделом. Не знаю, поймете ли вы, человек невоенный, наши причуды... Однако враг, сразивший вас в бою, – это победитель, а не убийца. И потому я никогда не забуду всего этого, но мстить мне не за что. Свою судьбу отец выбирал сам. Да и... что я могу сделать полковнику? Не яда же ему подсыпать.

Минуту Бениньо молчал, а потом отрезал:

– Чушь! Все не так, Годелот. Представьте себе на месте Орсо неряшливого и пьющего субъекта, который тиранит своих подчиненных, ворует их жалованье и за любой чих назначает унижительные экзекуции. Который называет вас вульгарными словечками и охотно выставляет на посмешище перед однополчанами. Вы все еще готовы произнести вашу пламенную речь? Едва ли. Дело не в вашем воспитании. Дело в самом полковнике. Это незаурядный человек. И вам не гадко даже от мысли, что Орсо сам мог убить вашего отца. Ведь вы наверняка инстинктивно уверены, что никто не посмел пинать его тело сапогами или шарить по его карманам.

На челюстях шотландца дрогнули желваки, скулы вспыхнули. Но Бениньо только повысил голос:

– Злитесь? Зря. Я скажу вам еще кое-что. Вы восхищаетесь полковником. Более того, вы жаждете походить на него, даже если не отдаете себе в этом отчета!

– Прекратите! – рявкнул Годелот, тяжело переводя дыхание. – Хватит разбирать меня по костям, как жареную рыбу! Что вы можете знать обо мне? Хорошо, не спорю, я действительно болтливый простак, которого настолько потрясли ваши знания, ваши щедрость и доброта, что я готов был выложить все что угодно! Но не смейте с этой пренебрежительной уверенностью вешать на меня ярлыки, словно я насекомое на булавке!

– Не кричите, Годелот! – оборвал его Бениньо.

Шотландец замолчал, сжимая кулаки и тщетно пытаясь взять себя в руки, но вдруг увидел, что доктор смотрит на него без тени гнева или сарказма.

– Тише, – повторил тот, – учитесь обуздывать свой нрав. И запомните: громче всего кричится тогда, когда хочется заглушить собственные внутренние голоса. Если вы на миг задумаетесь о моих словах, то поймете мою правоту. Я не претендую на венец пророка. Просто... таков Орсо, друг мой. В нем есть нечто особенное. Не мое дело, что он оставил позади, но я уверен: он был в аду, сумел вырваться и с тех пор носит кусок этого ада при себе, как обрывок паутины.

Он держится в тени – а меж тем он один из самых влиятельных кондотьеров Италии. Перед ним преклоняется насмешник Дюваль, Клименте старше его на добрых десять лет, а считает его своим покровителем. Полковник возглавляет немногочисленное личное войско герцогини, но при нужде за несколько дней соберет трехтысячную орду головорезов, преданных ему, как свора собак. Сам же он предан лишь герцогине, которая в свое время оказала ему огромную услугу. И, как видите, Орсо старается на совесть. Поверьте, немногие сумели бы так виртуозно обставить нападение на графство, чтоб покончить с делом за одну ночь и не оставить никаких достойных доверия следов.

Годелот опустил в кресло и сжал голову руками.

– Я прежде думал, что так убедительны и красноречивы бывают лишь свахи, – произнес он уже без прежней запальчивости. – Не пойму только, зачем вы превозносите полковника передо мной. Деваться мне от его превосходительства все одно некуда даже без особой к нему любви.

Бениньо усмехнулся уже совсем искренне:

– Вы все ищете подвоха... Впрочем, это вполне обоснованно. Но на деле... – он секунду помолчал, а потом проговорил неторопливо и осторожно, будто снимая повязку с едва начавшей рубцеваться раны: – Годелот, меня самого воспитал невольный убийца моего отца. Этот человек сделал меня сиротой, но взамен дал мне крылья. Всем, чего я, нищий сельский мальчик, достиг в этой жизни, я обязан лишь ему.

Шотландец сдвинул брови.

– Полагаю, этот достойный господин не был предводителем отряда, разгромившего ваш дом... – пробормотал он.

– Нет, – ровно ответил Бениньо, – он был государственным изменником, собственный сын выдал его властям, и он был казнен за военные преступления. Я даже не видел его могилы. Его зарыли на тюремном кладбище среди убийц и прочего сброда. Прошло больше двадцати лет. Но для меня он навсегда останется моим благодетелем и вторым отцом, каких бы гнусностей ни приписывала ему молва.

Годелот стиснул зубы:

– Зачем вы рассказываете мне это?! После всего, что я узнал сегодня, меня трудно вновь поразить.

– Я не пытаюсь поразить вас, а поучаю по-стариковски. Я уже говорил: люди должны использовать друг друга, покуда знают меру. Так дерзайте, Годелот, используйте полковника. Далеко не каждому юнцу выпадает такой шанс. Не смейте приносить его в жертву своей юношеской горячности. Учитесь у Орсо. Всему. Достойному и недостойному. Особенно последнему.

– Почему? – нахмурился Годелот.

– Потому что тогда вы будете знать, чего ожидать от людей, перестав мерить их по себе, – спокойно пояснил врач.

Шотландец откинулся на спинку кресла.

– Доктор Бениньо, вы говорите, что я кричу, чтоб заглушить внутренние голоса. Быть может. Но только держу пари, что и вы развели философию больше для того, чтобы уйти от темы, что была вам не по душе. А я все же спрошу. Вы утверждаете, что бессильны помешать

герцогским бесчинствам и потому закрываете на них глаза. Но почему вы не покинете этот... военный лагерь и не перестанете участвовать в том, что вам претит?

Глаза эскулапа, только что задумчивые и внимательные, разом заledenели, будто подернутое инеем оконное стекло:

– Все уверены, что я служу герцогине ради отменного жалованья. Чем вас не устраивает эта версия? Между прочим, по договору исцеление герцогини, вне зависимости от его причин, обеспечит меня до конца дней. Ее сиятельство не забывает поддерживать в людях должное... усердие.

Годелот помолчал.

– Вы не бедствовали бы нигде. Вы превосходный врач, а не пикинер на пенсии.

Бениньо крепче сжал ножку бокала, и его ноздри слегка дрогнули.

– Похоже, я перегнул с разглагольствованиями. Вы стали дерзки и любопытны.

– Я был таким всегда, но прежде вы казались мне божеством, а сейчас стали человеком.

– Вот оно что! Я сам подпортил свой ореол. Тем лучше. Слишком тяжелый это труд – быть для кого-то богом. А ведь тут нет ничего сложного, Годелот. Я в курсе всех безумств и преступлений моей госпожи. Я знаю имена всех ее жертв. И причины их смертей. Я знаю, что именно ее сиятельство ищет, зачем и какими способами. Вы действительно полагаете, что меня кто-то отпустит отсюда живым? Я пленник в этом доме, друг мой. И, боюсь, навсегда. – Слегка побледневший юноша собирался что-то сказать, но Бениньо жестко отрубил: – Молчите! И вот еще что, Мак-Рорк. Надеюсь, вам пригодятся мои сегодняшние... рассказы. Но не рассчитывайте на мою помощь. Разве что я сам ее предложу. И то не спешите соглашаться. Она может вам дорого обойтись. А сейчас – вон отсюда. Я потратил на вас уйму времени.

Годелот встал и щелкнул каблуками:

– Виноват, господин доктор! Разрешите откланяться.

– Катитесь! – рявкнул врач и добавил чуть тише: – И, ради бога, будьте осторожны.

Глава 4

Невеста на мосту

Алонсо в самом лучезарном настроении шагал по кривому переулку. Дядя отпустил его аж до завтра, с утра перепало несколько монет, Риччо вернулся живой и невредимый – жизнь цвела если не розами, то всяко незабудками, и печалиться было не о чем.

Проходя мимо лавки Барбьери, мальчуган услышал знакомый приветливый голос:

– Алонсо! Ишь, гордый, идет – не здоровается!

Малыш обернулся – на крыльце лавки стояла Росанна.

– Спешись, милый? Зайди на минутку, погляди, чем угощу!

Его не пришлось уговаривать. Уже через несколько минут он сидел позади прилавка, почти набожно надкусывая пирожок. Росанна с улыбкой потрепала мальчика по взъерошенным волосам:

– Вкусно?

– Объеденье!.. – пробормотал Алонсо с набитым ртом.

Несколько минут лавочница неторопливо возилась у мешков, то и дело не без умиления поглядывая на малыша. Алонсо тем временем дожевал и уже подбирал крошки с одежды.

– Еще хочешь? – ласково спросила девушка. Ребенок застенчиво потупился:

– А тебя батюшка не заругает?

Но Росанна только отмахнулась:

– Будто он считает! Я сама их пеку. – Протянув Алонсо второй пирожок, лавочница задумчиво постучала пальцами по прилавку. – Кстати, как поживает Риччо? Он поранился несколько дней назад и с тех пор не заглядывал.

Алонсо энергично покивал головой:

– О, он здоров! Я только ночью его видел.

– Ночью? А ночью-то тебе чего не спится? – Светло-карие глаза Росанны удивленно округлились, а мальчик смешался:

– Ну да, я же слуга. Бывает, и ночью чего надо. Воды там, ну, огня... Еще чего-нибудь...

Он окончательно смутился, однако девица не стала расспрашивать, лишь сокрушенно сдвинула брови:

– Как о Риччо ни вспомню – так сердце не на месте. Он так одинок. Как это ужасно! Наверное, невыносимо быть совершенно одному на свете.

Алонсо на миг отвлекся от пирожка и возмущенно вскинул глаза:

– Эй, а вот не надо! Вовсе он не один на свете! Я что ж ему, не друг?! Так, соломы охапка? А у Риччо ведь еще один друг есть, военный, у важной госпожи служит. И вообще мужчин жалеть негоже!

Росанна примирительно покачала головой:

– Не сердись. Конечно, ты друг. Просто ты еще мал, куда Риччо с тобой о своих бедах толковать? Да он и с другими, небось, не слишком откровенен. – Девушка вздохнула уже совсем горестно. – Скрытный, как лесная тропка. Где там знать, что у него на душе...

Алонсо запихнул в рот остаток пирожка, встал и, запрокинув голову, сурово воззрился на лавочницу:

– Это я мал? Это Риччо скрытный? Это от вас, девчонок, он скрытный, а у нас с ним мужская дружба, и от меня у него секретов нет! Не веришь? – прищурился он.

А Росанна с сомнением приподняла брови, лукаво прикусывая губу.

* * *

Кухарка Филомена служила герцогине уже почти двадцать лет и четырнадцать из них безраздельно верховодила на кухне. Она неистово гордилась особым положением при особе синьоры и старалась поразить каждого, кто садился за господский стол, а посему закупку провизии не доверяла никому. Кухарку герцогини Фонци знали везде: и в лавках, и на рынке, и в рыбных рядах у порта, куда ежеутренне привозили свежий улов. Она была придиричива и требовательна до зубовного скрежета, но никогда не торговалась и неизменно получала лучшее, что продавали в Венеции.

Этим утром Филомена не взяла с собой лакеев, поскольку рассчитывала пройтись по лавкам, торгующим диковинными приправами с Востока, и тягловая сила ей была без надобности. Тщательно припрятав кошель и надев свежий чепец, она вышла из особняка и чинно зашагала вдоль канала. Настроение было самое приподнятое: покупка приправ казалась Филомене чем-то вроде таинства. Безмерно уважаемый ею доктор Бениньо поведал, что многие заморские ароматические изыски обладают целебными свойствами, и даже снабдил кухарку списком таковых. Следить же, как лавочник бережно отмеряет в сияющей медной чашечке какой-нибудь пряно пахнущий порошок с мудреным названием, да еще и авторитетно вещать о его свойствах было для Филомены сущим упоением.

Она уже дошла до первого моста, когда ее окликнул робкий голос:

– Почтенная донна... Простите за дерзость...

Филомена обернулась: к ней спешила взволнованная девица самого благочинного вида. Она нервно мяла что-то в руке.

– Донна... Вы, часом, не служите в доме ее сиятельства герцогини Фонци? – Девушка вспыхнула, и Филомена заметила, что глаза ее слегка красноваты, словно от слез.

– Я кухарка, – весомо ответила она, но тут же спросила мягче: – У тебя что-то стряслось, детка? Обидел кто?

Герцогиня Фонци слыла благотворительницей, и плачущие люди, обивающие порог черного хода, были Филомене не в новинку.

Девица покусала губы и тихо спросила:

– Вы знаете шотландца Гodelота? Он у ее сиятельства в охране служит.

Кухарка начала догадываться, о чем пойдет речь, и слегка нахмурилась:

– Я в доме всех знаю, милая.

Девушка же всхлипнула:

– Донна, он жених мой... Скажите, умоляю, с ним все ладно? Несколько дней, как на встречи не приходит. А солдаты... У них служба превратная, всякое случиться может.

Филомена покачала головой, взяла девицу за локоть и отвела к ограждению канала.

– Вояки... – проворчала она. – Эх, милая, нашла ты по кому всхлипывать! Руки-то не ломай, все с твоим ухажером в порядке. Кабы еще ветер в голове кто унял... У нас тут кой-чего приключилось, видно, командир его не отпускает. Но ты не горюй. Если чего передать надо – ты скажи, я ему ум-то на место вправлю.

Девушка отерла уголки глаз:

– Спасибо вам, донна. Только вы о нем дурно не думайте. Он честный парень, правда!

Морщины на лбу Филомены вдруг разгладились, и она почти материнским жестом провела по плечу девицы жесткой ладонью.

– Да я-то дурного и не думаю, детка, – проговорила кухарка неожиданно теплым тоном, в котором звучала печаль. – Свой-то был, единственный. Восемнадцати лет не сровнялось, как на войне сгинул. Спасибо герцогине, благодетельнице, тело разыскать помогла да погребение оплатила, все как у людей. Хоть есть куда пойти, сердце выплакать. А жених твой у нас промеж

всех молодой самый. Больно мне за него. С головой парнишка, а туда ж нелегкая понесла, в военные.

Девушка вдруг умолкла, побледнела, а глаза снова налились слезами, на сей раз вышедшими из берегов и обильно потекшими по гладким щекам.

– Все в руке Божьей... – прошептала она. – Донна, прошу вас, письмецо передайте.

Она разжала влажный кулак и подала кухарке смятый клочок бумаги, запечатанный воском дешевой свечи. Филомена уложила записку в карман и кивнула:

– Передам, милая. Не плачь. Зря я тебя тут застрашала, каждому своя судьба. Вон, Клименте – мой ровесник, поди, а жив-здоров, хоть с молодых лет в солдатах. Ступай. Все передам честь по чести, не тревожься.

Девушка еще сумбурно и сбивчиво благодарила, а Филомена уже зашагала дальше с видом глубоко занятой особы, которой вовсе не до пустопорожних трелей. В горле вставал тошнотный ком, грозящий вновь выплеснуть задремавшее было горе, а плакать на людях кухарка не позволяла себе ни при каких обстоятельствах.

* * *

До вечернего построения было полно времени, и Годелот знал, что перед караулом нужно несколько часов поспать. Но голова, казалось, шла мелкими трещинами от переполнявших ее мыслей. Вдобавок подступало граничащее с ужасом смятение, затоптавшееся где-то в дебрях последних часов.

Всего-то в полдень он сменился с поста и за это время успел проникнуть в кабинет личного герцогского врача (за что свободно можно было огрести порку до полусмерти), пригрозить ему расправой (и тут о возможной экзекуции проще было вовсе не думать), а также получить ворох сведений, обрушившихся на него, как ледяная вода из вдруг лопнувшего бочонка.

Спустившись на первый этаж и нырнув в спасительную полутьму помещений для гарнизона и прислуги, шотландец стремительно шел к своей каморке, как вдруг услышал строгий оклик:

– Эй, служивый! Поди-ка сюда, разговор есть!

С трудом продравшись сквозь хаос своих размышлений, Годелот обернулся: в конце коридора у малой кладовой высилась дородная фигура кухарки.

– Донна Филомена? – Шотландец с легким недоумением шагнул навстречу женщине. Обычно она почти не замечала новобранца, все так же сухо кивая при встрече, но сейчас надвигалась на него с видом хмурого неодобрения. Чем он не угодил особе, с которой мог не встречаться по несколько дней?..

А кухарка подошла вплотную и остановилась в неярком кругу висящего на стене фонаря:

– А ну, поди сюда, – сурово повторила она, хотя в том уже не было нужды. – Ты чего себе удумал, а?

Годелот ощутил, как камиза разом взмокла и прилипла к спине. Откуда Филомена... именно Филомена... уже знает о его эскападе?

А женщина подбоченилась:

– Ну, хорошо, все понять можно. Командир у вас, прямо скажем, не сахар, господа прости. Но если он-то, ирод глазастый, спуску не дает – так что ж? Скороход-то герцогский помер, что ли? Али трудно невесте пару строк черкнуть да мальчишке мелкую монету сунуть? Он враз бы сбегал да восточку снес. Так нет же, сидим, с Карлом девок обсуждаем, покуда бедняжка глаз не осушает!

Годелот моргнул. Потом снова. Но ничего не изменилось: Филомена все так же стояла напротив, сверля его осуждающим взглядом и явно ожидая объяснений. Шотландец откаш-

лялся, лихорадочно соображая, какой ответ сойдет за правильный, а кухарка вдруг выпростала из складок фартука клочок бумаги и сунула ему в руку:

– Вот! Постыдился бы! Сама пришла с письмом, бледная, что твой фарфоровый кувшин! А ты глазами на меня не хлопай! Ступай да придумывай, как виниться будешь! Гляди, служивый, девица-то собой справная, до такого товара мигом другой купец сыщется! Ишь!

И с этим уничтожительным возгласом кухарка зашагала прочь, не опускаясь до выслушивания оправданий и оставив совершенно озадаченного Годелота стоять под фонарем.

Секунды две или три шотландец смотрел Филомене вслед, а затем оглядел порядком измятую записку и нахмурился.

Мак-Рорки, и отец, и сын, пользовались успехом у прекрасного пола, но невесты у Годелота никогда не бывало. Вероятно, кухарка попросту ошиблась и письмо адресовано кому-то другому, тем более что никаких имен на нем не значится... Но выяснить это можно лишь одним способом. Заинтригованный шотландец, недолго думая, сорвал печать и развернул послание.

Трудно сказать, чего он ожидал от этой невзрачной бумажки, но отчего-то все равно ощутил холодок разочарования. Письмо явно предназначалось не ему. Оно было написано незнакомым кокетливым почерком, настолько явно девичьим, что не хватало лишь виньетки из незабудок в уголке. Под стать было и содержание. Письмо заключало лишь одну фразу: *«Там же, где расстались, в тот же день, в то же время. П.»*.

Годелот дорого бы дал за то, чтоб это «П» означало имя его друга, но следовало признать: кто-то из его молодых соратников ждал весточки от некой Паулы или Патрисии, а Филомена по непонятной ассоциации передала записку ему, одинокому олуху.

Шотландец досадливо сунул письмо в карман и зашагал к своей двери, твердо решив перед ужином выведать, кому же оно было адресовано.

Однако вскоре решимость дала заметную трещину. Полулежа на жесткой койке и безуспешно пытаясь заснуть, Годелот чувствовал себя, словно запертый в улье человек, которому велели переловить руками всех пчел и рассадить по отдельным корзинкам. Откровения доктора Бениньо переплелись в причудливый узел, где не найти было отдельных нитей, а намерение искать хозяина загадочного письма обрисовало отчетливую перспективу прослыть дураком и сплетником.

Снова вынув записку, Годелот мрачно уставился на изящно выписанные буквы. По словам Филомены, девица принесла послание сама. Но кухарка была вовсе не глупа, пустой болтовни не жаловала, а поэтому едва ли всучила бы письмо первому попавшемуся солдату.

«П». А вдруг это снова одна из вечных уловок его неистощимого на выдумки друга? В конце концов, кто-то же читал для него письмо самого Годелота. Быть может, у Пеппо появилась девушка? В сущности, отчего бы и нет... Парень он видный, хоть нрава и несносного, а в его слепоте есть даже своя особая закавыка из тех, которые на удивление по душе девицам. Это странное племя ведь везде ищет сложностей.

«Там же, где расстались». Вот это совсем легко ложится в строку. Они с Пеппо расстались у моста Санта-Кроче, в среду, после девяти утра. И кстати, среда уже завтра.

Шотландец нахмурился и повертел письмо в пальцах. А если это ловушка? Кто знает, где леший сейчас носит полковника и что его превосходительство в очередной раз замышляет? К примеру, этой ночью Годелот снова назначен в караул, хотя с предыдущего ночного поста его сняли. Видите ли, новобранец. Зато утро у него освободилось. Как вовремя, верно? Да, только зачем Орсо куда-то его заманивать, если он и так всегда под рукой? Как насчет мерзкого монаха?

Окончательно запутавшись и разозлившись, шотландец смял письмо, сунул в карман и решил, что завтра, не мудрствуя лукаво, отправится к мосту Санта-Кроче и будет каждую секунду настороже. Как бы ни был хитер отвратительный брат Ачиль, едва ли он сумеет пере-

одеться девицей. По крайней мере такой, чтобы было на что посмотреть. И на сей раз Гodelот не окажется таким доверчивым ослом.

Если же все это одна сплошная ошибка и письмо предназначалось не ему – что ж. Он просто проторчит у моста, и пусть Филогена потом откупается от него пирогами.

...После вечернего построения Гodelот отправился к капралу с просьбой об утренней отлучке.

Мрачный капрал, утомленный дневными хлопотами, потер подбородок и воззрился на подчиненного с раздражением:

– Неймется тебе... Куда спешишь-то? Али наследство получил?

– В церковь, мой капрал, – не моргнув глазом, отчеканил Гodelот, и Фарро желчно хмыкнул, кривясь, будто от зубной боли:

– Во как оно теперь называется! Будто не знаю, каким местом вы, юнцы, думаете. Едва однополчанина схоронили – а тебя уж, того, гулять тянет. Совесть имел бы... Ладно, охальник, ступай, на свой лад оно на пользу. Чем раньше от бабьего племени лиха хлебнешь, тем быстрее ума наберешься.

В иной раз подростка, пожалуй, взбесил бы тон капрала, но сейчас он отчасти ощущал правоту Фарро, поэтому, молча поклонившись, напряженно дождался, пока тот подпишет отпускной реестр, и ретировался.

* * *

Сутки почти без сна наградили Гodelота ощущением, что под веки набиты опилки, но ни тени усталости он не чувствовал.

Переодевшись и поразмыслив, шотландец спрятал за отворотом камзола кинжал. При предыдущей стычке скьявона показала себя бесполезной. Зачем-то снова перечитав записку и предсказуемо не найдя в ней ничего нового, Гodelот вышел из особняка. Уже через квартал он с досадой осознал, что то и дело оглядывается в поисках слежки: право, со стороны у него наверняка глупейший вид. Но еще глупее в очередной раз притащить на место встречи полковничьего шпики.

А дорога к Санта-Кроче, меж тем, казалась бесконечной. Чем ближе была развязка нелепой истории с невестой, тем сильнее волнение стискивало горло, и Гodelот чувствовал, что предпочтет угодить в западню, чем стать жертвой случайного недоразумения.

Вот блестящий Сан-Марко потускнел, сливаясь с Каннареджо. Величавые колонны и широкие площади сменились теснотой густонаселенного рабочего муравейника, а слева, по ту сторону искрящейся глади Каналаццо, потянулся район Сан-Поло. Словно напоминая о цели пути, башенные часы церкви Сан-Джакометто гулко отбили девять, и Гodelот припустил почти бегом.

Потемневшая стена церкви заслонила туманно-желтое пятно солнца, затянутого влажной летней дымкой облаков. Толстые потрескавшиеся деревянные колонны моста замаячили впереди.

Гodelот сбавил шаг, приближаясь к ограде канала, огляделся... И вдруг его окликнул звонкий голос:

– Гodelот! Милый, я тут!

Что бы ни думала Филогена, в этом городе совершенно некому было назвать рядового Мак-Рорка «милым», и шотландец едва не споткнулся, недоуменно оборачиваясь. Из толпы к нему спешила незнакомая, но прехорошенькая девица. Она подошла к сбитому с толку Гodelоту вплотную, сияя светло-кариими озорными глазами, и, ничуть не понижая голоса, виновато проворковала:

– Ох, снова хмуришься! Ну, подумаешь, опоздала! Ты же знаешь батюшку – он меня за порог не выпускает.

Юноша все еще молчал, а девушка обиженно поджала губы:

– Хоть бы слово сказал! Сам незнамо где целыми днями ошивается, служба, видишь, у него! А я чуток припозднилась – и уже виновата! А увивался-то! Маргаритки слал! Я тебе что, вдова, целыми днями под окошком сидеть?

Незнакомка отвернулась, красноречиво промокая глаза краешком рукава, но упоминание о маргаритках тут же разбило глупое оцепенение шотландца. Он примирительно шагнул к девушке:

– Да ты погоди плакать! Не сердись, я тут столько вдоль берега бродил – уж всякого себе навидумывал. Ты же у меня на всю Венецию первая красавица. Ну, прости дурака ревнивого!

Девушка обернулась, и Годелот готов был поклясться, что ее ресницы поблескивают самыми неподдельными слезами, а в уголках губ притаилась улыбка.

– Вечно ты вздора наговоришь, а я уши и развешу. Ну ладно... – Она кокетливо откинула с виска каштановый локон. Шотландец молодецкато поправил шляпу, поклонился и предложил девушке руку. Он все еще не понимал, среди какой пьесы вышел на сцену, не выучив роли, но не сомневался, что это и есть та самая девица, за чьи слезы ему так строго выговаривала Филомена.

Незнакомка приняла руку и повлекла Годелота за собой в сеть оживленных переулков Каннареджо.

Они не разговаривали по пути. Сначала Годелот ощущал, как от волнения быстро колотится сердце, но теплая девичья рука на сгибе локтя поневоле уводила мысли в другую сторону. Сначала он лишь искоса взглядывал на спутницу, но потом рассудил, что изображать влюбленного кавалера можно и более правдоподобно. Поэтому, уже не скрываясь, посмотрел ей в глаза и улыбнулся, надеясь снова поймать тот же сияющий озорной взгляд. Но девушка в ответ предостерегающе нахмурилась и чуть ускорила шаг.

В иной раз этот молчаливый отпор только раззадорил бы шотландца, но сейчас всколыхнул запоздалую мысль: неужели это и есть девушка его предприимчивого друга? Тогда неудивительно, что она держится недотрогой... И от этого предположения Годелот неожиданно испытал какое-то мерзкое чувство, с досадой понимая, что это обыкновенная зависть.

Полчаса спустя они перешли горбатый мостик через узкий канал. Девушка выпустила руку шотландца и с поклоном указала ему на опрятную лавочку в квартале впереди, будто провожала заблудившегося прохожего. Она подвела спутника к крыльцу, отперла дверь и с самым respectableм видом прошествовала внутрь.

Годелот последовал за девицей. А та, бегло оглядев пустую лавку, поманила шотландца за собой к неприметной двери за прилавком. За дверью оказалась полутемная кладовая, пропитанная запахами снеди и приправ. За спиной хлопнула дверь, из полумрака навстречу шотландцу выступила худошавая фигура. Раздался знакомый голос:

– Ну, здравствуй, брат.

* * *

Всего секунду Годелот стоял неподвижно, а потом медленно покачал головой:

– Пеппо... Черт тебя подери, Пеппино, мерзавец!.. – пробормотал он и, шагнув вперед, порывисто сжал друга в объятиях.

Уже в следующий миг он ожидал насмешки над своей неуместной чувствительностью, но тетивщик лишь неловко и сердечно обнял его в ответ.

Отстранившись, шотландец грубовато потряс Пеппо за плечи, ощущая, как его, наперекор всем пережитым бедам, затапливает бесшабашный восторг. На миг даже показалось,

что все невзгоды позади и осталось лишь посмеяться над месяцами бестолкового метания по недоброму заколдованному кругу. Пеппо же добродушно и как-то совсем «зряче» подмигнул:

– Карманы бы проверил!

А губы вдруг едва заметно, растерянно-беззащитно, передернулись, неувовимо обнажая под шутиовой фразой отзвук каих-то тшательно скрытых чувств.

Годелот было расхотался, но тут же посерьезнел:

– Ты, дружище, кладезь фортелей, ей-богу. Только я к твоим кляксам привык – уже письмо другим почерком писано. Я вчера полвечера размышлял, мне оно предназначено или по ошибке затесалось. – Еще договаривая, он спохватился, оборачиваясь к двери, у которой все еще стояла девица, глядящая на друзей с самым неподдельным умилением. – Сударыня, простите меня, увальня. Я вас не поблагодарил и даже имени вашего спросить не удосужился.

– Росанна Барбьери, – кивнула лавочница, а Пеппо улыбнулся с безыскусной теплотой:

– Кабы не Росанна, ничего бы не вышло, брат. Это все ее затея.

Девица с укором покачала головой:

– Да будет тебе. Всего-то хлопот – строку черкнуть да в Сан-Марко прогуляться. А уж упирался – словно я его под венец волоком тащу. Гордец, видишь...

Пеппо бегло потер лоб, заметно смутившись, а Годелот ухмыльнулся:

– Мона Росанна, вы на редкость даровитая актриса. Слышали бы вы, какой разнос мне учинила наша кухарка! Боюсь, мне придется в знак прощения выпросить у вас ленту и повязать на дублет. Иначе не видать мне сегодня ужина.

Росанна вдруг нахмурилась:

– Не смейте! Не смейте глумиться над этой женщиной. Мне очень неловко перед ней. Она сама потеряла сына, и я попросту невольно сыграла на ее горе. Охотно дала б вам хоть десять лент, если бы это хоть немного ее утешило.

Годелот осекся и прикусил губу.

– Я и не думал глумиться над Филоменой...

Но Росанна лишь отрезала:

– Я вернусь в лавку. Вам есть о чем поговорить. Отец вернется только к вечеру. Ведите себя тихо, а я буду шуметь.

– Не беспокойся, – сказал Пеппо, и лавочница выпорхнула за дверь.

Годелот задумчиво поглядел девушке вслед.

– Я этой прелестной заговорщице не по душе, – с ноткой обиды отметил.

Падуанец примирительно хлопнул его по плечу:

– Дело не в тебе. Росанна недолюбливает военных. И, признаться, меня это очень выручило в свое время.

Шотландец отвел глаза от двери и долго молча смотрел другу в лицо. Ему казалось, целые годы прошли со дня их последней встречи, так много всего вместили эти полтора месяца. В кладовой было полутемно, только свет одинокого фонаря, стоящего на бочке, рассеивал мрак. Но и в этом скупом свете Годелот видел, как изменился Пеппо. Еще жестче стала складка губ, еще упрямее прорисовались углы нижней челюсти, новый рубец прорезал щеку, из-за пояса виднелась кинжальная рукоять. А ведь прежде он просто хранил басселард среди прочих пожитков.

Пеппо молчал с непривычным спокойствием, хотя по всем традициям уже давно должен был огрызнуться: «Чего глазеешь?»

Годелот вздохнул, нарушая тишину:

– Вот что, брат... Мне до смерти хочется без затей поговорить с тобой о добрых временах, когда мы могли браниться сорок минут кряду, а потом вволю подраться, не оглядываясь через плечо. Но это придется отложить. Давай-ка, рассказывай все сначала. С того самого дня,

как расстались. А потом я все выложу. Иначе только запутаемся. Со мной столько всего случилось...

Пеппо усмехнулся:

– Давай на спор, у кого сказка страшнее. Проигравший угощает.

Годелот фыркнул:

– Идет!

* * *

Росанна хлопотала в лавке, невольно прислушиваясь к порой доносящимся из кладовой голосам и приглушенным вспышкам смеха. Она была чрезвычайно довольна собой и успехом своей авантюры. Хотя стоило признать: труднее всего было уговорить на нее Пеппо.

– ...Нет! – твердо отрезал оружейник, скрещивая руки на груди. Он явно разозлился. Но Росанну было нелегко сбить с толку.

– Почему нет? – терпеливо спросила она, словно обращаясь к ребенку, отказывающемуся сменить рубашку. Губы Пеппо дрогнули.

– Почему? Изволь, я объясню. Потому что один человек всего лишь угостил меня на ярмарке выпивкой. Он мертв. Другой человек предупредил об опасности. Он... Она заперта в монастыре. Еще один взял меня в попутчики. Теперь он ходит прямо по углям и не знает, что будет завтра. А теперь одна девица хочет по доброте душевной устроить мне встречу с ним прямо у своего родного очага. Я уже не говорю об Алонсо, который, похоже, всерьез убежден, что восьми лет на свете ему вполне достаточно. Продолжать?

Саркастичный вопрос повис в воздухе, будто пороховой дым от выстрела, однако Росанна только вздохнула.

– Сядь! – велела она. – Пошумел – передохни, теперь говорить буду я. Я все понимаю, Пеппо, душой-то меня не ряди. Только все те, о ком ты мне толкуешь, когда в воду лезли, брода не знали. А теперь все нужно сделать иначе. Так, чтоб даже если кто следить задумает или сплетничать, увидел бы лишь то, что надо. А на Алонсо не сердчай. Он не с окаянства обо всем мне рассказал, это я ему голову заморочила.

Пеппо в сердцах ударил ладонью по прилавку:

– На Алонсо я не сержусь. Здесь моя вина, сам язык распустил. Но Росанна, не могу я так! Я зачумленный! Сам над пропастью хожу – не вправе я и тебя на этот канат громоздить!

– Если ты чего и не вправе – так это за меня моей жизнью распоряжаться! – рявкнула Росанна, теряя терпение. – Я сама тебе помощь предлагаю – мне и отвечать!

Пеппо уже снова набрал воздуха для очередного витка спора, но Росанна сжала его запястье:

– погоди. Просто послушай. Все будет тихо и мирно, поверь. Если где вам встретиться и можно, так только здесь. Место людное, шумное, даже самые завзятые мастера-пустобрехи в жизни не углядят, кто вошел, а кто вышел. А письмо снести могу только я. И кому передать, соображу. Выберу из прислуги тетушку поприветливей, разжалоблю как следует. А полковник этот сроду не догадается, что ты набрался нахальства прямо в замок их барский гонца подослать. Ну, чего снова глазами сверкаешь? – Голос девушки зазвучал примирительно. – Ей-богу, кабы ты упрямством торговать приспособился, к тебе б уже сама герцогиня за милостыней посылала.

Пеппо тяжело вздохнул. Предлагаемый Росанной план был немислим, недопустим и неприемлем. Но черт... Он был хорош...

Глава 5

Грехи отцов

Слепящее полуденное солнце рвалось в маленькое квадратное окно, затянутое бычьим пузырем.

Полковник Орсо осторожно опустился на низкий ларь, жалобно скрипнувший под его тяжестью. В этом жилище ветхостью дышало все, включая хозяйку, тщедушную и согбенную старушонку с неожиданно крепкими жилистыми руками.

Она поворошила в очаге почти прогоревшие угли, неспешно отложила кочергу и воззрилась на визитера с опасливым выжиданием.

– Да, господин, – проговорила хозяйка глубоким глуховатым голосом, – я помню Жермано Ремиджи и его жену. И сына их помню. Хотя не скажу, что мне по душе ковырять старые могилы. Жермано всегда был чудачком и мечтателем. Не будь он вдобавок лучшим лодочником на пятьдесят миль окрест, его вовсе считали бы того... с приветом. Но уж такой он был, сынок старого Ремиджи... Потому все так удивились, когда он женился на этой вдове. Сроду ходком не был, чуть что – краснел, аки девка на выданье, а вот же ж, какую бабенку уболтал.

Орсо изумленно поднял брови:

– Рика Ремиджи была вдовой?

– А как же, – покачала головой старуха. – Там история была заковыристая. Красивая даже, ровно как в сказках тех, что лицедеи бродячие разыгрывают. Папаша Жермано, старый Ремиджи, мужик был оборотистый, умел монетку заколотить. Так окромя того, что он чужие лодки починял, еще и свою выстроил. Нарядную, просторную, загляденье прямо. И чего затеял – катал на лодке той господ, что рыбачить любят и по реке гулять. Сам все рыбные места знал, да и услужить умел.

И все ездил к нему господин из богатых горожан. Имени не упомяну, а только приветливый такой. Очень он эту забаву любил, в одно лето раз шесть приезжал с семьей. Жермано тогда годков одиннадцать было. С отцом работал, сызмальства рукастый был паренек. Он все дочку того синьора развлекал. Играл с ней, рыбок показывал, на берег из лодки выносил. И она к нему тоже со всей душой. А раз он возьми да и брякни: вот вырасту – и женюсь на ней. Крохе было тогда четыре али пять, этакая улыбчивая кукла в оборочках, ни дать ни взять невеста. Все, конечно, похихикали да забыли.

Повитуха вдруг сложила на груди заскорузлые руки, и смуглое морщинистое лицо озарилось изнутри выражением тихого и ласкового покоя:

– И вот, синьор, сами поглядите. Услышал Господь Жермано нашего, призрел на теплое сердце. Пронеслись годы – и приехал наш мечтатель из города с молодой женой. Помню, как Жермано привез ее опосля венчания. Вся деревня сбегалась поглазеть на евойную женушку. Всё дурачком считали – а поди ж ты. По всему видать было – не простых кровей молодуху взял. Июль, а у ней лицо солнцем не тронуто, и одета хоть скромно, а с фасоном. Да только она эдакая была... тихая, точно удивленная. Не плакала вовсе, хоть и в траур обряжена. И младенец на руках. Слово за слово – и узнали мы, что это она и есть, зазнобушка Жермано детская. Вот оно как вышло. Сказал «женюсь» – и женился всем зубоскалам наперекор. Только была-то резвушка в ленточках, а стала вдова в черном покрывале. Да невелика диковина. Вдов-то кругом... Недолго народ судачил, скоро все привыкли. Любил ее Жермано. Ох, любил... И сынка ее как родного воспитывал. Малыш, поди, и узнать-то не успел, что отец у него приемный.

Орсо задумчиво нахмурился:

– А известно вам что-то о прежнем муже Рики?

Старушка вздохнула, потеряла передник и воззрилась на офицера с хмурым укором:

– Не мое это дело, синьор, да и Рика не особо была охоча о прошлом своем балаболить. Но Орсо встал и шагнул к повитухе, нависая над ней с высоты своего немалого роста.

– Вот что, добрая душа, – понизил он голос, – я знаю, что о Ремиджи, а тем паче об их гибели в вашей деревне вспоминать не любят. Только страшная смерть этой несчастной семьи не была ни случайностью, ни ошибкой. – Полковник медленно сунул руку в карман и вынул горсть серебра. – А посему слушайте внимательно. – Он положил на стол одну монету. – Я должен все узнать о чете Ремиджи. Факты, сплетни, байки. Все, что вам известно, не важно, верите вы в это или нет. – Орсо положил вторую монету. – Не бойтесь, навредить им ваш рассказ уже не может. – Третий кружочек серебра лег на шершавую столешницу. – Зато ваше молчание может сильно навредить вам... – Четвертая монета зависла над столом. – Подумайте.

Повитуха сглотнула, в тусклых старческих глазах отразилась борьба. Нет, ей незачем было хранить чужие тайны. Разве что повиноваться чужой напористости эта седая женщина была не приучена. Но вслух она лишь устало вздохнула:

– Не надо угрожать мне, расскажу. Только всего-то я и могу, что пересказать вам слухи.

Старуха опустила к столу, глядя на серебро с созерцательным любопытством человека, который знает, что не получит его. Но все одно приятно посмотреть, как играет в скупом свете блеск чеканных профилей.

– Никогда Рика о прежнем муже не говорила, однако скажу по чести: поначалу мне думалось, что и горевала она не особо. Только сперва эдакая была. Опустошенная, что ли. Как дитя, в лесу заплутавшее. Да и, любимого схоронив, не стала бы Рика снова замуж спешить. Еще и эдакое творить... слово-то... мазелянц, что ли?

– Мезальянс, – машинально поправил Орсо.

– Ваша правда, – кивнула повитуха. – Я-то сразу докумекала, в чем там соль. Небось, выдали родные девушку замуж за хрыча, что в деды ей годился. У благородных же эвон как заведено. Им фамилию подавай да состояния объединить. А что невеста еще в куклы играет, когда у жениха на макушке уж вошь поскользнется, – то им без интереса. Кто их знает, что там приключилось... Видно, люто старикан ее заедал. А может, и помер нехорошо, не по-христиански. То-то вдовица все бросила и мигом вновь под венец юркнула. Да за кого! Жермано парень был добрый, только где ж он ей ровня-то? А все ж и она его любила. Все глазами его искала.

Орсо нахмурился, задумчиво покусывая губу:

– Странная история. Почему они на отшибе жили? Односельчане их не жаловали?

Седые брови старухи дрогнули:

– Куда там! Мы в Жермано души не чаяли, пусть и посмеивались за спиной. Только ту старую пристань еще его отец строил. Там они и жили. Хорошо жили, поверьте мне, господин. Рику уже через два месяца не узнать было. Расцвела девочка, похорошела. И хозяйка она справная оказалась, не белоручка. Хоть и происхождения барского – быстро всему выучилась. А уж как вышивала...

Орсо снова сел и постучал пальцами о стол.

– Вы говорили, поначалу казалось, что Рика не горюет о покойном муже. Потом что-то изменилось?

Повитуха невнятно пробормотала, похоже, уже жалея, что распустила сплетни:

– Не знаю, господин... А только была у ней привычка – все она в сынишку вглядывалась. Волосы ему перебирала, личико оглаживала, а у самой глаза эдакие... тревожные, больные. Я такое видела, господин. Так себя те вдовицы ведут, что в дитяти отца разглядеть пытаются.

Орсо невесело усмехнулся:

– Или боятся. А родня у Рики была?

Старуха мрачно кивнула:

– Была. Ездил к Рике иногда один молодой господин в монашеском сани. Не знаю, какого ордена, не сильна я в этой премудрости. А только я трижды его видела, и не нравился он мне. Собой нехорош был, весь оспой погвазданный, а глаза... Ох и глаза! Черные, огненные, и такая тоска в них лютая, будто половина грехов людских ему на душу давит. И ведь что занятно... Жермано монаха привечал. А Рика – та не больно ему радовалась. В третий раз я аккуратно стирать пошла на реку, так монаха того с Пеппино видела. Он с малышом на берегу сидел и ласково так по волосам гладил, словно сына родного. А потом гляжу – отвернулся и рукавом рясы глаза утирает. Я уж думала, привиделось. Вон оно как было. И все. Больше не появлялся он.

А через два года беда налетела, да всю семью и положили. Шептались в деревне, что там темное дело было. Какой-то враль поганый даже болтал, что Рика с Жермано еще при прежнем муже хороводилась. От него и понесла. Люди... Им только дай помелом потрепать.

Но наш пастор на сельском кладбище Ремиджи хоронить не позволил. На опушке леса упокоили, недалеко от пепелища. А сына их так и не нашли. Видно, сгорел мальчонка подчистую. Славный был постреленок, смышленный. Ох, горе... – Повитуха встала, не отирая выступивших на глазах слез, и сурово воззрилась на Орсо: – Господин... не мучайте старуху. Рассказывать – оно так, слова одни. А как вспомнишь – так нутро стынет. И деньги ваши заберите, не нужно мне платы за чужие горести.

Полковник медленно поднялся на ноги.

– Вы имени того монаха не знаете?

– Нет. – Старая повитуха поежилась. – Рика его звала так чудно... На имя вовсе не похоже, вроде клички, скорей. Совсем простенько как-то. А, вот... Версо. А Жермано братом звал, как многие монахов кличут.

Кондотьер нахмурился:

– И после гибели Ремиджи он больше не появлялся?

– Не знаю. – Женщина отвернулась. – В деревню не входил, а там, у могил... Туда и по сей день никто не ходит. Откуда мне знать.

Орсо помолчал.

– Что ж, спасибо, – проговорил он отрывисто и вышел за дверь, оставив серебро на столе.

Повитуха еще долго стояла у потухшего очага, а потом обернулась, осторожно коснулась оставленных монет и тут же отдернула руку, словно деньги были раскалены.

* * *

– ...Вот, – подытожил Пеппо, – поверь, брат, я никогда не был так уверен, что мне конец. Одно было утешение: я поручил своему приятелю уничтожить эту проклятую ладанку, если сам не вернусь.

Годелот хмуро шагал взад и вперед по кладовой. Остановившись, он спросил:

– Какую, говоришь, Орсо фамилию назвал?

– Ремиджи. И он не лжет. Я сразу же вспомнил ее. Даже странно, что мог забыть.

– Вот незадача... А доминиканец Руджеро думает иначе, и доктор Бениньо тоже. Они оба называют тебя Джузеппе Гамальяно.

Тетивщик ошеломленно поднял голову.

– Как?! – протянул он с искренним недоумением.

Шотландец сел рядом:

– Это целая история, брат, и звучит она, прямо скажу, диковато. Но есть одна легенда, которая вот о чем рассказывает.

...Двадцать минут спустя Пеппо оперся спиной о ящик, у которого сидел, и потер лицо обеими ладонями.

– Вздор! – коротко отрезал он. – Сказки для непослушных детей!

– Быть может, и вздор, – покачал головой Годелот, – но вот герцогиня Фонци во вздор этот верит. А быть убитым за правду или за сказку – разница невелика.

Но Пеппо лишь нетерпеливо отмахнулся:

– Лотте, герцогиня очень больна, немудрено, что она уже умом повредила. Но ведь ладанка попала мне в руки случайно. Если бы вместо меня она оказалась у заезжего мародера – то это его назначили бы Гамальяно и бегали бы сейчас за ним.

– У герцогини-то, может, уже и не все дома, только ты герцогских подручных не знаешь. Они землю роют – любому кроту на зависть. Так что ты погоди отмахиваться. Они почище твоего знают, кого кем назначать. И вспомни, что поначалу ладанку искали у меня. Но Гамальяно меня никто не называл. Нет, Пеппо. Тебя сюда не просто так приплели.

Но падуанец вдруг сдвинул брови:

– Гамальяно... Га-малья-но... Где же я это... Да нет, чушь это все... – Он обернулся к другу, заметно бледнея. – Погоди, так что ж, все из-за этого? Лотте... Черт подери, неужели это тянется уже столько лет? И я жив только потому, что мой след затерялся?

– Я думаю, тебя просто считали мертвым, – отозвался Годелот. – Тебе повезло, что тот ублюдок в лесу не проверил, довел ли дело до конца.

Пеппо лишь молча поежился.

Шотландец снова вскочил:

– Вот же черт! Я думал, мы сейчас едва ли не во всем разберемся, а все только хуже становится. Если этот упырь, брат Ачиль, узнал, что тебя в госпитале искать нужно, – почему Орсо не оцепил весь квартал своими гончими? Ручаюсь, они поймали бы тебя в тот же день. Значит, Руджеро не поделился с полковником новостями. А сам опоздал в последний миг. Похоже, эти двое не такие уж закадычные приятели. Хотя не пойму, чего им делить.

– Ну, это я тебе растолкую. Наследие это паршивое они делят. Если свиток этот и вправду такой чудодейственный – то за него и не такая еще грызня идет, просто мы с тобой не все знаем. Кому ж неохота весь мир взять за холку? Тем более что для этого всего-то и надо, что одного слепого карманника в землю уложить.

Годелот замер, будто споткнувшись. А потом медленно подошел к другу и опустился на тот же ящик.

– А вот тут, Пеппо, закавыка есть. Когда я залез в докторский архив, попалась мне там одна деталь, которая многое меняет. Вещица, которую у нас так рьяно ищут, в документах везде знаешь как называется? «Треть».

Брови тетивщика дрогнули:

– Погоди. Выходит, что этот свиток...

– ...это не Наследие, а только его кусок. Ведь если есть одна Треть, должны быть и еще две.

Но Пеппо сидел, покусывая губы и, казалось, не слушал друга.

– Постой, Лотте. Давай-ка по порядку. По легенде, чтобы Наследие ушло в другие руки, надо всех Гамальяно известить. Но если Наследие состоит из трех частей – значит, и членов семьи было как минимум трое. Едва ли кто-то стал бы раздавать такие ценные вещи посторонним людям. Первая была в графстве Кампано. Только, Лотте... Как она вообще там оказалась?

Шотландец нахмурился:

– Треть искали не у графа, а у пастора... – Он замер и медленно поднял на Пеппо глаза. – Погоди... Ты к чему это ведешь?

Однако тот молчал, будто не решаясь высказать свою догадку и ожидая, придет ли друг к тем же выводам. А Годелот вдруг побледнел, рывком придвигая к себе фонарь так, что желтый круг света ударил Пеппо в лицо.

– Вот черт, – пробормотал он, – вот же черт! Как я сразу не сообразил! Глаза! Глаза на твоём портрете! Это были глаза пастора! А ведь Руджеро, чума воронья, меня все пытал, знался ли ты с пастором! – Юноша вскочил и заметался по кладовой. – Так что же выходит? Пастор Альбинони... был никакой не Альбинони? Он был Гамальяно? И... приходился тебе родственником? А тот, кто рисовал твой портрет, слепоту изобразить не сумел и просто добавил те глаза, какие знал. Хотя черт бы меня подрал, если это не самое идиотское из всех наших предположений за последние два месяца.

– Не знаю, Лотте. Я совершенно запутался. Помню, как в день, когда погибли мои родители, в доме что-то грохотало и рушилось. Билась посуда, доски трещали. Там что-то искали, не иначе. Может, такой же кусок свитка, а?

– Чего ж они дом тогда сожгли, идиоты? – проворчал шотландец.

– Черт их знает... – вздохнул Пеппо. – Хотя... Быть может, они просто нашли что искали. И прочие куски уже давно у герцогини.

Годелот задумчиво разворошил волосы:

– А ты ничего из дома не уносил?

– Нет, – оружейник невесело улыбнулся, – я унес только своего любимого солдатика. Мне его какой-то дальний родственник подарил. Такой красивый был... Мама мне даже играть с ним запрещала, говорила, мал я еще для такой игрушки. Только я его там же в лесу обронил.

Шотландец вздохнул и хлопнул друга по плечу:

– Ладно! Где есть вопросы, там и ответы найдутся. А сейчас давай к главному. Покажи мне наконец этот свиток. За болтовней я и позабыть о нем успел.

Пеппо сунул руку под весту и протянул другу ладанку. Годелот почти благоговейно раскрыл половинки распиленного цилиндра и вынул свиток. С минуту он пристально рассматривал его, вглядываясь в мелкий текст на туго свернутом пергаменте и плотный гладкий слой воска, запечатавающий загадочную Третью. Он все еще был погружен в созерцание, когда в плечо ударил твердый кулак.

– Слушай, антиквар, не мучай! – Падуанец раздраженно сдвинул брови. – Рассказывай уж, что за страхи божьи там написаны.

Но Годелот разочарованно покачал головой:

– И рад бы, только нечего рассказывать. Я не знаю этого языка. Тарабарщина какая-то, ни одной знакомой буквы. – Пеппо обескураженно застонал, но шотландец продолжал разглядывать текст. – Знаешь, дружище, – неуверенно проговорил он, – я бы пари держать не стал, но мне кажется, это язык кого-то из восточных безбожников. Сарацинский или еврейский. У пастора Альбинони было несколько книг на этом языке. Я раз одну раскрыл поглазеть – ни беса не понятно, все закорючки на один лад. Но пастор бывал в самой Святой земле и говорил, что там немало мудрых людей, а науки развиты – не чета нашим.

– Час от часу не легче! Так что ж, выходит, чтоб воспользоваться Наследием, мало быть Гамальяно? Надо еще и суметь прочесть свиток?

– Выходит, так, – Годелот нахмурился и задумчиво постучал пальцами по крышке бочки. – Только не думаю, что для герцогини это большая загвоздка. За ее деньги и переводчик найдется, и стихи ей сложит, и еще под бубен спляшет. Только едва ли ему деньги впрок пойдут.

– Вот и учись себе на голову... – пробормотал Пеппо. – Солдат не удержался от ухмылки, но оружейник лишь сжал его плечо. – Послушай, а ведь доктор сам сказал тебе, что он в курсе всей истории поисков. Может, он и есть переводчик? Зачем вовлекать лишнего человека в игру с такими сумасшедшими ставками? Лотте, надо бы выяснить. Такой союзник в этом гадюшнике был бы бесценен.

Годелот посерьезнел:

– Тогда его дело совсем дрянь. Только я уже рассказал тебе, как узнал от доктора все эти подробности. Они стоили мне его расположения. Я не уверен, что доктор Бениньо снова захочет толковать со мной по душам.

– Захочет, – со спокойной убежденностью кивнул Пеппо, – не сомневайся.

– С чего такая уверенность?

Оружейник усмехнулся одним уголком рта:

– Лотте, это мы с тобой один кусок хлеба на двоих делили. А Бениньо – другого полета птица. И если он вдруг подпустил так близко человека, который... не обижайся, Лотте... ему вовсе не ровня, то резон тут простой: он одинок. И он просто выбрал того, с кем ему не так зябко. А ты... Что тут скрывать, есть у тебя эта колдовская жилка. Я тоже сколько лет людей дичился, всех врагами считал, не разбирая. А ты сразу во мне брешь нашел... – Пеппо запнулся и добавил тихо и ровно: – Душа у тебя, Лотте, хорошая. Чистая. А после ручья из канавы пить не хочется. Так что подуется доктор и отойдет, держу пари. Да и не может он не знать, что над тобой тот же камень висит. А рядом с товарищем по несчастью всегда уютнее, чем в одиночку.

Слегка сконфуженный Годелот машинально нахмурился:

– Поглядим. – Он сделал длинную паузу, словно не зная, говорить ли то, что само просилось на язык. – Пеппо, ты тут недавно толковал, что все за Наследие грызутся, дескать, мир за холку взять хотят. А ведь первый, кому это по силам, – ты. Тебе не нужно для этого никого убирать с дороги. Ты – Гамальяно. А значит, Наследие это – твое. И по чести, дружище, мы не бегать от наших врагов должны. Мы должны их опередить и добыть Наследие целиком. Ты давай не отворачивайся, ты послушай! Согласно легенде, Гамальяно смогли обрушить на Европу эпидемию чумы, а потом остановили ее. Неужели исцелить одну пару глаз труднее?

Оружейник молчал, стиснув кулаки. Потом вздрогнул, будто от сквозняка.

– Может, и не труднее, – сухо отрезал он, – только где искать? Мы ничего не знаем о двух других частях.

Шотландец ударил кулаком по крышке бочки:

– А нам и не надо! Ты, главное, свою Третью береги. А я... я попробую с доктором столковаться. Он поможет, я... почти уверен.

Пеппо не ответил. Только медленно провел ладонью по твердому контуру ладанки под вестой, словно прислушиваясь к едва различимому шепоту. Годелот шагнул ближе и осторожно тронул друга за плечо:

– Эй... А ты что-то не слишком увлечен таким поворотом дела. Пеппо, – окликнул он настойчивее, – я знаю, заранее в чудо верить – как в бумажные сапоги обуваться, до первого дождя, но...

– Не в чудесах дело! – перебил оружейник. Запнулся и медленно обратил к товарищу незрячий взгляд. – Лотте, ты тут про моих предков рассказывал. Не знаю, сколько в этих легендах правды. Зато другое знаю. Чем бы ни был этот свиток – им не может владеть кто попало, пусть даже Гамальяно в тридесятom поколении. Это должен быть стальной человек, Лотте. И по-настоящему порядочный. Я не такой. Я сам себя в руках удержать не умею – куда мне за такие вожжи браться? Но если я что и могу сделать – так хоть не допустить, чтоб Наследие попало в руки другого сумасшедшего. И потому сберегу эту чертову Третью. По крайней мере, две другие без нее бесполезны. Кто знает, быть может, однажды найдется кто-то лучше меня.

Годелот несколько секунд помолчал, коротко сжал плечо друга и проговорил уже другим тоном, будто подчеркивая, что разговор пора перевести в иное русло:

– Как мы теперь будем связываться? Тайник у госпиталя раскрыт. И погляди ж ты на Орсо, змея крапивного. Пеппо, я порой думаю, человек ли он вовсе? Он умеет извлечь пользу из чего угодно. Марцино убили – он отлучки запретил. Я еще подумал: какого черта? А он, оказывается, уже за мной приглядывал. Знал же, что если я куда и побегу, такой запрет нару-

шив, – то только тебе весточку оставить. Доктор еще меня прикрыть попытался, да только Орсо не проведешь. Интересно, стрижи, что под крышей гнезд налепили, – тоже его шпионы?

Падуанец встал с ящика:

– Об этом подумать надо, Лотте. Росанну или Алонсо я снова просить о помощи не хочу.

Они оба не понимают, насколько все серьезно.

Годелот колебался:

– Пеппо... А вы с Росанной... ну...

Оружейник обернулся и вдруг расхохотался с искренним весельем:

– И ты туда же! Да ты-то не слепой, сам посуди: на что я такой девушке сдался? Росанна помогает мне так же, как Алонсо яблоками угощает. Просто по доброте.

Шотландец покусал губы. А потом слегка небрежно обронил:

– То есть... ты не будешь возражать, если я попытаю удачи?

Брови Пеппо дрогнули, а по лицу разлилось выражение такого упоенного окаянства, что у Годелота разом зачесались руки одним умелым ударом кулака вдребезги разбить эту чертячью ухмылку. Но оружейник тут же учуял дух грядущей расправы и, с видимым усилием сглотнув уже готовую колкость, вполне серьезно ответил:

– Я-то не возражаю. Но мой тебе совет – заведи штатское платье. Иначе шиш с маслом, тут и к цыганке не ходи.

Задетый шотландец поморщился, искал какой-нибудь достойный уничижительный ответ, но ссориться не хотелось, и он просто спросил:

– Ты больше ничего не знаешь о Паолине?

По лицу Пеппо прошла тень.

– Нет, – коротко отрезал он, отворачиваясь. Годелот невольно закатил глаза.

– Ты до гробовой доски себя казнить будешь? – чуть понизил он голос, а оружейник вдруг рывкнул в манере первых дней их знакомства:

– Слушай, не лезь, а?!

Солдат уже готов был огрызнуться в ответ, но вдруг осекся, снова прикусывая губу. А напряженные плечи Пеппо расслабились, ссутуливаясь.

– Прости... – пробормотал он. А затем чуть принужденно добавил: – Так что у нас с новым местом для писем?

* * *

– И что вы думаете? Он все-таки женился! – победоносно заключила Росанна, и толпящаяся у прилавка стайка девиц разразилась смехом.

У лавочницы хватало подруг из постоянных покупательниц и соседских дочерей, и они никогда не упускали возможности навестить Росанну в дни, когда мессер Барбьери отлучался по делам. В уютной лавчонке можно было укрыться от зноя или непогоды, вволю посудачить, а под хорошую руку и угоститься сладостями. Вот и сейчас в корзинке посреди прилавка быстро убывал черный изюм, уже были обговорены и новая юбка чьей-то сестры, и забавный толстяк, за которого собралась замуж чья-то кузина, и прочие не менее важные и волнующие материи.

Росанна же самозабвенно веселила подруг сплетнями, зная, что звонкий хохот девичьего цветника заглушит любые голоса из кладовой надежнее всякого иного шума. А отец потом услышит немало соседской воркотни, дескать, гвалту было как в курятнике, что отметет у него сомнения, весь ли день дочь провела в лавке.

Сесилия, младшая дочь портного Кальвино, худая девица с длинным унылым лицом, зато в котте дорогого зеленого сукна, наклонилась вперед и понизила голос:

– Дамы, а знаете, мне батюшка к именинам камизу у вышивальщицы заказал. Сущее загляденье, прямо жаль под юбками прятать.

Послышались восхищенные вздохи – Сесилия была любимицей отца и порой получала от него невиданные подарки.

С удовольствием выслушав расспросы, девушка чуть зарделась:

– Да чего рассказывать-то... Росанна, дай-ка в кладовую зайти. Сами узор рассмотрите.

Но Росанна вдруг с опаской оглянулась на дверь кладовой и помотала головой:

– И не думай! Я утром там такую крысу увидела – чуть в обморок не повалилась. Я в кладовую до батюшкиного возвращения ни ногой, да и вам не советую.

Сесилия поморщилась, а хохотушка Лола вдруг ткнула ее пальцем в бок:

– Ох, поди ж ты, крыса! Признавайся, Росанна, небось, кавалера там прячешь!

Лавочница драматически сложила ладони на груди, округлила глаза и с надрывом прошептала:

– Да какое там, Лола! Целых двух! Выбрать все не могу, так заперла вдвоем и жду. Пускай дуэль учинят на лопатках для муки, кто победит, за того и замуж пойду!

От взрыва смеха в лавке задребезжала посуда. Лола утерла глаза:

– Ох, Росанна, и язык у тебя! Храни Господи того победителя!

Сесилия разочарованно поджала губы, а Лола чуть покосилась на нее и еле заметно ухмыльнулась.

...Корзинка опустела, новости иссякли, и девушки одна за другой потянулись к выходу. Проводив подруг, Росанна выглянула на крыльцо, огляделась, вернулась в лавку и негромко постучала в дверь кладовой. Войдя, она улыбнулась:

– Вы не оглохли от нашего квохтанья?

Годелот в ответ поклонился с характерной угловатостью всех прирожденных военных, донельзя раздражавшей Росанну:

– Напротив, мона, надеюсь, это мы не слишком шумели.

Пеппо подошел ближе, и лавочница заметила, что он выглядит слегка подавленным.

– Одна из твоих подруг просто как в воду глядит, – усмехнулся он, – я даже испугался.

Девушка отмахнулась:

– Лола-то? Язык у нее без привязи, и одни амуры на уме. Даже в голову не бери.

Годелот тем временем прислушался к приглушенному звону колоколов.

– Мне пора, – мрачно сказал он, – за полдень уже, к построению успеть нужно.

Повисла неловкая пауза, и Росанна проговорила:

– Тогда выйдите в лавку, я дам знать, чтоб никого не было. У прилавка потопчитесь, дождитесь первого же покупателя и выходите с ним одновременно. А потом ты, Пеппо, так же сделай. Время обеденное, сейчас много народу замелькает, затеряться легче легкого.

С этими словами она вышла из кладовой, а Годелот обернулся к другу:

– Ну, уговорились, брат. В книжной лавке Фарино. Я к нему уже заходил и еще зайду, куплю чего подороже. Ему тогда важнее будет, чтоб я снова пришел, чем языком обо мне трепать первому встречному. А ты береги себя, слышишь?

– Ты тоже не плошай, – Пеппо до хруста сжал руку шотландца, – и с доктором не торопись. Пусть остынет. Не забывай: он сгоряча тебе много такого выложил, что герцогиня не больно бы одобрила. Вы теперь сообщники.

...Росанна все рассчитала верно. Годелот задержался в лавке, демонстративно купил пирожков, отпустил девице пару комплиментов и покинул лавку с шумной четверкой аркебузирова. А Пеппо, тоже не спешивший, вдруг столкнулся с одним из своих заказчиков, тут же зазававшим его выпить за только что купленный арбалет.

Купив для вида несколько кремней, оружейник сгреб их в ладонь и многозначительно кивнул лавочнице:

– Спасибо, Росанна. Ей-богу, что б я без тебя делал!

Девушка усмехнулась:

– В другую лавку бы пошел, льстец доморощенный!

Но, уже выходя из дверей вслед за щедрым заказчиком, Пеппо чувствовал провожающий взгляд и знал: Росанна поняла его.

* * *

Сесилия неспешно шагала по улице, подбирая подол. В кривом и узком переулке порядком смердело помоями, и девушка бдительно следила, чтобы не изгваздать юбку. Впереди уже виднелась залитая солнцем церковная площадь, на которой сейчас почти не было людей, зато в изобилии сутились упитанные голуби.

Выйдя из тисков переулка, Сесилия прикрыла ладонью глаза и огляделась: у самой колокольни на плитах сгорбился, перебирая четки, монах. Девушка направилась к нему и опустила монету в кружку для пожертвований.

– Святой отец... – прошептала она, и монах медленно поднял голову. Из-под клобука блеснули внимательные глаза. А Сесилия торопливо заговорила: – Вы были правы, святой отец. Росанна-то, прости господи, бесстыдница, каких мир не видал. Отца спозаранку проводила – и давай во все тяжкие! Я-то с утречка у окошка сижу, как вы велели. В девятом часу смотрю: Росанна лавку запирает. Это в почин-то торгового дня! А через часок назад идет, да не одна. С военным под руку! А сама-то все квохтала, как она вояк на дух не выносит! Тот такой фасонный, одет с иголочки, сам при оружии. Росанна глазки в пол – а он на нее глядит, будто сейчас кусок откусит. В лавку с ним – шмыг! А нас-то с девочками к десяти часам позвала, дескать, чтоб без батюшки не заскучать. В кладовую не пустила, отшутилась. А одна из подруг ее возьми да подковырни: мол, не кавалера ли прячешь? И что ж вы думаете? Даже не покраснела! Так и брякнула: прячу, дескать! Ну, другие-то давай хохотать. А я сразу смекнула: она нас всех за кур безмозглых считает. Всегда такая была. Еще бы, у ней же цельный день то военные вокруг толкуются, то мастеровые, а она прямо цацей себя держит, куда ж, ни дать ни взять – принцесса! – Девушка затаила дыхание и еле слышно спросила: – Святой отец... А что ж, Росанна... того... блудит?

Из-под клобука выпорхнула усмешка.

– Господь с тобой, несчастная, – мягко пожурил монах, – посовестись! Росанна просто хочет замуж, вполне достойное желание для девицы. Этот молодой служивый – ее жених. Однако он дворянин, и ему не пристало связывать судьбу с лавочницей. А потому, зная о недовольстве отца, он собирается совершить весьма неумный поступок: сбежать с Росанной во Францию и венчаться без благословения. Это великий грех.

Отец же юноши покровительствует обители, где я состою, и настоятель послал меня, дабы помешать не в меру пылкому юнцу опозорить семью и поставить под удар честь девушки. Ты совершила сегодня благое дело, дитя мое. Твоя подруга теперь у тебя в долгу.

Сесилия приняла благословляющее прикосновение сухой ладони к темени и выпрямилась, ощущая, как преисполняется трепетного пыла.

– Спасибо, святой отец! – с чувством произнесла она, поклонилась и зашагала прочь.

С дворянином во Францию... Торговка-то... Неприязнь к Росанне разом сменилась глубокой снисходительной жалостью, которая неожиданно поселила в душе сладкое удовлетворение.

Глава 6

Запертая лавка

То была длинная ночь.

Пеппо вернулся в тратторию, испытывая небывалый душевный подъем. План Росанны, который до последней минуты казался ему рискованным и безрассудным, осуществился с исключительным успехом. Все вообще прошло бы без сучка без задоринки, если бы на самом выходе из лавки падуанцу не показалось, будто кто-то пристально смотрит ему прямо в затылок. Но в многолюдном Каннареджо в самый разгар рабочего дня взгляды свистят вокруг, как пули над бруствером, поэтому ничего удивительного и тревожного в этом искать не хотелось.

Перейти к насущным заботам удалось не сразу. Долгожданная встреча с другом сняла с души какой-то уже давно привычный и почти не ощутимый груз, и Пеппо разбирала дурашливая эйфория, не дававшая сосредоточиться на более важных вещах.

По негласному отроческому закону они оба не позволили себе вслух сопереживать злоключениям друг друга, предпочтя обсуждать пережитое в насмешливо-легкомысленном ключе. Но сейчас хорохориться было не перед кем, и Пеппо долго размышлял о том, как много вынес шотландец. Пожалуй, Гodelоту пришлось намного труднее... Ведь он очутился в самом центре змеиного гнезда, пока Пеппо, по своему обыкновению, скрывался в тени.

Надо признать, Лотте оказался на высоте. Он успел узнать врага в лицо, заручиться пусть ненадежным, но сторонником и проникнуть в тайны герцогских интриг так глубоко, как Пеппо и не снилось. Однако, заметьте, он сделал все это вовсе не для того, чтобы сейчас валяться на койке и думать о пустяках.

Оружейник вскочил и метнулся к столу. Уже завтра многое забудется, похороненное под обманчиво тонкими пластами минут и часов. Сейчас... именно сейчас нужно начертить в уме новую карту событий.

А руки уже сноровисто расставляли на столе предметы. Сегодня их было куда больше. Враги и союзники. Знакомые и незнакомые. Могущественные и уязвимые. Люди. Все равно люди, а значит, со слабостями и желаниями, которые надо попытаться понять.

Пеппо постоял у стола, а затем задумчиво коснулся кончиками пальцев чернильницы. Доктор Бениньо. Совсем новый для него участник игры. Что он за человек? Какую роль играет во всей этой истории? Действительно ли он пленник собственных умений? Да и нужно ли ему исцеление герцогини, при которой он как сыр в масле катается? Несмотря на щедрые посулы, Фонци, встав на ноги, может ненароком и передумать... Падуанец не особо заблуждался насчет непостоянной людской натуры и знал, что в беде каждый готов озолотить весь мир. Но когда беда остается позади – вот тут наступает время поторговаться. А посему с доктором стоит сойтись покороче уже хотя бы потому, что у него есть причины не разделять общих планов.

Подросток нахмурился и постучал пальцами по столу. Главное, чтоб все это не вышло боком для Лотте. Шотландец не обладал привычкой друга просеивать чужие побуждения сквозь ячейки житейского цинизма, поэтому осторожность могла ему изменить.

Рука оружейника заскользила по столу, касаясь то одного предмета, то другого. Подсвечник. Герцогиня. С ней пока все относительно ясно. Она хочет излечиться и не выбирает средств. Но без подручных она бессильна, а значит, ее слабое место – это ее рать, где все могут иметь свои интересы и больные места.

Кусок воска. Отец Руджеро. Несомненно, тот самый Голос. Совершенно таинственный тип. Хитер, умен и холодно жесток. Пеппо совсем не знал его, но что-то исподволь шептало ему, что такому человеку наверняка куда интересней само Наследие, чем награда за него.

Пеппо пробормотал похабное ругательство и с силой впечатал воск кулаком в столешницу. К черту клирика!

Эта поганая тварь подвергла пытке Паолину. Еще неизвестно, где у него уязвимые места, но их стоит найти уже хотя бы для того, чтоб всадить кочергу по самую рукоять.

Уголек. Брат Ачиль. Кнут. Цепной пес Руджеро и рачительный исполнитель его приказов. По словам Лотте, он жаден до крови, как пропойца до стакана, и это очень важно. Это и есть его слабость. Его пьянит чужой страх, а во хмелю себя все переоценивают, это Пеппо знает наверняка. Но нельзя забывать: монах очень опасен, дерзок и изобретателен. Одна нехитрая затея с бутылкой чего стоит...

Кинжал. Полковник Орсо. Если верить Бениньо – ключевая фигура в герцогской свите. Пеппо провел пальцами по рукояти и призадумался. Любопытный тип. Спокоен и уверен в себе, как тысяча чертей. Именно поэтому он так обходителен. Кто в ладу с собой, тот редко унижает других. Проницательный мерзавец, одинаково хорошо фехтующий клинком и фразами. Непредсказуемый, как шальная пуля, и вездесущий, как комар. С виду вообще лишен слабых мест... Но это только с виду.

Пальцы заскользили по резьбе на рукояти кинжала, и мысли так же побежали по орнаменту воспоминаний того вечера. Вот Пеппо до боли вжимает ладонь в каменную кладку башенки, слыша приближающиеся шаги. Вот все сильнее запах горячего масла, фонарь потрескивает, приближаясь к лицу и обдавая его жаром.

Что же произошло потом?.. Он уже пытался вспомнить, но все было слишком быстро. Фонарь опалает лицо. Так близко, так больно и зло, что он, забыв осторожность, с размаху толкает раскаленный снаряд от себя, не замечая обожженной руки. Черт, он не на шутку испугался тогда. И от этого еще гаже ощущение, будто он что-то упустил в этой сцене. Что-то крохотное, невероятно важное, раздавленное оглушающей паникой тех секунд. Что же это было?

Оружейник вздохнул и протянул руку, касаясь следующего предмета.

Пороховница. Вот оно, самое главное, самое тяжелое его предположение. Три Трети. Значит, кто бы и зачем ни разделил Наследие, его делили на троих... Но кто эти трое? Действительно ли пастор Альбинони был одним из них и на крыльце разоренного замка Пеппо, сам того не зная, простился с последним членом своей погибшей семьи? А кто же остальные? Уцелел ли кто-нибудь еще, или Пеппо – последнее препятствие на пути герцогини Фонци к ее цели?

Подросток снова вздохнул, сгреб расставленные предметы и сел на край стола. Задумчиво вынул из-под камизы голубиное перо. Паолина. Она не участвовала в плетущихся вокруг него интригах. И среди всех этих кинжалов и пороховниц ей было совсем не место. Это перо, оброненное вспорхнувшим из-под ног голубем, просто мягко осело ему на плечо, когда он возвращался вчера в тратторию.

Она сама была слабым местом. Его собственным. Настоящим, не имеющим ничего общего со здравым смыслом. Да, у него были Гodelot, Росанна и Алонсо, так быстро и незаметно ставшие ему близкими и отчего-то соглашавшиеся дорожить им, несмотря на его сварливый нрав. Но с Паолиной почему-то все получилось не так. Ему недостаточно было знать, что она в безопасности. Недостаточно помнить, что она не винит его в своих невзгодах. А хуже всего то, что, если бы даже она покинула завтра Венецию и вернулась в родное Гуэрче, – ему и этого было бы недостаточно.

Отделенная от него монашеской рясой, словно крепостным валом, она чувствовала его каким-то особым чутьем, какого был напрочь лишен даже лучший друг. Она была с ним порой до грубости откровенна, на его собственный манер называя вещи их неприглядными именами. Она почти ни о чем его не спрашивала, но знала множество его душевных язв. Слишком недоступная, чтобы быть просто девушкой, она походила на теплый след девичьего тела на только что покинутой постели – едва осязаемый, чувственный призрак безымянного желания.

Но он не позволял себе раздумывать, чего именно хочет. Эти самокопания были лживыми зыбучими песками, стоило лишь ступить на их обманчивую рябь. А потом он медленно и мучительно выдирался из их трясины, кусками оставляя в ней свои душевные доспехи и выбираясь на поверхность истерзанным и уязвимым.

Пеппо встал из-за стола, переломил перо в пальцах и резко вонзил острый стержень в ладонь.

* * *

Годелоту тоже было не до сна. Но материи его занимали совершенно иные. Он был твердо убежден, что их прежняя задача, уцелеть в кольце врагов, уже потеряла смысл. Теперь картина стала не в пример яснее, и такая скучная затея, как выживание, сменилась намного более азартной.

Наследие Гамальяно... Таинственный свиток, обладающий небывалой и грозной силой. А Пеппо, единственный законный его обладатель, вся жизнь которого пошла под откос из-за чужой драки за его достоинство, при одном упоминании об этой блестящей перспективе вдруг съезжился, будто ему за шиворот сунули ящерицу. Господи...

Годелот вскочил с койки и ожесточенно пнул стоящий рядом табурет. Поморщившись от боли и емко высказав свое негодование, он метнулся к окну и прижался лбом к ставням. Чертов болван. Вернув себе зрение, Пеппо открыл бы перед собой весь мир. А он, видите ли, недостаточно хорош, да еще за темные делишки предков стыдно.

Шотландец прекрасно знал, что отец его в прошлом был пиратом мелкого пошиба, но не испытывал от этого ни малейших неудобств. Конечно, предкам юного Мак-Рорка было далеко до лавров Гамальяно, но святых в его роду не водилось ни в какие времена, и терзаться муками совести за похождения своих пращуров подросток находил несостоящим делом. В конце концов, ни одна наковальня еще не испортилась от того, что о нее разбили чью-то голову.

От этого здравого вывода мысли Годелота перетекли к доктору Бениньо, и воинственное настроение тут же ушло в песок. Несмотря на уверенность Пеппо, шотландец вовсе не был убежден в том, что врач снова подпустит его к себе. Ведь это не Пеппо грозил сломать эскулапу шею... Годелот глухо и тоскливо застонал. Как можно было так глупо потерять самообладание? Он ведь уже не ребенок, пора научиться держать себя в руках. Не исключено, что этой идиотской выходкой он безвозвратно лишил их возможного союзника.

Интересно, куда это черти понесли Орсо... И каких новых каверз от него стоит ожидать. Юноша не собирался признаваться в этом даже себе, но рассказ Пеппо о встрече в развалинах крепости порядком его напугал. Покуда он сам мнил себя ловким конспиратором, полковник успел раскрыть условленное место переписки, подменить письмо и заманить Пеппо в ловушку так, что тот мог погибнуть в ту же ночь, а Годелот никогда бы об этом не узнал.

Шотландец поежился. Несомненно, Бениньо знал, о чем говорит, когда речь шла о полковнике.

Годелот зачем-то проверил задвижку ставен, словно за ними уже притаился всезнающий Орсо, и вернулся в койку. Засыпая, он думал, какой Пеппо все же непроходимый дурак. Нежные чувства прелестной лавочницы легко разобрал бы не только слепой, но и глухой в придачу. Но ничего, это даже к лучшему. Со следующего жалованья нужно заказать приличный штатский камзол.

* * *

Росанна той ночью и вовсе не сомкнула глаз. Сидя в кровати и рассеянно следя за копошащимся у сундука котом, девушка с удовольствием перебирала подробности этого длинного

и занятого дня. Конечно, Пеппо мог бы выбрать друга и получше, но и этот фронт терпим. По крайней мере, явился трезвый, чисто одетый и ни разу не попытался ее ущипнуть. И темные брови при белокурых волосах – это, что говорить, красиво.

Лавочница поморщилась от собственных дурацких мыслей. В сущности, ей не было дела до очередного солдафона. Однако перед глазами вдруг сами собой всплыли недовольно поджатые губы Сесилии, когда ей не довелось похвалиться вышивкой на камизе... Росанна всегда недоумевала, отчего дочь портного завидует ей, хотя куда дороже наряжается и непрестанно твердит о своем сумасшедшем приданом. Но где-то глубоко внутри сидело сожаление, что Сесилия не видела ее сегодня на улице под руку с этим статным служивым. Ее б еще не так перекосило...

...Отец вернулся тем вечером в отвратительном настроении. Он ездил за товаром, но не купил и половины желаемого, что означало дорогостоящую и утомительную поездку на материк. Он долго и дотошно пенял дочери на шум, от которого у соседа «едва котелки с полок не валились», на съеденный изюм, «за который деньги плачены, а сам он в корзине расти не согласный», и еще на какие-то подлинные и мнимые огрехи. Росанна же, пряча улыбку, накрывала на стол и покаянно качала головой, клянясь, что изюма-то съедено было самую малость, а сосед и вовсе сам уши развесил, а теперь жалуется.

Истошив поток упреков и нравоучений, Барбьери отужинал, а затем сурово велел дочери отправляться спать и не докучать уставшему отцу своей девичьей болтовней. Хмуро зыркнув на Росанну напоследок из-под кустистых бровей, он пробубнил еще что-то назидательное, смущенно сунул ей привезенный сверток с отрезом винно-красного льна и уселся у очага.

Росанна же, уместив по краям стола две свечи и неспешно колдуя над тканью, размышляла о том, что на материк отец поедет не меньше чем на пару дней, а значит, она снова сможет предложить Пеппо и его самодовольному другу свою помощь.

...Но прошло два дня, а оружейник и не думал появляться. Это тревожило и немного обижало.

Юная лавочница недолюбливала долгие отлучки отца и сегодня утром провожала его без всякой радости. С торговлей она справлялась не хуже родителя, сосед-лудильщик всегда откликнулся бы на зов, ежели к Росанне вздумал бы проявить назойливое внимание какой-нибудь мужлан, а жили Барбьери и вовсе прямо на втором этаже над собственной лавкой. Но девушка все равно побаивалась ночевать одна.

Ночной город за окном, освещенный луной, казался таинственным и совсем незнакомым, голоса фонаричков перемежались порой с заунывным криком каких-то ночных птиц, и сразу вспоминались страшные рассказы, в изобилии бродившие среди детворы, до колик смешные при свете дня, но леденящие в пустом и темном доме.

День тянулся бесконечно. Солнце начало клониться к крышам, вытягивая вдоль переулка тени прохожих. Лавка уже почти час была пуста, и Росанна хмуро подумывала закрыть ее пораньше. Надо только запереть ставни. И свечу на сундук не ставить, а то в прошлый раз она увидела тень горшка, насаженного на ручку метлы для просушки, и едва не поседела от ужаса. Вот дура...

И что за день такой скучный? Покупателей мало, да и те несловоохотливы. Подруги не заглядывали, только Сесилия забежала с утра узнать, когда уезжает отец, и очень расстроилась, узнав, что Барбьери отправился к парому еще на рассвете. Она хотела попросить лавочника привезти для нее с материка какой-то особенной тесьмы. Одно тряпье на уме, будто у ее папаши-портного тесьмы не найдется. Клуша...

Росанна окончательно разозлилась, с грохотом захлопнула ящичек с дневной выручкой и раздраженно хрустела печеньем.

В конце лета темнеет быстро, и вскоре за подслеповатыми окнами лавки начала стучаться первая лиловая мгла, словно чернила, капнувшие в воду. Росанна подошла к окну и

поглядела на башенные часы. Почти восемь. Будет с нее. Только мешки с крыльца затащить – и наверх.

Но стоило лишь подумать об этом, как дверь скрипнула, и на пороге появился запоздалый покупатель, худощавый монах в доминиканской рясе. Он нерешительно потоптался у порога, осматриваясь, а Росанна поспешила навстречу, мысленно закатывая глаза.

– Доброго вечера, святой отец, – старательно улыбнулась она, – чем могу вам служить?

Монах не без учтивости кивнул, колыхнув полунадвинутым клобуком:

– Доброго вечера, достопочтенная мона. У меня возникло затруднение: я обошел уже несколько лавок и нигде не нашел нужного товара. Последняя надежда на вас. Я слышал, эту лавку держит мессер Джованни Барбьери.

– Да, святой отец, – кивнула Росанна.

– Нельзя ли побеседовать с ним? – Голос монаха прозвучал со столь искренней надеждой, что девушке стало неловко.

– Сожалею, святой отец, но батюшка в отъезде и вернется не раньше завтрашнего дня. Однако я все знаю о нашем товаре и непременно постараюсь вам помочь. Что вы ищете?

А монах неспешно откинул клобук, открывая болезненно-худое лицо, и взглянул на Росанну холодными спокойными глазами, в которых ей вдруг почудилась насмешка.

– Прекрасно, дитя мое, – мягко проговорил он, – я уверен, что ты сумеешь мне помочь. Главное, чтобы нам не мешали.

С этими словами он шагнул к онемевшей девушке и быстрым рывком сдернул с ее шеи висящий ключ. Росанна только сдавленно всхлипнула, когда жесткая струна шнурка впилась в кожу. А монах сноровисто заложил дверь переключиной и захлопнул ставни. Лавочница пятилась, пока не уперлась поясницей в прилавок.

– Святой отец, – пролепетала она, чувствуя себя так, будто в живот попали комком снега, – право, вы обознались. У нас никогда не было никаких недоразумений со Святой церковью. Батюшка – добрый прихожанин, мы всегда ходим к мессе, и никто о нас слова дурного вам не скажет.

Монах же улыбнулся, не размыкая тонких сероватых губ:

– Господь с тобой, милая. У святейшей инквизиции вовсе нет к вам нареканий. Я просто хочу скоротать время в приятном обществе, поджидая моего доброго друга.

Росанна сглотнула:

– Вы... вы о ком, святой отец?

– Не беспокойся, он тебе понравится. Главное, не шуми. Ты можешь совершенно незаметно навредить себе и своим соседям.

Девушка поверхностно дышала, сердце мелко колотилось в горле. В лавке стало совсем темно, голос монаха раздавался, казалось, прямо в пустоте, и ей уже мерещилось, что он надвигается на нее из мрака.

– Святой отец, – прошептала она, – дозвоьте... я зажгу свечу...

– Конечно, милая, – донесся ласковый ответ, напомнивший Росанне смазанное джемом лезвие кухонного ножа.

Она медленно обернулась, протянула руку и нашарила в медной миске кресало. Потом осторожно пододвинула к себе подсвечник. И вдруг ощутила, что этот тяжелый металлический рожок невольно придал ей уверенности. У нее есть преимущество: монах стоит напротив двери, сквозь доски которой еще пробиваются остатки света. Росанна же скрыта тьмой в глубине лавки. Немного удачи – и девушка успеет метнуться в кладовую. Там наружная дверь отперта, можно выскочить на улицу и попытаться убежать.

Машинально сжав подсвечник в руке, она осторожно вынула ноги из башмаков и мелко засемила к кладовой. Еще всего два шага, и... сильная рука схватила девушку за волосы и опрокинула на пол, а в грудь врезался удар. Росанна хрипло втянула воздух, а сверху навали-

лось тяжелое тело. Полуослепленная болью лавочница взвизгнула, взмахнула подсвечником и ударила куда-то в путаницу суконных складок рясы. Монах зарычал и хлестнул Росанну по лицу, перехватил руку, вывернул кисть, и подсвечник грохнул об пол.

Доминиканец, словно куклу, сгреб Росанну за ворот и отшвырнул в угол. Сам же напятил подсвечник и вернулся к прилавку. Раздался треск, и лавка озарилась дрожащим желтым огоньком свечи. Монах обернулся к съезжившейся на полу девушке.

– Твой слепой приятель должен был научить тебя простой истине, девочка, – проговорил он уже без всякой напускной мягкости, сухо и холодно, – сам он в ней весьма подкован. Все издает звуки. Тем более половицы в жалкой лавчонке.

Росанна медленно отерла кровь с разбитой губы, глядя на монаха из-за завесы разметавшихся волос. А тот лишь хмыкнул:

– Поздно сверкать глазами. Уймись, сучка, и сиди тихо. Тебе все равно никто не поможет, да оно и к лучшему. Кровь-то с пола отмоешь, а с девичьей репутации уже едва ли.

Росанна не ответила. Она сжалась в комок в углу, натянув на колени подол, и замерла, следя глазами за монахом, как мышь за змеей. Голова была совершенно пуста, грудь заходилась болью от удара, но страх успел перегореть. А монах невозмутимо сел на край прилавка, свесив ноги самым неподходящим для его сана образом, и погрузился в ожидание, будто забыв про девушку.

На улице совсем стемнело. Где-то гроыхали цепи уличных фонарей, хлопали ставни. А в полутемной лавке время, казалось, остановилось. Негромко потрескивала свеча. Монах сидел совершенно неподвижно, только профиль его, резкий и не лишенный изящества, четко вырисовывался в желтом ореоле.

Росанне уже казалось, что что-то пошло не так, что-то в мире споткнулось и она навечно заплутает в этом причудливом кошмаре. Но вдруг по ступеням крыльца взбежали легкие шаги, и кто-то с силой дернул на себя запертую дверь...

Глава 7

Ахиллесова пасть

У Росанны застучали зубы: сейчас что-то должно произойти. Затоптавшееся на месте время было готово снова тронуться вперед, по своему обыкновению не разбирая, кого подминают под себя его вертящиеся колеса. «Тебе никто не поможет... Кровь-то с пола отмоешь...» Кто бы ни явился, ему лучше просто понять, что лавка закрыта. Но на крыльце так и стоят не убранные на ночь мешки, а значит...

– Росанна! – раздался из-за двери знакомый голос, и девушка едва не застонала вслух. Она ждала Пеппо два дня, почему он должен был прийти именно сейчас?

Ответ не заставил себя ждать. Это он. Именно его ждет страшный монах. Один Сатана ведаёт, кто и как позвал его сюда, но лавка, всего несколько дней назад казавшаяся таким надежным местом, сегодня стала ловушкой, и ей, Росанне, отведена роль приманки. Девушка облизнула кровь, снова выступившую на губах, набрала воздуха.

– Пеппо! – закричала она. – Уходи! Сейчас же!

Но дверь содрогнулась под новым ударом, и на сей раз в голосе оружейника прозвучала холодная злоба:

– Эй, ты там! Кто бы ты ни был – открывай! Или я сейчас окно высажу, шуму не оберешься!

Монах неторопливо спрыгнул с прилавка и двинулся к Росанне.

– Не ори, парень, – отозвался он почти небрежно, – ты тут завсегда желанный гость. Только шаг назад и руки пустые. А то, гляди, меня не послушаешь – так я девку попрошу.

– А ты мне не грози, – донеслось в ответ, – а то, гляди, испугаюсь да замертво на пороге свалюсь.

Монах вздернул Росанну с пола и, держа ее сзади за складки лифа, подвел к двери.

– Отпирай! – коротко скомандовал он.

Лавочница стиснула зубы, но не шелохнулась. Монах прищурился, потянулся свободной рукой к лицу девушки, а из-за двери снова раздался голос:

– Росанна, открой дверь, не зли его.

Протянув заолодевшие руки, девушка с трудом сняла запор, с грохотом уронив тяжелый брус на пол, и монах тут же оттащил ее назад. Дверь же отворилась, и в лавку вошел Пеппо, плотно притворив за собой дверь. Он вышел на середину, выглядя совершенно спокойным. Крылья носа дрогнули.

– Чьей кровью здесь пахнет? – сухо спросил он, а монах скривился:

– С таким нюхом – и не узнаешь? Будь спокоен, опосля еще пушу, сам и сравнишь. Только речь сейчас не о том. У нас с тобой свои дела, Гамальяно, и самое время о них потолковать.

Пеппо кивнул:

– Да, это я понял. Только расскажи сначала, как ты меня нашел. Мне до смерти любопытно.

Монах улыбнулся с нескрываемым самодовольством:

– Охотно, на то я и духовный пастырь. Ты ведь уже знаешь о моем дельце с твоим другом, которое едва не окончилось для него пробитой головой?

Пеппо молчал, выжидая, и доминиканец продолжил:

– Видишь ли, зевакам всегда интереснее не тот, кому больнее, а тот, у кого штаны дороже. Над оцарапанным солдатом ее сиятельства квохтала целая орава идиотов, но никто не обращал внимания на беднягу Енота, а ведь ему было куда хуже. Никто, кроме монаха, что поспешил

к страждущему и принялся молиться о нем, надеясь успеть исповедать перед смертью. Благо ряса у меня была припрятана в двух шагах. И Енот исповедался... О, он был очень искренен, хотя уже едва мог шептать. Ты понятия не имеешь, парень, каким честным делает человека нож, медленно проворачиваемый в ране.

Так я узнал об этой лавчонке, куда мальчик-посыльный принес цветы. Не слишком надежная нить, но невелика сложность на всякий случай сунуть несколько монет побирушке, что сидит на противоположной стороне улицы и все видит, хотя его самого давно никто не замечает, так он слился с замшелой стеной. Ну а найти недалекую и завистливую ханжу, которая будет в оба следить за нелюбимой подружкой, – это и вовсе задачка для школяра. Особенно если намекнуть, что той светит богатый жених.

– Ловко, – одобрительно отметил Пеппо, будто речь шла вовсе не о нем. – Только зачем так корячиться, если ты все равно уже знал, где меня искать?

Доминиканец оскалился:

– Ну а как тебя в трагтории брать? Народ кругом толпится, да и ты не прост. По темноте из дому ни ногой, кинжал из рук не выпускаешь. Еще возьмешь, паскудник, да заколешься, и поминай как звали. А девкой ты прикрываться не станешь, натура у тебя... хм... сентиментальная.

– И тут не поспоришь... – задумчиво проговорил Пеппо. – Итак, что тебе нужно?

– Дураком прикидываться будешь? – процедил монах.

– Да, – невозмутимо отозвался оружейник.

Доминиканец понял. Он секунду постоял на месте, а потом уволок Росанну в кладовую и запер обе двери.

– Что ж, теперь к сути, – холодно начал он, возвращаясь и становясь напротив юноши. – Торговаться и не вздумай. Ты проиграл, уясни это. Условия ставлю я – ты подчиняешься. Просто потому, что у тебя нет выхода.

Повисла короткая пауза.

– Продолжай, – спокойно кивнул Пеппо.

Доминиканец шагнул ближе, понижая голос:

– Мне нужна Треть, которая находится у тебя. Это ты знаешь и сам. Она нужна мне немедленно, никаких отговорок.

– Иначе что?

– Иначе, – ровно отозвался монах, – я очень огорчусь. И чем больше ты меня расстроишь, тем дольше будет умирать твоя девка. Отцу ее тоже не поздоровится, но его можно и не убивать. Куда интересней оставить его коротать старость со сломанной спиной и мыслями о покойной дочурке. Он-то не слепой. Поверь, воспоминаний о зрелище, которое он найдет здесь, вернувшись, ему хватит на десять смертей.

Лицо Пеппо исказила судорога, на челюсти взбухли желваки. Доминиканец кивнул:

– Понятливый, паценок. Поэтому давай обойдемся без уговоров.

Оружейник молчал почти минуту. По лицу шли тени, будто за скупой освещенным занавесом разыгрывалась невидимая сцена. Он медленно вдохнул. Выдохнул.

– Хорошо.

– Вот и славно. – В голосе монаха послышалась усмешка. – Где она?

– Уж точно не у меня за пазухой. Спрятана на совесть, и путь неблизкий.

– Меня жена дома не ждет, девку я запру в лавке. А сейчас клинок сюда, только без суеты. Пеппо шагнул вперед, медленно выложил на прилавок кинжал, и монах осклабился:

– Вот и умник. А теперь идем. И никаких фокусов, девку пожалей.

Юноша покорно двинулся к двери. Они вышли на крыльцо, доминиканец запер дверь лавки, сунул ключ под стоящий на крыльце мешок и ткнул оружейника в спину:

– Вперед!

Пеппо осторожно повернул направо и углубился в сгустившуюся вечернюю тьму. Монах держался чуть позади.

Они неторопливо шагали вдоль домов и каналов по темным улицам, уже совсем малолюдным. Оружейник иногда замедлял шаги, касаясь шербины в стене или постамента статуи, будто вехи, а потом молча шел дальше.

– Тебя действительно зовут Ачиль? – вдруг спро-сил он.

– Я всегда предпочитал это имя, – с непонятной иронией ответил монах, но Пеппо лишь кивнул. А потом задумчиво добавил:

– В Греции тебя называли бы Ахиллесом.

– Ого, – ухмыльнулся монах, – недурно для трущобного крысенка!

Оружейник промолчал. Они перешли мост и свернули на длинную узкую улочку. По обе стороны тянулись запертые склады и лабазы, под ногами стелился волглый ковер подопревшей соломы, из-за заборов порой доносилось ворчание собак. Монах заметил, как плечи идущего впереди юноши слегка напряглись. Он уже собирался язвительно поинтересоваться, не боится ли тот цепных псов, как вдруг Пеппо с невероятной быстротой ринулся бежать.

Оружейник знал эту улицу, прямую как стрела и совершенно безлюдную по ночам. Он мчался, оскальзываясь на гниющей соломе, а сзади его уже настигал стремительный топот. Ощущение было леденяще знакомым. Вдруг раздался сухой свист, что-то туго захлестнуло щиколотку, и Пеппо с разбегу грянулся оземь. Резкий рывок проволоки его пару футов по мостовой, шаги приблизились, и тяжелая рука наотмашь ударила по лицу.

– Ты чего чудесишь, крысье семя? – низко и угрожающе рокотнул у самого уха монах. – Или заново все растолковать?

Еще один удар врезался в живот, и Пеппо согнулся на земле, хрипло переводя дыхание. Затем рывком перевернулся на спину.

– Брат Ачиль, – горячо зашептал он, – прошу вас, отпустите меня... Я скажу вам, где Треть. Вы легко найдете ее, вы же зрячий... – Голос оружейника прервался, он закашлялся. – Умоляю! Я устал от всего этого. Это слишком. Я не могу тащить на себе ответственность за столько людей, я не готов, я не сумею... К черту, заберите ее и оставьте меня в покое! Мне всего семнадцать.

Он лихорадочно бормотал что-то еще, но жесткая рука схватила его за волосы и вздернула с земли.

– М-да... – протянул брат Ачиль. – Я слышал о тебе совсем другое. Быстро ж ты гонор растерял.

Монах неторопливо осмотрел покрытое испариной лицо с багровым следом удара, подрагивающие губы, руки, судорожно мнущие весту на груди. Потом вдохнул, глубоко и блаженно, будто откупорив бутылку превосходного вина:

– Слизняк! – со вкусом припечатал он, срывая с ноги оружейника длинную плетть и снова сматывая кольца. – Шагай давай. Еще раз взбрыкнешь – руку сломаю. Пошел.

Пеппо закусил губу, отвернулся и снова двинулся по улице, ссутуля плечи.

Путь действительно был неблизкий. Жилые кварталы понемногу оставались позади, вместе с хлопаньем дверей и ставен, несущимися из окон перебранками, хохотом, приглушенным гвалтом кабаков и прочим ночным шумом. Тесные кварталы и мошенные улицы сменились пыльным трактом, обрамленным вереницей жалких мазанок. Набиравшая зрелость луна ярко освещала живописно убогое захолустье. Добрый час оба молчали. Вдруг Ачиль пнул Пеппо в спину:

– Ты куда меня тащишь, мошенник? Город вот-вот позади останется, море неподалеку.

В ответ Пеппо вытянул руку:

– Там, впереди, должны быть развалины крепости, ежели я не заплутал.

Ачиль поглядел на холм, увенчанный древними руинами, высеребранными луной:

– Старая римская крепость? Ты там тайник устроил, гаденыш?

– Да, – устало отозвался Пеппо, – мне сказали, что у крепости этой скверная слава и туда никто по доброй воле не ходит. Тогда я и перепрыгнул Третью.

Монах ухмыльнулся:

– Богатая идея. Там, были времена, рабов держали военнопленных. В подземельях той крепости народу сгинуло – не перечесть, по сей день останки в подвалах лежат. Говорят, по ночам эти страдалыцы такие рулады выводят, что сдуру вошедшие седыми выбираются, а кто и не выходит вовсе.

Пеппо передернул плечами:

– Не слышал. Видно, не приглянулся я им.

Брат Ачиль вдруг расхохотался:

– А ты все ж не дурак! Местечко нашел – почище сокровищницы дожа. Никакой охраны не надо. Давай веди, показывай.

Подросток покорно двинулся дальше. Двадцать минут спустя монах и его проводник поднялись на холм и остановились у черного провала ворот.

– Нам нужно внутрь, – пояснил Пеппо, – и насквозь. Все время прямо. Только тут много обломков, я не смогу идти быстро.

Ачиль негромко хлопнул о сукно рясы свернутой плетью. Его не слишком прельщал крошечный мрак развалин, но выбирать не приходилось:

– Я тебя скакать и не принуждаю. Вперед! – повторил он. – А вздумаешь кобениться – тут тебе и гнить.

Пеппо еще сильнее ссутулился и двинулся во тьму, то и дело спотыкаясь. Полуразрушенная крепость оказалась не так уж велика. Перейдя внутренний двор, где росли пробившиеся сквозь остатки плит чахлые деревца, монах последовал за оружейником в полумрак нижней галереи, все еще величественной, несмотря на обломки колонн на заросшем травой полу. Где-то наверху во мраке слышались шорох и писк летучих мышей. Юноша медленно шел вперед, шаря во тьме вытянутыми руками, натываясь на валуны и осколки, осторожно ощупывая их и обходя. Брат Ачиль шел следом, поневоле замечая, что только сейчас парень выглядит по-настоящему слепым.

Несколько футов – и Пеппо дошел до освещенного лунной бесформенного проема. Осторожно протянул руки в стороны, ощупывая обглоданные веками остатки пилястр, некогда украшавших выход. Затем вывел своего конвоира на узкую площадку, залитую лунным светом. От нее вниз шла нескончаемая лестница, в миле впереди мерцала гладь моря.

Здесь падуанец остановился.

– Мне нужно время, – неуверенно пробормотал он, – я должен поискать... Я был здесь всего один раз, у меня есть приметы, я не смогу с ходу найти тайник.

– Ищи! – холодно отрезал Ачиль. Но юноша медленно поднял голову.

– Что ты сделаешь, когда получишь ее? – спросил он, и голос его едва заметно дрогнул.

– Я с тобой покончу, – ровно отозвался монах, – но не беспокойся, это недолго.

– Это обязательно? – тихо вымолвил Пеппо. – Или ты тоже веришь, что...

Доминиканец поморщился:

– Не начинай заново эти бабьи песни! Мне без интереса, нужно ли истребить всех Гамальяно. Но я люблю доводить дело до конца. Особенно однажды не оконченное. Считай это моим капризом.

В лице оружейника что-то передернулось:

– Что значит «однажды не оконченное»?

Брат Ачиль вдруг перестал раздраженно перебирать кольца плети и с любопытством взглянул на юношу.

– Так ты ничего не знаешь... – протянул он. – Что ж, изволь, напоследок можно и уважить. Мы ведь с тобой старые знакомцы. Это мне ты обязан своей слепотой. К сожалению, я не успел проверить, добил ли тебя. Проезжавший почтарь услышал твой крик и поперся в лес с аркебузой. Пришлось уходить. Но на сей раз я не оплошаю.

Пеппо побледнел, медленно вдыхая. Монах же изучающе поглядел в незрячие глаза:

– Я скажу тебе больше, парень. Твою мать тоже прикончил я. Чистоплюй полковник запрещает своим солдатам обижать девочек. А они его, как Сатаны, боятся. Все приходится делать самому.

Юноша прижался спиной к угловатым остаткам колонны.

– Прекрати... – прошептал он. А доминиканец улыбнулся, и скулы его чуть порозовели, словно от свежего ветра:

– Твоя мать не была красоткой, Пеппо, хотя и не без изюминки, в этом не откажешь. Но мой патрон не позволил мне оценить ее получше. Он тоже зануда в этих вопросах. Однако я помню ее смерть...

– Хватит! – рявкнул падуанец. Его колотила крупная дрожь, пот тек по вискам. Брат Ачиль шагнул ближе.

– Я вонзил ей нож вот сюда, – тонкий сухой палец впился Пеппо в ямку у основания шеи. – Медленно, как в масло. Она даже не вскрикнула. Только смотрела на меня своими глазами, будто запомнить пыталась. Ей-богу, меня аж мороз продрал. У тебя совсем не такие глаза. Интересно, от кого она тебя нашлавила? Бедолага Жермано тогда был уже мертв, но я рассмотрел его – ты ничуть на него не смахиваешь. Он как-то... попроще был, что ли.

– Да заткнись же... – Голос Пеппо сорвался на хрип. – Просто убей меня ко всем чертям!

А монах почти ласково скользнул ладонью вверх по груди оружейника и плотно охватил смуглую шею.

– Будь мужчиной, – прошептал он, – мужчины не боятся воспоминаний...

Большой палец доминиканца вдавился в кадык, а остальные прошлись сзади по цепочке позвонков, будто по клавишам клавесина.

– Сейчас ты отдашь мне Третью. Я вернусь в лавку. Нет, я не стану убивать девочку. Я просто взыщу с нее должок за твою монахиню. Патрон остановил меня тогда, в лесу. А я уже сказал: не терплю неоконченных дел. Я, правда, дурака свалил, нужно было взять ключ с собой. Мало ли, кто приметил, куда я его прячу. Глядишь, приду – а мне уже одни объедки останутся. Так что надо поспешать. Кстати, будь ты пошустрее, тебе бы тоже уже отвалилось. Девчушка-лавочница на тебя, как на пряник, смотрит. Но оно и к лучшему. Есть уверенность, что она не успела прижить от тебя еще одного выблудка помойно-голубых кровей. – Пальцы чуть сжались, ощущая, как вздрагивает горло. – Где Третий, шлюхин сын?

А Пеппо секунду помолчал и вдруг шепнул:

– Вот она...

Молниеносно охватил стоящего вплотную монаха обеими руками и всей тяжестью рванулся вперед. Брат Ачиль тяжело рухнул спиной на ребро верхней ступени, затылок глухо стукнул о камни, и противники, стиснутые мертвой хваткой, покатались по выщербленным ступеням. В ярком свете луны полы черного доминиканского плаща, словно крылья гигантского нетопыря, то взметались вверх, то обматывали падающие тела. Оброненная плетью черной змеей извивалась по светлому камню, скользя вниз за тяжестью взблескивающей рукояти. Глухие, все ускоряющиеся звуки тычков о камень и вскрики слились в общий рокот.

Сквозь хаос вертящегося мрака и оглушающую боль Пеппо чувствовал, как содрогается в его объятиях жилистое тело монаха, и наконец, когда не было больше сил сжимать руки, а боль не давала вздохнуть, черед тупых каменных зубов окончилась и сплетенные враги выкатились на остатки плит у подножия лестницы.

Пеппо хрипло втянул воздух пополам с клубами поднятой пыли, отчаянным усилием вырываясь из складок монашеского одеяния, прижал противника к земле и наотмашь ударил кулаком куда-то в надсадно шипящую влажно-липкую плоть. Скрюченные пальцы вцепились в шею юноши, снова ища горло. Рваное дыхание пополам со страшным бульканьем раздавалось у самого лица. Пеппо уже не знал, откуда берутся эти последние силы. Левая рука почти не слушалась, голова гудела, как медный гонг. Оскальзывающиеся пальцы монаха царапали щеку – он тоже уже почти не мог бороться, и ногти бессмысленно терзали лицо врага.

– Тварь... тварь... – шепотом рычал Пеппо, по-звериному впиваясь зубами в окровавленную руку монаха. Он ткнул основанием ладони почти не действующей левой руки Ачилию в подбородок, правой охватил темя с выбритой тонзурой и неистовым усилием рванул вправо. Раздался отвратительный хруст, и тело монаха обмякло, распростершись на земле.

Оружейник встряхнул головой. Медленно разжал руки. Брезгливо сплюнул. А потом оттолкнул тело убитого и рухнул на землю.

Пеппо не знал, сколько времени неподвижно лежал на осколках старинных плит, слыша лишь собственное дыхание и отдаленный шум моря. Голова была заполнена звонкой болью, болью заходила каждая кость, ребра мучительно отзывались на вдох.

Он убил человека... Голыми руками. И это было совсем не то, что беспечно стрелять из аркебузы куда-то в бездну на звук голоса.

Холодно... Рукава гадко липнут к рукам, горит разодранная шея. И отчаянно хочется доползти до моря и промыть жгучей соленой водой следы когтей этой ядовитой твари, что неподвижно лежит справа от него.

Шаги. Быстрая поступь. Побрякивают битые плиты. Черт, это шаги!..

Пеппо приподнял голову с земли, отчаянно сгребая расплзающееся по швам сознание. Здесь никого не может быть. Это просто бред, навеянный головной болью. Сюда никто не ходит. Но кто-то все же шел, стремительно шел прямо к нему, лежащему возле еще не остывшего трупа.

Ну и пусть. Юноша вновь уронил голову наземь. Он защитил Барбьери и отомстил за мать... за Паолину... за Гodelота. А дальше – черт с ним.

А шаги меж тем приблизились вплотную, и низкий глуховатый голос проговорил:

– Эй, парень! Не время отдыхать, поднимайся, живо.

Пеппо поморщился, снова приподнимая голову, но тут же сильные руки подхватили его и помогли сесть. Раздался гулкий звук вынимаемой пробки, к губам оружейника прильнуло горлышко фляги. Он машинально сделал несколько глотков и закашлялся: во фляге был крепкий дешевый самогон.

– Досталось тебе... – проворчал голос. – Встать сможешь?

– Да... – хрипло пробормотал Пеппо. Мысли отказывались проясняться. Он оперся о землю правой рукой и тяжело поднялся на ноги. Левая рука плетью висела вдоль тела. Уверенная ладонь тут же охватила его за левую кисть, грубоватые пальцы прошли вдоль руки:

– Хм... – раздалось рядом, и вдруг резкое энергичное движение вогнало Пеппо в плечо молнию адской боли. Оружейник подавился криком, судорожно вдыхая, а незнакомец отрезал:

– Все, вправили. Везучий ты, парень. Другой бы голову расшиб – и бывайте.

– Вы... все видели? – проговорил Пеппо, машинально сжимая ноющее плечо.

– Что надо, то и видел! – огрызнулся голос. – Ноги волочишь?

– Да... – снова смешался Пеппо. В голове понемногу светлело, и на смену отвлеченным контурам проступало четкое осознание, что он только что совершил убийство у кого-то прямо на глазах. А на плечи вдруг лег тяжелый плащ, крепко пахнувший лодочным дегтем.

– Вот и отлично! – отрубил незнакомец. – Надень капюшон, рожа у тебя не к обеду. И уходи отсюда. Так быстро, как сможешь.

Пеппо охватил ладонями голову.

– Что?.. Но труп, господи. Его надо...

– Не надо! – рявкнул незнакомец. – Проваливай отсюда ко всем чертям, и на твоём месте я б дня три носа на улицу не казал. Ну!

И тут оружейник ощутил, что в голове вдруг все встало на место, словно скоба арбалета гладко вошла в паз. У него нет выхода, кроме как довериться этому неизвестному человеку. И нужно просто послушать его, как бы нелепо это ни звучало.

Запахнув плащ, Пеппо натянул капюшон. Уже отступая назад к лестнице, он хрипло окликнул:

– Мессер! Благодарю вас. Храни вас Господь.

В ответ раздался рык:

– Катись!

* * *

В кладовой было совершенно темно. Звуки снаружи с трудом доносились через плотно сколоченную дверь, лишь отдаленный колокольный звон изредка пробивался в глухой мрак.

Росанна сидела на полу меж двух бочек, мышью забившись в это тесное укрытие. Она понятия не имела, сколько часов уже провела здесь, пока не прислушалась к вновь раздавшимся колоколам. Половина второго ночи... Пеппо ушел с этим ужасным монахом, и девушка уже знала: он не вернется. Он выкупил ее, не торгуясь. И ушел. Навсегда.

Первые часы лавочница ждала его возвращения, заливаясь беззвучными слезами и изнемогая от страха. А потом поняла: дальше ждать бесполезно. И слезы встали в горле, как жесткий комок пакли, а тело свело холодное оцепенение.

Ночь закончится. Она все равно однажды закончится, и на улицах снова появятся люди. И тогда можно будет колотить в наружную дверь кладовой и кричать. Соседи услышат. А потом она должна будет ответить на три сотни однообразных идиотских вопросов. Умыться, переодеться и открыть лавку. Улыбаться, считать монеты, уравнивать медные чашечки весов. Слушать чужой вздор. Заинтересованно кивать. А Пеппо больше никогда не придет, и она не узнает, как и где все случилось. Зато может прийти это жуткий монах. Зачем? Просто прийти... взять и прийти.

Эта бессмысленная фраза, словно шестеренка испорченной шарманки, ездила по кругу. А из темноты вереницей выступали образы. Пеппо, сосредоточенно и любовно проводящий кромкой ножа по точильному камню. Пеппо, заговорщицки перегнувшийся через прилавок к ее отцу и рассказывающий ему что-то явно неподходящее для ушей Росанны, поскольку лавочник оглушительно хохочет, утирая слезы. Эти картины были такими живыми и привычными, что девушке казалось: она сейчас проснется и темнота окажется просто темнотой ее крошечной спальни. А наутро Пеппо заглянет в лавку, и она расскажет ему этот дурацкий и страшный сон.

Росанна подтянула колени к груди и охватила их руками.

Вот и пробило два... Как тихо... Хотя бы ненавистная мышь заскреблась за мешками. Ну зачем отец уехал? Всего этого не случилось бы. Господи, как же тихо.

И вдруг в тишине раздался звук. Кто-то отпирал лавку снаружи. Росанна сжалась, по спине пробежала тысяча ледяных пальцев. Оно вернулось. Это чудовище. Оно пришло исполнить свою угрозу.

Лавочница медленно поднялась на деревянные ноги, взяла с бочки тяжелый совок для угля. Сердце бухало в ребра, грозя их пробить. Шаги. Тяжелые, хромающие. Вот они приближаются к двери.

Росанна забилась в угол, крепче сжимая совок. Заскрежетала дверная щеколда. Дверь отворилась, едва заметно обрисовываясь чуть более светлым прямоугольником в кремешной

темноте, на пороге возник размытый силуэт плаща. Девушка до боли вжалась в стену, негнущейся рукой поднимая совок, и тут из мрака послышалось:

– Росанна?

Она сдавленно кашлянула, будто едва вытащенная из воды утопленница, делающая первый вдох. С грохотом упал на пол совок. И Росанна бросилась вперед, припадая к Пеппо, стискивая его в объятиях и краем сознания чувствуя, как он тоже обнимает ее так крепко, что кажется – не вздохнуть.

– Вернулся... – пробормотала она. – Ты вернулся.

В крошечной темноте лавки ее пальцы бестолково шарили по его плечам, путаясь в складках незнакомого плаща. А потом что-то со звоном сломалось внутри, и Росанна разрыдалась. Она плакала и плакала, захлебываясь, надрывно всхлипывая, комкая грубую ткань плаща и вжимаясь лбом в твердую ключицу оружейника. Пеппо не пытался утешать. Он безмолвно обнимал рыдающую девушку, с неумелой лаской касаясь щекой ее темени, и ждал, пока слезы иссякнут сами.

Минуты шли, и колотящая Росанну дрожь начала утихать. Наконец девушка оторвалась от груди Пеппо, глубоко вздохнула и прогнусавила:

– Прости... Я уже думала...

Пеппо только мягко сжал ее плечи, и Росанна обеими руками отерла лицо.

– Почему ты пришел сегодня? – всхлипнула она почти обвиняюще. – Тоже еще... нашел когда в гости ходить.

Подросток помолчал, а потом неловко усмехнулся:

– Оборванец какой-то в тратторию явился. Сказал, меня девушка дожидается, очень просит прийти. Ну... а кроме тебя, меня позвать некому.

Оборванец сказал: «Подружка твоя без тебя заскучала, папаша у ней в отъезде», чем вызвал свист и хлопки в питейной, но Пеппо решил, что можно обойтись без цитат.

Росанна же вздрогнула:

– А где... тот?

– Его нет, – спокойно ответил оружейник. – Совсем.

Девушка вздохнула и убрала с лица всклокоченные волосы.

– погоди, я зажгу свет.

Пеппо услышал, как она возится у прилавка с кресалом, потом затрещала вспыхнувшая свеча, а следом тут же донеслось:

– О господи!

– Хорош? – смущенно дернул он уголками губ, но свет уже вернул Росанне часть самообладания.

– Страх божий! – отрезала она. – Тебе нельзя возвращаться в тратторию в таком виде. Сейчас засов заложу, и поднимемся к нам.

Она сыпала словами, и за этим деловито-непререкаемым тоном все еще слышалась истерическая нота, словно тень пережитого потрясения. Пеппо покачал головой:

– Росанна. Так нельзя. Твоего отца сейчас нет, а ты...

– ...а я не собираюсь приглашать соседей полюбоваться, – возразила девушка. И тут же снова устало вздохнула. – Пеппо. Мы слишком много сегодня пережили. Давай не будем препираться. Скажи честно: ты действительно хочешь сейчас тащиться в тратторию и провести остаток ночи совершенно один?

Не дожидаясь ответа, она взяла подсвечник, проверила запоры на дверях и молча двинулась к лестнице.

...Дома Росанна заметно успокоилась. Усадив Пеппо у стола, она несколько минут чем-то сосредоточенно шелестела, а потом велела:

– Сними-ка весту! И не надо румянцем полыхать, раздевайся, говорю! С весты кровь я отчищу, а с камизой хуже, все рукава насквозь.

Пеппо заметно передернуло.

– Ее проще сжечь, – ответил он. – Завтра куплю новую.

Он стянул грязную одежду и почувствовал, как ошеломленно девушка смотрит на него.

– Господи, – пробормотала она, – на тебе живого места нет...

Погрузив лоскут полотна в миску с водой, Росанна начала осторожно смывать кровь с исцарапанного лица оружейника. Влажно поблескивающие борозды спускались на шею. Спину и ребра покрывали багрово-фиолетовые кровоподтеки, перечеркнутые застарелыми следами плетей. Поддавшись почти неосознанному порыву, Росанна коснулась светлого рубца и осторожно прочертила его по всей длине от плеча к пояснице, глядя, как на смуглой коже проступает зыбкая рябь мурашек:

– Сколько у тебя шрамов... – тихо сказала она.

Потом так же бережно провела по следу камня на щеке и резко отдернула руку, вдруг ощутив, как непозволительно интимен этот жест.

Пеппо замер, слыша ее прерывистое дыхание у самого своего виска. Медленно повернул голову, почти бессознательно потянувшись на звук этого дыхания. А Росанна снова протянула дрожащие пальцы, отирая с лица оружейника капли воды. Юноша коснулся ее ладони лицом, вдыхая запах розмарина, так же медленно выдохнул и едва ощутимо поцеловал основание девичьих пальцев. Отстранился, коротко встряхивая головой, будто отгоняя дремоту.

– Вот... такая у меня жизнь... занятная, – пробормотал он. – Разве это не стоит пары царапин?

Росанна издала нервный всхлипывающий смешок.

– Дурак! – опять чуть гнусаво отрезала она. – Пара царапин... Лучше вздохни глубоко. Если можешь вдохнуть до самого упора – значит, ребра целы.

Они проговорили почти до рассвета, сидя на полу среди мешков с мукой, сложенных у очага во избежание сырости. Пеппо рассказывал о своих злоключениях, осторожно отсеивая самые отвратительные подробности.

– Вот так, – мрачно подытожил он, – и все это снова из-за меня. Если бы...

Но в этот момент ему на плечо легла голова Росанны.

– Я сейчас тебя ударю, – сонно посулила она. – Сколько можно талдычить... Каждый сам за себя в ответе. И если бы снова нужно было встрять в твои дела – я бы снова это сделала.

Пеппо только покачал головой. Девушка так и заснула, прижавшись к нему. А оружейник до утра не сомкнул глаз, размышляя о страшных событиях этой длинной ночи, своем втором убийстве, о котором он тоже ничуть не жалел, а главным образом – о своем таинственном доброжелателе и его плаще, так призрачно-знакомо пахнущем лодочным дегтем.

Глава 8

Когда откликнутся небеса

День не задался с самого утра.

Омерзительно болела голова, подчиненные не в состоянии были принять самых простых решений и вели себя как круглые олухи, желудок сводило от голода, но есть не хотелось. Словом, полковник Орсо чувствовал себя, будто медведь-шатун, не ко времени выползший из берлоги, а потому до корчей ненавидящий весь белый свет. И ладно бы изводили старые раны или была бы иная достойная причина. Но полковник точно знал: все его страдания из-за того, что он снова безобразно перебрал накануне, и это знание приправляло общую злость еще и отвращением к себе.

Днем, словно в издевку, явился отец Руджеро. Правда, он не стал ничем докучать полковнику, а просто поднялся к герцогине, которая нынче была довольно бодра и ждала друга для своеобразной игры в шахматы, где фигуры, повинувшись указаниям синьоры, передвигал слуга. Конечно, визит доминиканца, скорее всего, означал его присутствие и за обедом, но Орсо надеялся, что доктор Бениньо отвлечет огонь монашеской язвительной любезности на себя.

Однако за столом царила непривычно подчеркнутая тишина. Негромко позванивало серебро, слуга тенью скользил меж троими сотрапезниками. Доминиканец хмурился, то и дело замирая и бессознательно вертя в пальцах ложку. На полковника он сегодня не смотрел.

Наконец Руджеро поднял глаза на врача:

– Доктор Бениньо... – Эскулап вопросительно взглянул на монаха. – Я не хотел бы болтать всуе, но меня одолевает тревога. Мне показалось, что ее сиятельству становится хуже. Она сегодня необычно разговорчива, и в этом есть какая-то нота отчаяния.

Бениньо помолчал, скользя пальцами по ножке своего бокала.

– Герцогине не может стать хуже, святой отец, – неохотно проговорил он. – Парализис – это болезнь, не имеющая ухудшений. Она прискорбна по сути своей. Но ее сиятельство теряет силы и волю к сопротивлению, а это намного опаснее. От неподвижности тела гуморы в нем застаиваются. А стоячая жидкость – это угасающая жизнь. То же самое касается и души. Синьора чувствует это и потому пытается что-то снова в себе растормошить. Но стойкость герцогини на исходе.

– Значит, нам надобно торопиться, господа! – отрезал Руджеро.

При этих словах он обернулся к полковнику и в упор посмотрел ему в глаза. Орсо не отвел взгляда, только хмурая складка прорезала лоб. Монах никогда прежде не говорил в его присутствии этим сухим и серьезным тоном, неизменно и вкрадчиво вплетая в голос нити невесомого сарказма, поэтому полковник ощутил, что сейчас доминиканец искренен.

За столом повисла тяжелая пауза, но в этот момент раздался стук, и в трапезную вошел капитан Ромоло.

– Господа... – Он отвесил общий поклон. – Мой полковник. Прошу милостиво простить мою дерзость, но с нарочным доставлена эпистола, и тот твердит, что превесьма важная. Извольте, ваше превосходительство. Нарочный ждет.

Орсо коротко кивнул, принимая измятую записку, испещренную следами грязных пальцев, распечатал, пробежал глазами. Брови его дрогнули и изогнулись под причудливым углом.

– Невероятно... – пробормотал он и поднялся из-за стола. – Виноват, господа, я вынужден отлучиться.

Полковник вышел, а оставшиеся наедине врач и доминиканец молча продолжили обед, больше не касаясь поднятой монахом щекотливой темы. Они не раз уже обсуждали ее и оба знали, что взаимопонимания им не достичь...

Руджеро уже собирался поблагодарить герцогиню за гостеприимство и откланяться, когда прямо у лестницы его остановил оклик:

– Святой отец! Я дерзну отнять несколько минут вашего времени. У меня к вам важный разговор.

Доминиканец неторопливо обернулся.

– К вашим услугам, полковник, – мягко проговорил он, внутренне подбираясь. Вдохновения для пикировки с кондотьером не было и следа, но после стычки в библиотеке Руджеро предпочитал держать военного на виду и не уклоняться от разговоров.

Однако, введя доминиканца в библиотеку, Орсо наглухо запер дверь и сел напротив с видом хмурым и задумчивым.

– Отец Руджеро. У меня для вас новости.

– Слушаю вас, – сухо отозвался монах.

– Сегодня утром береговой патруль выловил в одном из приморских каналов труп. И по некоторым признакам это ваш соратник брат Ачиль.

В библиотеке воцарилась недолгая тишина. Затем Руджеро перекрестился и бесстрастно констатировал:

– Вот как... И это сообщаете мне именно вы. Насколько я помню, вы не служите ни в береговом патруле, ни в Патриархии. Из чего следует всего один несложный вывод: вы либо сплетничаете, либо злорадствуете. Оба варианта правдоподобны, и ни один из них не делает вам чести.

Орсо же, против своего обыкновения, не ответил ядовитым выпадом. Он лишь медленно покачал головой:

– Мне необязательно служить в береговом патруле, чтобы быть в курсе новостей. Ну а притворяться, что я скорблю, как минимум лицемерно.

Губы Руджеро передернулись гримасой:

– Ну, раз вы столь осведомлены, быть может, вы сообщите мне и причину этой... трагедии? Брат Ачиль не был склонен ни к пьянству, ни к отроческим безумствам. Едва ли он мог просто запутаться в полах рясы и упасть в канал.

Полковник помолчал и вдруг усмехнулся:

– Окститесь, друг мой! Брат Ачиль слишком интересно жил, чтоб так скучно умереть. Я уже поговорил с человеком, который присутствовал при осмотре тела. Ваш соратник по вере умирал нелегко. Все тело покрыто ушибами, треснуло несколько ребер, правая рука прокушена до кости и сломана шея. Видимо, его свирепо избили и предусмотрительно позаботились о тайне последней исповеди. Разве только укус мне непонятен.

– Постыдитесь! – рявкнул монах, вдруг придя в ярость. – Вы не вправе глумиться над мученически погибшим человеком, даже если он не был вам по душе!

– Не вправе глумиться? – понизил голос Орсо, подаваясь вперед. – Возможно. Но и выжимать из себя слезы по грязному убийце и жестокому чудовищу я не стану, не обессудьте!

Лицо доминиканца пошло красными пятнами.

– Убийце?... – процедил он. – Выбирайте выражения, солдафон!

– Этот кровавый аспид заслуживает и не таких! – отрезал кондотьер.

– Не смейте клеветать на того, кто уже не в силах себя защитить! – отчеканил Руджеро. – Вы одержимы своей ненавистью к церкви, это лишает вас здравого смысла и остатков порядочности.

– Не стану спорить, – оборвал Орсо, – отчасти вы правы. Но сейчас вы зря мечете в меня молнии. Все сказанное мной – именно здравый смысл. Если вы помните, не так уж давно был ранен мой подчиненный и убит осведомитель. Еще тогда я сказал вам: за Енота отомстят. Так вот, рыцарь справедливости. На спине утопленника ножом вырезана морда енота. Прямо же под ней – слово... м-м-м... ставящее под сомнение репутацию матери покойного. Мне не

нужно других доказательств его вины. Это святейшая инквизиция и Верховный суд склонны к заблуждениям. Суд же уличного трибунала непогрешим, ибо там умеют искать, не жалеют на это времени и жаждут подлинной мести, а не успешно оконченного заседания.

– Брат Ачиль хворал тогда тифом! Он боролся за свою жизнь, а не отнимал чужие! Господи, да вы сумасшедший! – Монах сорвался на крик, а Орсо, тоже теряя самообладание, встал из кресла и навис над ним:

– Да неужели! А может быть, страдалец просто отращивал бороду, чтоб сойти за уличного пропойцу? Я скажу вам больше, Руджеро. Мак-Рорк узнал вашего вурдалака в его маскарade. Он приходил ко мне с докладом. Более того, и в смерти Никколо Марцино он обвинял именно его. Я заткнул мальчишке рот, чтоб он не навлек на себя еще больших бед своей болтовней, но это не означает, что я ему не верю!

Полковник перевел дыхание, на лбу выступил пот. Руджеро же стиснул подлокотники кресла, жалобно затрещал сафьян.

– Вы злоупотребляете выпивкой, Орсо, – прошипел он, пытаясь подняться на ноги, – я уже подмечал это на днях. Только, похоже, я недооценил серьезность дела.

Однако кондотьер лишь оскалился, снова понижая голос почти до шепота:

– Не стану с вами спорить, святой отец. Я давно убедился в неблагодарности этого занятия. Однако предупреждаю вас, Руджеро... – Кондотьер отступил, позволяя доминиканцу встать. – Я без особых затруднений сносил ваши интриги и нападки, покуда они касались лично меня. Но вы перешли черту, натравив своего ручного упыря на моих людей.

Доминиканец вдруг вскинул голову:

– Так это вы? Это вы, Орсо, руководствуясь одними только словами раненого мальчика, навели уличную шваль на брата Ачиля?

Полковник скрестил руки на груди.

– Почему же «навел»?.. – протянул он с издевкой. – Я лишь подсказал одному дельному человеку направление поисков. Все прочее – не моя забота.

Руджеро несколько секунд молчал, а потом медленно осел обратно в кресло.

– Вы страшный человек, Орсо, – негромко проговорил он.

– О, – вскинул брови кондотьер, – неужто печной горшок дразнит кочергу чумазой?

Монах молча сидел в кресле, и гнев в его глазах сменился мрачной задумчивостью.

– Что вы пережили, Орсо? – вдруг спросил он. – Откуда в вас столько ожесточения? Это не ваша извечная солдафонщина, тут что-то другое. Что вы за человек? Мне сейчас отчего-то кажется, что за все эти годы я так и не узнал вас.

Полковник чуть склонил голову набок, будто услышал что-то совершенно поразительное. А потом произнес с нотой неподдельного восхищения:

– Святой отец... Право, вы великолепны. Как вам удастся так мастерски играть? Я ведь точно знаю, что вы лукавите. Но против воли верю вам. Верю, что вы и правда пытаетесь сейчас быть выше своего гнева. И даже видите во мне душевные язвы, делающие меня скорее безумцем, нежели жестокой и несправедливой тварью. Я никогда так не умел, Руджеро. Но я не могу не оценить вас. Только... как же вы живете с этим, господа помилуй?! Как можно питаться одной ложью? Неужели вы совсем... совершенно ничего не знаете о муках совести?

Доминиканец еще минуту смотрел в бездонные глаза полковника. Затем медленно встал.

– Вам что-то известно об убийце?

– Только то, что у него превосходные зубы, – криво усмехнулся полковник.

Но монах уже окончательно взял себя в руки.

– Доброго дня, ваше превосходительство, – ровно ответил он, направляясь к двери, – мне нужно позаботиться о погребении моего брата по вере.

– Отец Руджеро! – донеслось вслед. Монах замедлил шаги. – Напоследок одна безделица, но советую вам не пренебрегать ею.

Доминиканец остановился, по-прежнему не оборачиваясь к кондотьеру. А тот бесстрастно проговорил:

– Меж нами никогда не было приязни, святой отец. Но мы все же оставались союзниками. Однако для вас будет большой ошибкой сделать меня своим врагом. Доброго дня и вам.

Монах медленно оглянулся:

– Друг мой, я знаю ваше отношение к людям моего сословия. Но, пусть вы и считаете меня лицемерным чудовищем, я не думал, что кажусь вам еще и идиотом. Поверьте, вздумай я записать вас в число своих врагов, вы едва ли узнаете об этом. Ну, разве что перед казнью.

– Я учту это, святой отец, – холодно бросил Орсо.

* * *

«Ты чего чудесишь, крысье семя...»

Осколки битых плит вгрызлись в спину, а по телу побежали сотни жестких пальцев. Они впивались в следы ушибов, все быстрее спеша вверх, теснясь у горла, словно изголодавшиеся пауки. Пеппо бился в их жадной хватке, задыхаясь и пытаясь вскрикнуть, зная, что голос тут же отпугнет мерзких тварей, но почему-то не в силах издать ни звука. Вдруг локоть пронзила резкая боль, и юноша с отрывистым криком проснулся.

– Вот черт... – пробормотал он, сжимая ладонью локоть, ушибленный о край койки.

Оружейник протянул руку, нащупал миску с водой, приложил к ноющей скуле мокрый лоскут, а затем длинно и выразительно выругался.

Прошедшие сутки обернулись настоящим адом. Невозможно было ни лечь, ни даже опереться спиной о стену, и уж тем более не удавалось заснуть. Каждая мышца и кость вопили о своем существовании. Оставалось мерно хромать по комнате и напоминать себе, что он хотя бы ничего не сломал, а это уже исключительная удача.

Тяжелый сон сморил оружейника лишь под следующее утро, но легче от этого не сделалось. Во сне Пеппо преследовали причудливые кошмары. Там были холодное тело Росанны, ее руки, оскальзывающиеся в его ладонях, и застойный соленый запах крови. Пальцы, жадными пауками ползущие по его шее. И повторяющееся слепое падение куда-то в пустоту, навстречу неожиданно вновь вернувшемуся последнему «зрячему» сну: осенний лес, ослепительно-желтые листья, вдруг обращающиеся в языки огня, и тень, взметывающая над его головой изогнутый предмет. Этот сон был ужасен. Давно забытые образы вещей приобретали чудовищно искаженные очертания. Они пугали Пеппо до холодного пота, а потом снова повторялись, будто он сам не отпускал от себя эти тягостные видения.

...Его вчерашнее возвращение в trattoria наделало немало шуму. Окруженный группой постоянных своих заказчиков, Пеппо призвал на помощь остатки душевных сил и относительно складно рассказал, как его пытались ограбить, зверски избили, изорвали одежду и могли бы вовсе убить, если б злоумышленников кто-то не спугнул.

Для ночной Венеции в подобном событии не было ничего необычного, но подросток не ожидал, что его рассказ вызовет столько сочувствия. Его незамедлительно угостили завтраком, долго возмущались и орали, спрашивая, не помнит ли он каких примет грабителей, «а то неплохо б рога ублюдкам поотшибать к чертовой матери».

К вечеру ошеломленный Пеппо стал обладателем двух камиз, поношенного, но добротного камзола и пришел к поразительному заключению, что многие постояльцы trattoria относятся к нему вполне по-приятельски.

Работать он не мог: левая рука после вывиха быстро уставала, на правой же были сбиты фаланги пальцев, и слушалась она паршиво. Стоило о многом подумать, но измученный болью и бессонницей оружейник бесцельно лежал на койке, не в силах сосредоточиться. Хотелось узнать, все ли ладно с Росанной, но показываться в таком виде на глаза лавочнику Барбьери

(который не мог не заметить разбитых губ дочери) означало только все усложнить, а впутывать Алонсо тоже было не с руки.

Он никогда еще так много не думал о Росанне, как в те долгие бессонные часы. После страшной ночи гибели монаха что-то в их простых дружеских отношениях сошло с прежней тропы. Утром они быстро и скомканно попрощались, словно наступивший рассвет со свойственным ему ханжеством разрушил недавнее безоглядное доверие. И теперь тревога, одолевавшая Пеппо, переплеталась с ощущением, что он что-то сделал не так. Чего-то не договорил, чего-то не услышал или не дослушал. И весь этот сумбур придавливало жгучее смущение за тот неуклюжий поцелуй в ладонь, настоянное на потаенном сожалении, что он так и не двинулся дальше на взволнованный звук дыхания...

...День клонился к вечеру, когда в дверь кто-то постучал. Оружейник поморщился, предчувствуя новые объяснения с заказчиками.

– Минуту... – пробормотал он, тяжело поднимаясь с койки и кое-как натягивая рубашку. Дохромав до двери, он повернул ключ и отворил:

– Ох... – красноречиво донеслось с порога, и Пеппо слегка нахмурился:

– Мессер Барбьери... Прошу вас.

Он отступил назад, слыша, как лавочник протопал в комнату и тяжело водрузил что-то на шаткий стол.

– Мать честная, – прогудел Барбьери, – да что ж это?! Ты как, парень? – Локтя оружейника коснулась широкая ладонь.

– Да ничего, обмогнусь... не впервой. – Пеппо окончательно смутился. Он еще не думал, как объяснить ту страшную ночь отцу Росанны. А лавочник уселся на табурет и шумно вздохнул:

– Ты это, приятель, сядь... Потолковать надо.

Пеппо запер дверь и сел напротив Барбьери. Тот еще немного помолчал, пытая и отдуваясь.

– Риччо. Мне того... дочка все рассказала. Как вечером гад этот вломился. Ишь уж до чего додумались. Монахами рядятся, сукины дети. – Он сделал паузу, а потом неожиданно издал звук, похожий на всхлип: – Одна она у меня, Риччо... Ничего больше в жизни нет. Пес бы с ними, с деньгами, да и с лавкой самой, хоть бы тот мерзавец ее сжег дотла, только дочку не тронул. И как тебя угораздило именно к закрытию прийти? Не иначе, архангел за руку привел... Росанна рассказала, как ты его за собой сманил. Как вернулся, краше в гроб кладут. Не знаю я, Риччо, может, и молчит она о чем, не хочет сердце мне рвать. А только я ж дочку знаю. И вижу – не кровит у ней душа. А значит, уберег ты ее от самого страшного. Я человек простой, Риччо. Говорить не обучен. Словом, спасибо тебе. Ей-богу, когда чего надо... ты только скажи. Я теперь у тебя по самый гроб в должниках.

– Да что вы, мессер Барбьери! – Пеппо заерзал на табурете, ощущая, что тот сейчас провалится напрямик в погреб. – Я-то... да что я...

– Ты давай не заикайся! – хлопнул лавочник ладонью по столу. – Все «кабы» да «если бы» – это слова. А я про дело толкую. Уехал, черт старый, бросил дочурку одну всякой падали на потеху. А ты оказался рядом тогда, когда меня не оказалось. И сделал то, что по совести – моя забота. Где теперь тот лахудрин сын, я не спрашиваю, где б ни был – туда ему и дорога.

Барбьери снова вздохнул, а потом осторожно похлопал оружейника по плечу.

– Не знаю, где у тебя болит... – пробубнил он и добавил совсем тихо: – Спасибо, сынок. Храни тебя Господь. – Он поднялся на ноги. – Пойду я, Риччо. И тебе отдыхать потребно, и Росанну оставлять теперь пуще смерти боюсь. Ты это... я тут тебе кой-каких гостинцев приволок. Ты не подумай, что я вроде как откупаюсь. От чистого сердца, ей-богу. Бывай, парень. Поправляйся.

От этой неловкой и бесхитростной сердечности Пеппо ощутил, как глупо зашипало в горле.

– Благодарю, мессер Барбьери. Росанне поклон передавайте.

...Лавочник ушел, а юноша запер дверь и вернулся к столу.

– Вот черт, а?.. – пробормотал он, чтобы как-то выразить обуревавшее его замешательство. Росанна, похоже, представила отцу его, главного виновника случившегося, в лучезарном ореоле героя. От этого было не на шутку конфузно...

Постояв у стола, Пеппо неуверенно стянул с принесенной лавочником корзины покрывавшее ее полотно и запустил руку внутрь. Сыр, кусок окорока, пирожки, несколько бутылок вина, фрукты. Губы невольно дрогнули улыбкой. Подросток не помнил, садился ли он когда-нибудь за стол, на котором было бы столько снеди одновременно.

А знаете, господа, все как-то утрясется. Попорченная шкура заживет, это уже проведено. Если бы неведомый хозяин плаща желал Пеппо зла, то уже мог бы его причинить. А ведь оружейник снова стоял у самого порога. И снова успел увернуться от падающего топора. Поэтому... нужно просто позвать на ужин Алонсо.

* * *

Отец Руджеро отложил перо и встал, чтобы закрыть ставни. Темнело, и с каналов неслись сырая прохлада и докучливая мошкара. Еще несколько документов, и он закончит на сегодня.

После гибели брата Ачиля прошло уже несколько дней, и доминиканца не отпускали размышления об этом неожиданном происшествии. Хотя Руджеро редко бывал искренен с другими, с самим собой он старался не хитрить. И прекрасно понимал, что пылкая сцена негодования в библиотеке была скорее плодом растерянности, нежели подлинного потрясения. Доминиканец всегда ценил брата Ачиля за хладнокровие и исполнительность, но, надо признать, этот человек вызывал у него содрогание.

Стоило подумать и о странной откровенности полковника. В том разговоре он недвусмысленно дал понять, что готов к войне. Господи... Будто Руджеро сейчас до него.

Доминиканец вздохнул и вернулся за стол, на котором горел многогогий шандал. Все это требовало времени на раздумья и ответные шаги. А времени не было. После смерти помощника все дела, находящиеся в его ведении, переместились на стол Руджеро.

Дела. Очередные бесстыдные требования, наглое попрошайничество и злобные пасквилы. Сбор сливок на помоях человеческих душ...

Монах снова вздохнул и взялся за следующий лист в стопе. Конечно, снова донос. Да еще от кого. От монахини из госпиталя Святого Франциска. Куда катится мир, черт бы его подрал? Уже сами церковники затеяли строчить кляузы друг на друга. Чего же ожидать от мирян?

Руджеро потер пальцами веки, отхлебнул тепловатой воды прямо из стоящего на столе кувшина и снова принялся за чтение.

Безлико-аккуратный угловатый почерк, каждая буква отдельно. Так пишут люди, поздно научившиеся грамоте.

«Припадая к стопам Господа нашего, я алкаю справедливости и защиты от происков Прелукавого Отца лжи и порока, что хитростию и превеликим лицемерием проложил кривой путь в самое сердце нашего милосердного пристанища...»

Какие слова, Пресвятая Дева! Ни единой помарки, строки четкие и прямые, будто струны лютни. Любопытно, сколько казенной бумаги эта особа извела на черновики? Еще одна россыпь цветисто-благочестивых фраз. А вот автор наконец переходит к делу:

«Едва месяц минул с того несчастного дня, как некий отрок постучал в двери госпиталя, дабы посетить тяжело хвораго солдата и подать ему милостыню...»

Так, сумасшедший калека сначала жрет принесенное ему угощение, а потом поливает дарителя площадной бранью. Весьма человеческий поступок. Быть неблагодарным скотом – это почти так же обычно, как иметь десять пальцев. Девочка-прислужница помогает посетителю выйти из этого приюта для умалишенных. Что?

Руджеро едва не вздрогнул, но тут же досадливо потянулся за кувшином. Паренек-посетитель, оказывается, слеп. Он совсем помешался на этих слепых, словно мало их в несчастной старой Венеции.

Однако пасквиль был красноречив и написан с таким чувством, что доминиканец не без интереса продолжил чтение.

Вскоре он понял, из-за чего сочинительница доноса затеяла столь длинную преамбулу и чего она, собственно, добивается.

Главу госпиталя весьма хорошо знали в церковных кругах. Аббатиса была едва ли не единственной особой, облеченной крупным духовным саном, кого Руджеро искренне уважал, несмотря на свои тщательно скрываемые взгляды. Мать Доротея неоднократно свидетельствовала на судах инквизиции и потрясла доминиканца кристальной порядочностью и умением смотреть на поступки людей без повязки клерикального ханжества на глазах. Итак, нашелся наконец кто-то, кого перестала устраивать власть этой женщины...

«Недрогнувшей рукой передала юную и мятущуюся душу девицы в похотливые лапы беспутного юнца».

Руджеро закатил глаза. Ну конечно, где ж еще заниматься развратом, как не в церковном саду у всех на глазах? Настоящие похотливые мерзавцы именно там и выбирают себе жертв. Доминиканец в третий раз потянулся за стремительно пустеющим кувшином... как вдруг ручка выскользнула из его пальцев и глиняные черепки в каскаде капель с гулким дребезгом разлетелись по полу.

«...Смею утверждать, что сей скорбный зрением юнец, именуемый Джузеппе, есть не кто иной, как сам Сатана в лживой личине благолепной юности».

Монах вскочил. Джузеппе. Слепой юнец. Неужели это снова совпадение? Или неувловимый мальчишка все это время был в двух шагах? Брат Ачиль клялся, что по сей день не нашел никаких следов. Что все попытки отыскать Гамальяно разбиваются о какие-то новые выходки изворотливого слепого прощелыги и даже слежка за шотландцем оказалась бесполезной. Он не мог пропустить это имя, только не он! Или же просто не успел добраться до этого пасквиля?

Доминиканец снова сел и вцепился в донос. Ну, брат Ачиль теперь может и подождать, а уж Руджеро-то не оплошает.

Он читал все дальше и дальше. О девице, что дерзила наставницам, подученная искусителем. О странной благосклонности матери Доротеи к бесстыжему юнцу. А вот целый лист, посвященный единственной встрече мальчишки с прислужницей. Зачем так подробно?

Руджеро придвинулся ближе к шандалу и погрузился в липко-высокопарные строки. Но, прочтя не больше трети, вдруг сдвинул брови, и его хмурое лицо приобрело выражение растерянности...

Монах опустил лист и прижал пальцы к векам, будто унимая боль в усталых глазах. Снова нерешительно взялся за донос и отчего-то опять начал сначала. Дочитал до середины и отложил пасквиль на стол. Встал, отирая лоб, подошел к окну... и, рванувшись назад, схватил лист, сминая края, и впился взглядом в текст.

Слово за словом, фраза за фразой. Он перечитывал абзацы, бросая на середине, мечась от начала к концу, точно боясь, что написанное выше исчезнет, как только он опустит глаза к следующей строке. Водил пальцами по буквам, будто малограмотный лавочник, опасаящийся, что его обсчитали. Бормотал вслух обрывки фраз, чувствуя, как сердце стучит все громче, заполняя собой грудь.

Здесь не было ни слова вымысла. Он знал. Он прочел слишком много таких кляуз. Эта узколобая святоша не сумела бы выдумать ничего подобного, да и сбиться со своего велеречивого стиля на странный лоскутный говор Гамальяно и простодушие шестнадцатилетней девочки она бы не смогла. Здесь все было правдой. Все до последней буквы.

Сердце перестало уместаться в груди и стремительно застучало в горле. Руки мелко задрожали, и Руджеро ощутил, что лоб сдавливает горячая полоса, словно палач надел на него раскаленный обруч. Он бросил пасквиль и оперся одной рукой о шершавое дерево стола, бес толково отирая с лица пот такой же влажной ладонью.

Он знал, что однажды Небеса откликнутся. Он верил в это, он был убежден, и, конечно, его не обманули. Доминиканец медленно выпрямился и двинулся к распятию, над которым трепетал огонь лампы. Упал на колени и ударился лбом о холодные плиты пола.

– Благодарю тебя... – пробормотал он. – Я столько лет блуждал впотьмах. Я шарил руками во мраке. Я сослепу давил ногами цветы на обочинах тропинки. А ты все равно не бросил меня, все равно простил, хоть я и был самонадеянным идиотом. Наконец-то я тебя понял. Я так виноват перед тобой... Но я все исправлю, клянусь. Только верь мне. Еще совсем недолго верь мне, умоляю.

...Свечи догорели на столе. Тускло тлел очаг. Отец Руджеро обессиленно сидел на каменном полу под распятием, и лицо его было мокро от слез.

Гулко пробили часы на Сан-Джакометто. Доминиканец вздрогнул. Поднялся с пола и вернулся к столу.

Завтра. Завтра он разберется окончательно. И тогда все встанет на свои места.

Выходя из кабинета, отец Руджеро взял со стола донос, смял и бросил в камин.

Глава 9

Гроссбух и ласточка

Паолина перевернула страницу и потерла глаза: от самых бровей вверх по лбу колкими лучиками разбегалась боль. Пожалуй, сестра Юлиана была права: читать в полутьме тощей свечи – дурацкая затея. Но фолиант был так неумолимо толст, что Паолине казалось, она никогда не осилит его даже до половины, а днем времени на чтение почти не оставалось. Желтые страницы пестрели мудреными рисунками и длинными пояснениями к ним. Меж страниц попадались рукописные заметки сестры Юлианы. Они были куда понятней, но разум все еще отказывался упорядоченно вмещать такую массу сведений. Каждый перевернутый лист был победой.

Девушка встряхнула головой и снова склонилась над книгой. Всю страницу занимало изображение человеческого скелета в забавной и неестественной позе. Паолина нахмурилась и зашевелила губами, пересчитывая кости в кисти руки. Надо же... Ей прежде и в голову не приходило, что ее собственная рука собрана, будто бисерная вышивка, из стольких частей. Несколько раз медленно сжала кулак, следя, как струны сухожилий мягко ходят под кожей. Затем придвинула свечу ближе к книге и погрузилась в рукописный текст заметок, то и дело переводя глаза на рисунок и беззвучно бормоча.

...С той безумной среды прошло уже почти две недели, и первые дни Паолина провела в безмолвном и безысходном оцепенении. Она едва поняла, что случилось, прежде чем ее с воплями впили в келью и заперли, словно буйную арестантку. Страхнув первое ошеломление, она принялась колотить в дверь, но все было тщетно. Лишь два часа спустя в замке снова щелкнул ключ и сестра Фелиция вплыла в келью воспитанницы, храня молчание и полыхая огнедышащим взглядом.

Далее Паолина стояла на коленях перед наставницей, чувствуя, как слова рушатся, будто булыжники в стоящий на плечах корабль: на нее наложена епитимья. Ближайшие три дня она будет сидеть под замком, скудно питаться и неустанно молиться об очищении души. Беспутный же негодяй, осквернивший ее уста, побит камнями и изгнан с позором, дабы ни один слуга Сатаны не посмел более явиться в дом Божий со своими непристойностями.

При упоминании о камнях Паолину прошила ледяная дрожь. Она потупилась, закусывая до крови губу и впиваясь ногтями в ладони. Девушка никогда не любила сестру Фелицию, но на свой лад уважала за терпение, с которым та учила ее грамоте и молитвам. Однако сейчас руки сами чесались по-бабьи расцарапать надменное рыхлое лицо...

Сестра Фелиция еще долго что-то толковала, сыпала на свой обычный манер цитатами из Писания и грозила Паолине всевозможными горестями, которые неизбежно настигают всякую нераскаявшуюся бесстыдницу. Истошив запас цветистых посулов, она размашисто перекрестила девицу и вышла вон, не забыв снова запереть дверь.

Несколько минут Паолина все так же стояла на коленях, мелко дрожа, а потом схватилась за край койки, прижавшись лбом к грубому тюфяку, и забормотала молитву, сумбурно, но так искренне, как редко молилась в этом темном узилище. Слезы градом полились из глаз, и послушница машинально отирала их одеялом, раздирая веки, сглатывала осколки слов и снова бессвязно шептала, то ли умоляя о чем-то, то ли чего-то беспомощно требуя.

Наконец, обессилев, Паолина сползла на пол, переводя дыхание. Сжавшись в комок и натянув на колени рясу, она долго сидела на полу, пытаясь понять, что же произошло там, в саду.

Что за помрачение нашло на всегда сдержанного Пеппо? Он был для нее совершенно непостижим, опутанный целой паутиной каких-то мрачных тайн. Он понимал мир и людей

пугающе глубоко и ясно, не в пример прочим, поверхностно глядящим вокруг зрячими глазами. И все равно ей было невероятно спокойно рядом с этим загадочным слепым парнем. Вопреки всякому здравому смыслу в его присутствии чувство одиночества и отверженности отступало, а все тревоги и опасения как-то скрадывались, растворяясь в его неколебимой уверенности.

Откуда взялся вдруг этот шальной нерв, заколотившийся у виска? А потом нахально-грубый поцелуй, будто кошель, на бегу ловко выхваченный из руки.

Паолина вздохнула, стягивая с головы чепец. Всего досаднее было то, что она вовсе не чувствовала себя оскорбленной. Намного больше ее беспокоило сейчас, сильно ли досталось Пеппо и действительно ли в дело пошли камни, или же это одно из извечных преувеличений сестры Фелиции. Что за глупая, безрассудная выходка, пинок по стенке осинового гнезда...

А она теперь безвылазно сидит под замком, лишенная права видеть иных людей, кроме сочащейся перестоявшим презрением сестры Фелиции.

Под замком... Девушка вдруг подняла голову, нахмурившись. Не она ли два часа назад тряслась, словно крышка на кипящем горшке, лепеча Пеппо о страшном монахе? Не он ли пообещал, что все уладит? И вот, пожалуйста. Она сидит взаперти, обозленная и одинокая, но недостижимая для Кнута и его ужасного хозяина. А юноша примет на себя все последствия своей отчаянной выходки.

Паолина тяжело и прерывисто вздохнула, вжимаясь виском в твердое ребро койки. Все смешалось в один бестолковый многоцветный ворох, будто нитки для рукоделья, посыпавшиеся из корзины. Здесь был и все еще не перегоревший страх, и жгучая злость на сестру Фелицию. И стены кельи, только что давящие на нее своим каменным бременем, стали казаться скорлупой, куда улитка прячет уязвимую плоть. И весь этот хаос придавливало нестерпимое чувство бессилия. Невозможности узнать, какую меру ханжеской людской жестокости отсыпали ее странному другу за ее же безопасность. А ведь он не знает, поняла ли Паолина смысл всего этого спектакля, и сейчас, возможно, думает, что она так же клеймит его позором, как вся эта гомонящая толпа, что растащила их в саду.

... Два дня затворничества протекли в черной меланхолии. Паолина послушно проводила время в посте и молитве, скрывая этими благочестивыми занятиями бесцветную и безвкусную апатию. Сестра Фелиция была довольна: в настроении своей подопечной она усматривала наконец постигшее ее смирение.

Но мать Доротея придерживалась иного мнения. Порядком обеспокоенная исповедью Пеппо, она лично пришла к Паолине для доверительной беседы. Проговорив о малозначащих вещах всего двадцать минут, настоятельница оценила бледность девицы и застывшую в ее глазах пассивную обреченность. Назавтра к Паолине явилась сестра Фелиция, придиричиво оглядела воспитанницу и велела следовать за собой. Затем монахиня отконвоировала девушку на второй этаж, где ту ждала сестра Юлиана.

Она заведовала всей лекарской деятельностью другого крыла госпиталя, где помещались платные кельи для более зажиточных пациентов. В отличие от переполненного страдающими людьми зала для неимущих, там смертность была относительно невысока, уход за недужными хорош, а к работе допускались только специально обученные медицине монахини.

Заправляла там высокая, сухая и суровая, будто горный мороз, особа. О сестре Юлиане ходили слухи, что кровей она самых высокородных, но прямо перед замужеством утратила в огне холерной эпидемии разом родителей, жениха и троих братьев, после чего приняла постриг в монастыре Святой Клары и посвятила жизнь изучению лекарской науки. Прочие сестры боялись ее как чумы, и лишь мать Доротея перечила ей, Впрочем не всегда успешно.

Сухо кивнув на приветствие Паолины, сестра Юлиана без предисловий начала:

— Здравствуй, дитя. — Слово «дитя» прозвучало будто низшее и довольно постыдное воинское звание. — С этого дня ты будешь работать в моем крыле по распоряжению матери-

настоятельницы. Подчеркиваю: по ее распоряжению, но не по моему желанию. У сестер много работы, и безграмотная деревенская девица нам лишь в тягость. Сразу после утренней молитвы явись к капелле. Да умудрит тебя Господь.

Отчеканив эту тираду, сестра Юлиана кивнула Паолине и устремилась прочь, оставив девушку в ошеломленном молчании. Послушница хмуро поглядела на удаляющуюся прямую спину, словно ожидая от той каких-то запоздалых разъяснений. Эта устрашающая особа в рясе вовсе не вызывала у нее симпатии, хотя в глубине души Паолина признавала, что медленное гниение в четырех стенах кельи под надзором сестры Фелиции намного хуже...

Однако вскорости девушка уже готова была пересмотреть свои разногласия с сестрой Фелицией.

Ее новая наставница, на добрую голову возвышаясь над испуганной Паолиной, ввела прислужницу в тесную комнатенку, заставленную сундуками, и сурово вперила ей в глаза:

– Итак, правила тут простые, но по зубам они не всем. Слушай и запоминай. Забудь о «сестре милосердия». Милосердие живет там, в общем зале, где всяким горемыкам милосердно позволяют подохнуть на койке, а не в придорожной грязи, и лечат их все больше молитвами.

Здесь же, Паолина, идет война. А на войне нет места милосердию. Лекарь на эту роскошь права не имеет. Посему привыкай: если излечение требует боли – ее нужно причинить. Если оно требует непреклонности – ее придется проявить.

Никаких колебаний, никакой жалости или брезгливости. Мы могли бы позволить себе быть щепетильными, если бы люди сами были чуть чище. Хотя бы как свинья в хлеву. Та хоть не станет есть гнили и сношаться с хворым хряком. Но люди не таковы. Половина недугов порождена не злой судьбой, а людским скотством. Не сверкай глазами – это так, и ты это знаешь, просто имей смелость это признать. Галльская болезнь, большая часть кишечных немочей, военные увечья, врожденные изъяны. Все это плоды безбожия. Но мы не судьи, Паолина. Мы ростовщики. Мы лечим тех, кто готов за это платить, чтобы те несчастные в общем зале могли получить лишнюю тарелку супа. И, чтобы нам платили, мы должны делать это на совесть.

Сестра Юлиана сделала паузу, а потом жестко взяла Паолину за подбородок крепкими сухими пальцами:

– Мне не нужны те, от кого мало толку. А потому твое дело на первых порах – стирка, штопка, мытье полов. В этом ты уже, несомненно, поднаторела. Помимо этого, ежедневно четыре часа ты будешь тратить на учение.

Монахиня протянула руку и безошибочно выудила с шаткого стола толстенный том.

– Это книга об устройстве человеческого тела. Она написана на латыни, но я дополнила ее множеством заметок по-итальянски. Наименования частей тела, костей и органов изволь знать на обоих языках. Разрешаю обращаться с любыми вопросами, но не с жалобами. Тебе будет трудно, но это впрок. Если же ты покажешь скудоумие и нерадение – мать Доротея мне не указ. И не забудь: твоя епитимья продолжается. Всякие связи с внешним миром запрещены. Все понятно?

Паолина открыла рот, нервно облизнула губы, закрыла. А потом робко пролепетала:

– Но... сестра, а сами пациенты? Когда я могу...

– Ты не можешь! – отрезала сестра Юлиана. – Безграмотная полумойка не может лечить людей. Я сама определяю, допустить ли тебя к пациентам. Еще вопросы?

– Нет, сестра... – хрипло пробормотала Паолина и откашлялась. – Нет, сестра! – повторила она громче. Сквозь первый испуг все отчетливее проступало неожиданное раздражение. Сестра Фелиция настойчиво кроила из нее блудницу, этот же полководец в рясе вот так, заходя, называет душой. Что ж, посмотрим.

Выпрямив спину, девушка прямо посмотрела в серые глаза монахини:

– Я готова.

* * *

Да, милосердие в царстве сестры Юлианы было птицей редкой. Зато обещанная война оказалась щедрой до назойливости, хотя и была не совсем той, какой грозила Паолине ее новая наставница.

Нет, обязанности Паолины не стали труднее прежнего. Даже напротив. Пациентов здесь было меньше, одежда их – чище, а заносчивость некоторых постояльцев было куда легче сносить, чем ядреную злобу и площадную грубость тех, кто доживал свой безрадостный век в тесноте общего зала.

Однако монахини, трудившиеся в этом крыле, совсем не походили ни на желчную сестру Инес, ни на громогласную сестру Фелицию. Это были молчаливые и собранные женщины, которые, казалось, никогда не спали и ничему не удивлялись. К Паолине же они относились в точности как к новой метле, неизвестно зачем купленной на казенные деньги, когда вполне можно было обойтись и старой. Ее никто не унижал, никто не повышал на нее голоса и уж тем более не поднимал руки. Но Паолина знала: это лишь оттого, что до нее никому нет дела. В равнодушии сестер не было ничего нарочитого. Оно было кристально настоящим, и это бесстрастное пренебрежение уязвляло девушку до глубины души.

В первые же дни Паолина узнала о себе невероятно много нового... Ей не приходило раньше в голову, что гнев, от которого ее так настойчиво предостерегали сестры, способен оказать на душу столь целительное действие. Меланхолии как не бывало. Паолину день за днем сжигало молчаливое бешенство, никогда прежде ей не знакомое. И если против сестры Фелиции она порой пыталась бунтовать, то здесь незамедлительно поняла: показывая нрав, она лишь сильнее убедит сестру Юлиану в своей бестолковой вздорности.

Особенно же невыносимым было для девушки то, что ее не допускали даже сменить пациенту компресс на лбу, словно и для такой малости ей не хватало ума.

И Паолина с неистовым жаром взялась за учебу. Слишком юная, чтоб засматривать вдаль, она не задумывалась о своей удаче, так внезапно перенесшей ее от корыта с кровавыми бинтами к анатомическому фолианту Андреаса Везалия. Она с ожесточением бросилась в пучину малопонятной и отчаянно трудной науки, куда более захваченная противостоянием с сестрой Юлианой, чем мыслями о собственном будущем.

Латынь, похожая на забавный и высокопарный итальянский, оказалась не слишком хитра. Но продираться сквозь записки сестры Юлианы для послушницы, всего два месяца назад научившейся свободно читать, оказалось задачей почти непосильной. Вероятно, окажись Паолина по доброй воле в одном из пансионатов для девиц более высокого сословия, она быстро пала бы духом, поняв, что премудрость эта слишком сложна для нее. Да и в понятии «деревенская девица», пусть и «безграмотная», она не усматривала прежде особой обиды, вполне признавая его справедливость.

Но суровая монахиня нащупала в некогда мягкой и покладистой натуре Паолины какую-то новую упрямую струну. Она никогда не высмеивала воспитанницу, не клеймила за бесталанность, педантично проверяя прочтенные ею страницы. Она терпеливо исправляла произношение, сухо и холодно развенчивала простонародные поверья и предрассудки ученицы. Но уроки становились все короче, пояснения – все обобщеннее, и Паолина чувствовала, что не справляется. Она словно училась танцевать, едва выучившись ходьбе. И монахиня все отчетливее давала понять, что теряет время, наставляя малообразованную воспитанницу.

И вот пришел день, когда, бесстрастно выслушав сумбурный пересказ «урока», сестра Юлиана коротко вздохнула и бросила листы на стол.

– Это бесполезно, – сухо и спокойно сказала она. – Человек, рожденный при хлеве, должен там же и оставаться. Это не стыдно. Сусликам не назначено природой летать. Я поговорю с матерью настоятельницей, довольно тебя мучить. Иди, Паолина, ты заслужила отдых. Книгу оставь здесь, более она тебе не нужна.

Девушка, успевшая за прошедшие десять дней возненавидеть Везалия пуще самого Сатаны, залилась сливочной бледностью, тут же вспыхнувшей неровными красными пятнами. Сейчас ей казалось, что ее только что публично отхлестали по щекам.

– Сестра Юлиана, – растерянно пролепетала она, – но как же... Дозвольте мне...

– Паолина, не держи на меня обиды, – с неожиданной мягкостью прервала ее монахиня, – я не наказываю тебя. Я повторяю: суслика не карают за то, что он рожден бескрылым. Он хорош таким, каким создан. А ты не создана для науки, и в этом нет ничего дурного. Именно простые девушки вроде тебя составляют соль любой нации. Ступай с Богом. Ты была усердна.

Горло Паолины сдавили слезы. Если бы сестра Юлиана язвила и насмехалась, если бы называла послушницу бесполезной и ленивой дурой, было бы несложно снова разозлиться и уйти, а потом жалеть, что не решилась хлопнуть дверью. Но от этой мягкой уверенности, что Паолина неспособна к учению от природы, становилось обидно до желчной горечи во рту. Она шагнула к столу, стискивая пальцы, и прерывисто заговорила:

– Суслик?.. Хорошо. Но, сестра Юлиана... Даже ласточка, воспитываемая птицами с рождения, встает на крыло лишь через месяц. Вышвырните ее из гнезда через десять дней, которые вы дали мне. А потом покачайте головой и скажите, что этот несчастный птенец, трепыхающийся на земле, просто олух от природы. Я росла среди крестьян и до прихода в госпиталь с грехом пополам умела различать буквы, а вы за десять дней ожидали от меня латинских стихов?.. Да, мне трудно запомнить три сотни названий, о которых неделю назад я не имела даже понятия. Но это не значит, что я этого не могу.

Паолина осеклась, тяжело дыша, а монахиня посмотрела на нее с отчетливой жалостью.

– Послушай, дитя, – так же увещающе проговорила она, – ты задета, однако посуди сама. Кисть руки – самая простая вещь, что имеется у каждого. Но ты не сумела правильно назвать и половины ее костей.

Девушка вскинула голову, и крылья ее носа дрогнули.

– Отлично! – отсекла она, а потом дерзко взяла со стола лист бумаги и придвинула к себе чернильницу.

– Что ты делаешь?! – Брови сестры Юлианы поползли вверх, но послушница лишь коротко кивнула:

– Это недолго, сестра.

Десять минут спустя, когда сестра Юлиана уже собиралась потребовать объяснений, Паолина положила лист перед монахиней, и та недоуменно уставилась на него. На листе была изображена корова. Ее ноги, голова, глаза и другие части тела были подписаны по-латыни. В углу листа шли какие-то пояснения.

– Вот! – коротко припечатала девушка. – Рисунок по всем правилам, поверьте, у этой коровы есть все, что у настоящей. Вот латинские названия. Наверняка вы знаете еще и другие, те, что я пропустила. Понятия не имею, как на латыни «вымя». А вот здесь написано, как правильно ухаживать за коровой. Вам все здесь понятно?

– Да, – в замешательстве ответила сестра Юлиана, – но...

– И вы можете, отложив рисунок, по памяти правильно назвать все, что на нем изображено?

– Конечно. – Монахиня начинала терять терпение. – Однако...

– Прекрасно, – сжала губы Паолина. – Значит, оказавшись в хлеву, вы сумели бы правильно обиходить корову и подоить ее как следует. Не правда ли?

Сестра Юлиана побледнела. Смахнула вдруг на пол рисунок и рывкнула в несвойственной ей манере:

– Что за чушь, девчонка?! Как можно подоить корову, лишь посмотрев на твои каракули?!

– Правда? – Девушка не заметила, как тоже повысила голос. – А как же тогда можно хоть затворить человеку кровь, лишь глядя на картинки и бубня малопонятные слова? Днем я мою полы, ночью – зубрю латынь. Но все равно не знаю, чем отличается болезнь святого Витта от болезни святого Лазаря, и едва ли узнаю, сумею я даже спеть псалом о костях руки! Какой толк в книгах, если я не вижу больных? Или моя задача из безграмотной поломойки стать поломойкой грамотной?

Сестра Юлиана оглушительно ударила ладонью по столу:

– Хватит! Ты изволишь намекать, что не быть хорошему ученику там, где плох учитель? Что ж... Превосходно! Ты меня убедила! Теперь четыре часа, отведенных тебе в день на учение, ты будешь посвящать уходу за больными под руководством сестер. Твои прочие обязанности остаются неизменными. В конце каждого третьего дня я буду проверять, сколько ты успела прочесть. Когда ты будешь спать, мне не интересно. Давай, ласточка, учись летать! Пошла вон!

Паолина промолчала, но подбородок ее вздрогнул так, что это стоило любой дерзости. Схватив со стола том Везалия, она поклонилась и почти выбежала за дверь.

Несколько секунд монахиня сидела неподвижно, а потом резко встала, подобрала с пола рисунок, смяла и несколько раз впечатала ладонью в стол, будто старалась раздавить отвратительное насекомое. У верхней губы раздражающе дергалась какая-то жилка, и непривычно хотелось швырнуть на пол чернильницу или сорвать гнев еще каким-то подобным нелепым способом.

Вероятно, она обошлась с прислужницей несправедливо. Но сейчас сестре Юлиане не было дела до справедливости. Впервые за многие годы ее попытались поставить на место. И кто? Девочка-подросток. Сельская простушка с запятнанным добрым именем. И ладно бы просто нагрубила. Сестра Юлиана поняла бы зуд уязвленного самолюбия и нимало не рассердилась бы на девицу.

Но Паолина сумела настолько разъярить монахиню, что та сначала скатилась до препитательств, а потом и вовсе пустила в ход свою власть. Этого сестра Юлиана не выносила. Она прекрасно знала, что преимуществами положения начинают пользоваться тогда, когда проигрывают схватку характеров. А значит, необходимо взять реванш. Забыть о всяких придираках. Не позволять себе язвить. Просто наблюдать, как девочка побарахтается в сетях собственного норова и сама придет просить пощады. И тогда все встанет на места. Уроки нужно выучивать, не так ли?

* * *

Свеча зачала, грозя скоро потухнуть, и Паолина потянулась за новой. Угнездила ее в медной чашечке подсвечника, но отчетливо ощутила, что читать больше не получится. Картинкиплыли перед уставшими глазами, а слова не ложились в общую строку.

Закрыв фолиант, девушка прижала пальцы к векам: недавно пробило два часа ночи. Еще можно успеть немного поспать. Однако спать совершенно не хотелось. Сегодняшняя стычка с сестрой Юлианой будоражила, как перцовая настойка, смешивая в одном котле запоздалый ужас от собственной беспримерной наглости и пьянящее победоносное чувство.

Что бы ни говорила сестра Фелиция о непокорстве своей подопечной, Паолина никогда не умела всерьез постоять за себя. Ее робкие попытки бунтовать против родительских наставлений неизменно разбивались лишь о вид выжидательно сдвинутых материнских бровей. Потуги отстаивать свои желания в играх с подругами гасли, стоило ей подумать, что завтра

в ее окно уже не постучит веселая девчоночья ватага. В богадельне, потерянная и отчаявшаяся, она чаще пыталась дерзить, но сестры относились к ее протестам, как к твяканью щенка, которого достаточно просто взять за шиворот.

Сегодня, униженная пренебрежением сестры Юлианы, она бросилась в эту немислимую перепалку больше от бессилия. Паолина не сомневалась, что будет просто очередной раз наказана... и сейчас ошеломленно понимала, что одержала верх. Да, она накликала на себя лишь еще большие трудности, но одно воспоминание о бледном лице монахини, ее суженных глазах и резких «хватит!», «хорошо!», «пошла вон!» не оставляло сомнений: поле битвы все равно осталось за ней.

От этого становилось жутко, но не как после того, первого взрыва у постели умирающего Пьетро. Сейчас страх походил на сладкое замирение сердца человека, который впервые выглядывает из окна высокой башни. Откуда взялись сегодня эти нахальные слова? Почему слезы даже не попытались глупо и позорно выступить на глазах?

Паолина задумчиво обломила с подсвечника неопрятный каскад нагара. Она знала, откуда все это. Это снова Пеппо, ее верный Лукавый. Не признающий чужого превосходства, не боящийся обдирать с кровоточащей сути шелуху иносказаний и никогда не идущий на попятный. Сколько раз в жизни они встречались? Пять? Шесть? И каждый раз она отгораживалась от него, подспудно опасаясь подпустить ближе, будто любопытного, но опасного зверя. Когда же он успел так неожиданно глубоко посеять в ней зерна своего колдовского влияния?

Неожиданно ей мучительно захотелось снова увидеть Пеппо. Рассказать ему о своей сегодняшней победе и увидеть кривоватую ухмылку и искры озорства на дне неподвижных глаз.

Паолина встала и погасила свечу. Хватит раздумий, нужно постараться заснуть. И на исходе третьего дня она перечислит сестре Юлиане все кости этой злосчастной руки, хоть бы ей пришлось надписать каждую прямо на собственной коже.

* * *

Сестра Юлиана сдержала обещание. Теперь каждый день одна из сестер брала Паолину с собой в кельи пациентов, и девушка подозревала, что ее сознательно отправляют к самым тягостным для глаз. Нет, ее уже не повергали в ужас, как прежде, зрелища гноящихся язв, омерзительных струпуев, уродливых признаков галльской болезни и других немочей. Но прежде все это было для Паолины лишь страшными декорациями ее повседневной жизни. Теперь сестры подробно поясняли послушнице происхождение этих хворей, порой произнося такие слова и описывая такие вещи, что девушка заливалась багровым румянцем и стискивала зубы, подавляя подкатывающую к горлу тошноту. Довольно скоро она поняла, что подразумевала сестра Юлиана под «людским скотством»...

Но брезгливость была временной – это Паолина знала точно. Намного тяжелее ей приходилось с тем, что монахини называли милосердием. Девушка не умела смотреть на людей сухим взглядом лекарской науки. Она научилась запирать слезы где-то внутри, но нередко рыдала в кастелянской подальше от чужих глаз.

Юные тела, изможденные чахоткой, сотрясаемые кашлем, от которого по белому полотну камизы разлетались веера кровавых брызг. Землисто-бледные, покрытые испариной боли лица. Одежда, которые страшно проваливались в тех местах, где полагалось быть ногам или рукам. Дети, несшие печати врожденных недугов, слабые, фарфорово-хрупкие. Она против воли тянулась приласкать их, а сестра Юлиана жестко брала ее за плечо и потом, за дверью кельи, отрубала:

– Даже кошка не вяжется с родным братом. И пока люди этого не поймут, такие дети будут рождаться. Утри слезы немедленно!

И она утирала слезы. Она подавала тазы с хирургическими инструментами, училась накладывать жгуты и считать пульс. Она сгребала с пола влажные лохмотья человеческой плоти и прокаливала на огне кривые иглы. Она промокала кровь с полупрозрачных губ и меняла компрессы на сухих горячих лбах. А по ночам настойчиво продиралась сквозь дебри анатомической науки.

Паолина стала сама походить на чахоточную. Она еще похудела, глаза ввалились, заострились черты лица, и некоторые сестры уже с опаской поглядывали на нее. Но сестра Юлиана невозмутимо следила за происходившим, не пытаясь ничего менять, и монахини молчали, привычно полагаясь на ее авторитет.

...В то утро все было как всегда. Прислужница, расстелив на столе ветхую простыню и вооружившись иглой, сосредоточенно подрубала обмахрившийся край, когда дверь скрипнула и на пороге появилась одна из сестер.

– Паолина, – окликнула она, – фартукними да ступай в малую приемную, видеть тебя желают!

Девушка вскинула голову. К ней гость? А в голосе монахини сквозь обычное ровное бесстрашие отчетливо позванивало любопытство...

Послушно сняв фартук и разгладив подол рясы, Паолина зашагала к приемной, пытаясь подавить гадкий внутренний холодок. Право, в этом городе мало тех, чей визит ее порадовал бы. Но она же здесь не одна. Не станут же причинять ей зло прямо в госпитале, на глазах у сестер. Мысленно бормоча все эти доводы, она вздохнула, собираясь с духом, и взялась за кольцо двери.

Приемная была залита светом из стрельчатого окна, на фоне которого виднелся черный силуэт в монашеском облачении. Паолина ощутила, как вздох застрял в горле. А силуэт шагнул вперед, обретая более ясные черты. Из светового ореола выступило суровое гладко выбритое лицо, глаза разного оттенка отразили арку приоткрытой двери, и низкий голос произнес:

– Доброе утро, сестра Паолина. Благослови вас Господь.

* * *

Она вошла и остановилась у порога, прикрывая за собой дверь. Бледное лицо, бледные губы, из широких рукавов рясы видны невероятно тонкие запястья. Словно недавно встала с постели после тяжелой болезни. Она поклонилась:

– Доброго утра, святой отец.

Голос дрогнул. Похоже, девица напугана.

Монах сложил кисти рук, будто нарочито демонстрируя миролюбие своих намерений, и кивнул в ответ:

– Не бойтесь, сестра. Я знаю, вы затворница и не принимаете гостей. Но мое дело весьма важно, кроме того, уверяю, оно ничем не смутит вашего покоя.

Послушница подняла голову и неожиданно испытующе, без всякой робости посмотрела монаху прямо в глаза. Похоже, она не слишком поверила в эту любезную преамбулу. Но ее доверие необходимо было завоевать.

– Меня зовут отец Руджеро, сестра Паолина, – мягко начал доминиканец, – и мне очень нужна ваша помощь. Поверьте, я не преувеличиваю. От вас зависят жизнь и благополучие одной очень достойной особы, а быть может, и гораздо больше. Прошу вас, присядьте.

Брови девицы дрогнули, и Руджеро понял: она непривычна к обходительности, ей намного лучше знакомы понукания. Но послушница смиренно кивнула, отошла к стене и опустилась на скамью. Доминиканец сел на противоположный ей край, чтобы не напугать девушку еще сильнее, возвышаясь над ней или по-судейски сидя напротив.

– Сестра Паолина, – негромко начал он, – я служу в канцелярии Магистратуры против ереси. Недавно по долгу службы я ознакомился с неким документом, порочащим вашу настоятельницу, достопочтенную мать Доротею.

Девушка вскинула полыхнувшие глаза, губы сжались, и Руджеро подобрался: несмотря на внешнюю изможденность его собеседницы, в ней живет беспокойный дух. Тем лучше...

– Дитя мое, я хорошо знаю мать Доротею, – заговорил он сухо, но доверительно, – это чистая и мудрая душа. На редкость чистая и мудрая, даже для служителя церкви. Но донос на нее писан с немалым усердием. В лучшем случае ей грозит снятие с поста настоятельницы. В худшем... все может быть очень печально. Сестра Паолина, вы в лоне церкви недавно. И я уверен, что вы, как все миряне, трепещете перед инквизицией и не ждете от нее справедливости. Увы, мне нечего вам возразить. Но я здесь не как агент судебной системы. У меня нет с собой ни клочка бумаги, ни пера. Я всего лишь человек, который не хочет беды другому человеку. Клянусь вам Крестом нашего Спасителя.

Повисла пауза, и девушка ровно произнесла:

– Чем я могу помочь вам, святой отец?

Руджеро сплел пальцы:

– Я не принес сам документ, сестра. Я не хочу откровенно вовлекать вас в это дело. Довольно грязное дело, говоря по правде. Автора тоже не коснемся, вам еще жить среди этих людей. Дело же в том, что некоторое время назад вы в качестве послушания читали Евангелие слепому юноше. Одна из сестер же утверждает, что сей отрок вел с вами богопротивные речи о праведнике Иове, о непомерном тщеславии Господа и неправоте его решений. Об этом было доложено настоятельнице, но мать Доротея усмотрела в его ереси скорее пытливость ума, нежели происки нечистого. Я читал содержание вашего разговора. Не скрою – он меня потряс. И мне необходимо знать, действительно ли все было так, или автор доноса еще и клеветник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.